

Р. Г. СКРЫННИКОВ

РОССИЯ

накануне
«смутного времени»

МОСКВА
«МЫСЛЬ»
1981

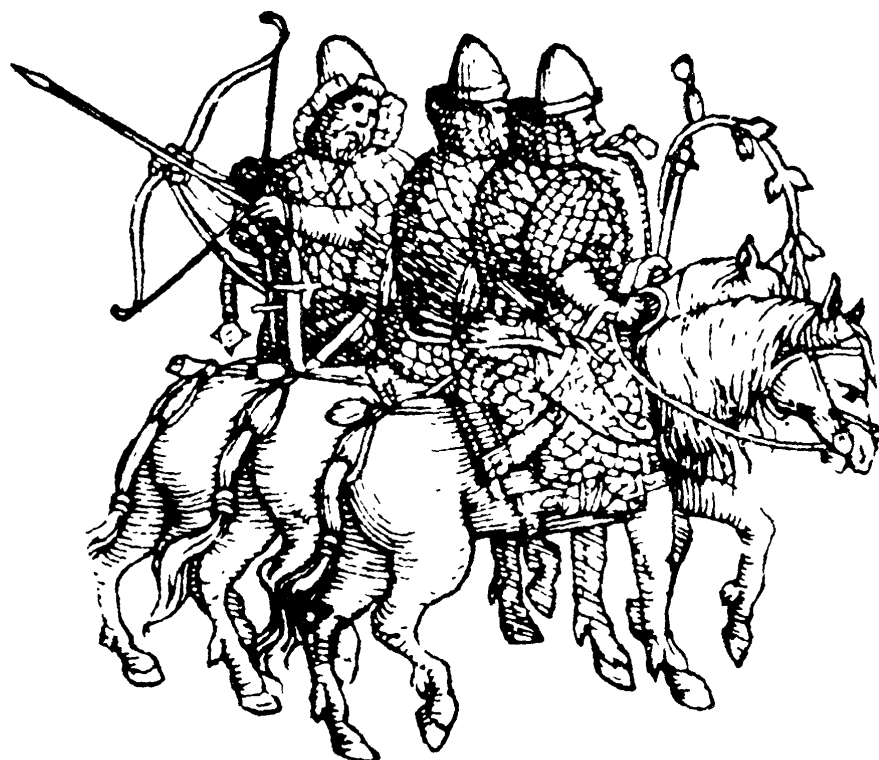
a. Peasans Moscovites en habit d'Hiver.

Р. Г. СКРЫННИКОВ

РОССИЯ

накануне
«смутного времени»

РЕДАКЦИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В оформлении форзацев использованы гравюры
«Боярская семья» и «Наказание на площади»
(А. Олеарий. ГПБ)

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

6

Глава 1

НАСЛЕДИЕ ГРОЗНОГО

9

Глава 2

КРИЗИС ВЛАСТИ

30

Глава 3

РЕФОРМА ДВОРА

40

Глава 4

ВОЕННАЯ УГРОЗА

48

Глава 5

ГОНЕНИЯ НА БОЯР

55

Глава 6

УСТУПКИ ДВОРЯНСТВУ

65

Глава 7

ДЕЛО НАГИХ

74

Глава 8

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ УСПЕХИ

86

Глава 9

КАБАЛА И БАРЩИНА

101

Глава 10

ПРАВЯЩИЙ КРУГ

108

Глава 11

ЗЕМСКИЙ СОБОР 1598 г.

120

Глава 12

ЗАКРЕПОЩЕНИЕ КРЕСТЬЯН

151

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

181

ПРИМЕЧАНИЯ

185

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

205

К XVI в. в исторических судьбах России наступил перелом. Русский народ окончательно преодолел раздробленность. Княжества и земли объединились в составе Русского централизованного государства. Благотворные результаты объединения земель давали о себе знать во всех сферах жизни. Страна достигла крупных экономических и культурных успехов. Ценой огромного труда крестьяне распахивали новую пашню, отвоевывая ее у лесов и болот. Развивались ремесло и торговля. Быстро росли города, увеличивалось население. Россия заняла достойное место среди крупнейших держав Европы. Возросшее военное могущество позволило государству приступить к решению важных внешнеполитических задач. Освободившись от татарского ига, русский народ смел осколки ненавистной Золотой Орды и проложил себе путь в Нижнее Поволжье, на Урал и в Сибирь. Вооруженные силы государства нанесли сокрушительное поражение Крымской орде — вассалу Османской империи. Историческое значение этих выдающихся побед определялось тем, что турецкие завоеватели уже стали твердой ногой в Причерноморье и над всей Восточной Европой нависла угроза новой экспансии.

В ходе 25-летней Ливонской войны Русское государство предприняло попытку утвердиться на берегах Балтики и завязать торговые отношения со странами Западной Европы по кратчайшим морским путям. Почти четверть века порт Нарва служил

морскими воротами страны. Проиграв Ливонскую войну, Россия лишилась «нарвского мореплавания». Военная катастрофа надолго подорвала международные позиции молодого Русского государства.

Объединение земель оказало всестороннее влияние на внутривнутриполитическое развитие страны. После присоединения к Москве уделов местная знать перешла на службу ко двору московских государей. Подчинив аристократию, монархия тут же стала ее пленницей. В XVI в. структура феодального сословия претерпела заметные перемены. Значительно окрепло мелкое и среднее дворянство. Монархия настолько усилилась, что стала претендовать на неограниченную власть. Дворянство поддержало ее самодержавные поползновения. Столкновение с аристократией оказалось неизбежным. Борьба сосредоточилась на вопросе о будущем государственном устройстве. Реформы середины XVI в. несколько ограничили могущество знати. Они создали прочную систему приказного управления, открыли доступ служилой дворянской бюрократии в аристократическую Боярскую думу, сформировали органы сословного представительства и земского самоуправления. Впервые возникли земские соборы. Преобразования способствовали политическому возвышению дворянства и укрепили элементы централизации.

Во второй половине XVI в. политическое развитие страны осложнилось опричной трагедией. В дни опрични-

ны сотня княжеских семей, составлявших цвет аристократии, отправилась в ссылку на восточные окраины государства. Множество княжеских вотчин перешло в собственность казны. Иван Грозный надеялся подорвать могущество знати, ограничивавшей его власть. Но наличные средства не соответствовали поставленным целям. Монархия могла справиться с аристократией, лишь опираясь на всю массу дворянства. Однако накануне опричнины Иван IV порвал с дворянскими реформаторами, отказался от преобразований и повернул страну на опасный путь. Он задумал укрепить собственную власть не через организацию дворянского сословия в целом, а через создание особого полицейского корпуса — дворянской охраны. Корпус комплектовался из относительно небольшого числа дворян. Его члены пользовались всевозможными привилегиями в ущерб остальной массе служилого сословия. Традиционная структура армии, местничество и прочие институты, обеспечивавшие политическое преобладание боярской аристократии, были сохранены в неприкосновенности. Подобный образ действий был чреват опасным политическим конфликтом. Монархия не смогла сокрушить устой политического могущества знати и дать новую организацию дворянскому сословию в целом. Привилегии охранного корпуса вызвали глубокое недовольство в среде земских служилых людей. Таким образом, посылки, на которых основана была опричная реформа, способствовали сужению политической опоры правительства, что в последующем развитии неизбежно привело к террору.

Грозный явно переоценил свои

силы: монархия еще не располагала ни мощным государственным аппаратом, ни регулярной армией. Власти не могли длительное время проводить политику вопреки воле верхов господствующего класса. Опричные меры натолкнулись на их противодействие. Нарушилось правильное соотношение между монархией и правящим сословием. Авторитет монарха катастрофически упал. Перед лицом всеобщего недовольства Грозный вынужден был признать провал своей опричной затеи. Опальную знать продержали в ссылке немногим более года. Затем Иван IV круто изменил курс и объявил о прощении княжат. Ссылные получили разрешение вернуться в Москву, где им стали возвращать земли.

Вопреки обычным представлениям опричная политика неоднократно меняла свои формы и направление. Сначала острие опричнины было направлено против княжеской знати, но затем она обрушила свои удары на головы дворян, приказных людей и горожан. Гонения против групп, составлявших традиционную опору централизованного государства, не имели смысла и оправданий. Террор ошеломил современников. Они писали о гибели десятков тысяч людей, запустении крупнейших городов. Факты, казалось бы, подтверждали их слова. После опричнины в России воцарились разруха и запустение. Реконструкция исчезнувшего опричного архива позволила уточнить картину. Оказалось, что террор совпал по времени с неслыханными стихийными бедствиями. Сотни тысяч русских людей умерли от голода и чумы. Около 4 тыс. жизней погубили царские опричники.

В начале XVII в. Россия испытала еще большие потрясения. Настало «смутное время». В основе «смуты» лежал сложный социальный и политический кризис. Известный русский историк С. Ф. Платонов посвятил событиям начала XVII в. монографию, не утратившую значения до сих пор. Он разработал знаменитую в свое время схему развития «смуты», согласно которой смерть Грозного повлекла за собой столкновения в кругу царской родни, а затем и династическую борьбу; выступления масс играли случайную роль; новый, «социальный» период в развитии «смуты» наступил лишь в начале XVII в.¹ Советская марксистская историография обнаружила несостоятельность схемы С. Ф. Платонова. Задача изучения классовой борьбы в конце XVI в. сохраняет свою актуальность².

Важнейшим фактором политического развития России были земские соборы. К концу столетия функции этих сословно-представительных учреждений расширились. Благодаря трудам М. Н. Тихомирова, Л. В. Черепнина, С. О. Шмидта, В. И. Корещкого история соборов была по существу написана заново. Однако соборная практика конца XVI в. изу-

чена до сего дня недостаточно. В настоящей работе предпринята попытка восполнить этот пробел.

Вне поля зрения историков остается пока вопрос о политических коллизиях, сопутствовавших рождению крепостного права. Между тем он представляет исключительный интерес. В основе экономических достижений XVI в. лежал созидательный труд крестьян. Земледелец зависел от феодала, но не был его крепостным, пока пользовался правом выхода в Юрьев день. В конце XVI в. дворяне ввели в стране систему заповедных лет, приступив к закреплению крестьянства. Проблеме закрепощения посвящена огромная литература³. В данном исследовании основное внимание уделено начальному этапу формирования крепостнического режима. Автор попытался заново интерпретировать источники, повествующие об уничтожении права крестьянского выхода. В связи с этим пересматриваются традиционные представления о заповедных годах и механизме их действия. Ближайшим результатом отмены Юрьева дня явилась грандиозная Крестьянская война. Началось «смутное время». Тема этой книги — Россия перед «смутой».

НАСЛЕДИЕ ГРОЗНОГО

Реформы и террор Грозного на многие годы определили характер политического развития Русского государства. Опричнина расколола верхушку феодального дворянства — так называемый государев двор — на две противостоявшие друг другу половины. Подле старого, земского двора появился его двойник — «особый двор», который называли сначала опричным или удельным, а позже просто «двором».

Политика «двора» не отличалась последовательностью. В конце правления царя Ивана в ней наметились видимые перемены. Грозный объявил о «прощении» всех некогда казненных по его приказу бояр-«изменников». Посмертную «реабилитацию» опальных современники восприняли как косвенное осуждение массовых опричных избиений. «Дворовая» политика утратила преимущественно репрессивный характер. Казни в Москве прекратились. В одном из последних указов царь предписал строго наказывать холопов за ложные доносы на своих господ¹.

Опрично-дворовая политика не раз меняла свой характер, но сам «двор», пережив многократные реорганизации, так и не был окончательно распущен при жизни Грозного. Не имея цельной политической программы, опричнина и «двор» тем не менее неизменно направляли свои усилия к укреплению личной власти царя. Состав «особого двора» не был однородным. Рядовые члены в своей массе принадлежали к низшему, худородному дворянству. Но уже в конце опричнины во «двор» были зачислены князья Шуйские. При кратковременном правлении служилого «царя» Симеона Бекбулатовича Шуйские подвизались в роли удельных бояр князя Ивана Московского. В последние

годы жизни царя они состояли на «дворовой» службе. Но какое бы почетное положение при «дворе» ни занимали Шуйские, они никогда не руководили опричной политикой. Подлинным правительством, с помощью которого царь самовластно правил страной, была ближняя, «дворовая» дума.

Со времени «княжения» Симеона Бекбулатовича «дворовую» думу неизменно возглавляли Бельские, Нагие и Годуновы. Племянник Малюты Богдан Бельский давно навлек на себя ненависть боярской аристократии. Курбский называл «прегнуснодейными» и «богомерзкими» всех Бельских разсм. Скрытая неприязнь между Бельским и «дворовой» знатью вырвалась наружу сразу после смерти царя Ивана. Осведомленные иностранцы утверждали, будто Бельский тайно послал людей на Новгородскую дорогу с приказом подстеречь и убить «дворового» боярина И. П. Шуйского, спешившего в столицу².

«Дворовое» руководство раздирала взаимная вражда. Давний союз между Нагими, Бельскими и Годуновыми рухнул. После гибели старшего сына Грозный назначил своим преемником царевича Федора. Царь не питал иллюзий насчет способностей Федора к управлению и вверил слабоумного сына и семью попечению думных людей, имена которых он назвал в своем завещании. Он поступил так, как поступали московские князья, оставляя трон малолетним наследникам. Считают обычно, что в состав опекунского совета вошли два члена ближней, «дворовой» думы — Б. Я. Бельский и Б. Ф. Годунов. Критический разбор источников обнаруживает ошибочность такого мнения.

Через несколько месяцев после кончины Грозного его лейб-медик послал в Польшу сообщение о том, что царь назначил четырех правителей (Н. Р. Юрьева, И. Ф. Мстиславского и др.)³. Некоторые русские источники также упоминают о четырех душеприказчиках Грозного⁴. Осведомленным очевидцем событий был Д. Горсей. Деятельный участник придворных интриг, он нередко фальсифицировал известные ему факты. Так, Горсей в одном случае упомянул о назначении четырех душеприказчиков: Мстиславского, Шуйского, Юрьева и Бельского, а в другом — пяти: Б. Ф. Годунова, князя И. Ф. Мстиславского, князя И. П. Шуйского, Н. Р. Юрьева и Б. Я. Бельского⁵. Кто-то из названных лиц в действительности не фигурировал в царском завещании.

Одна из ранних русских повестей начала XVII в. называет в качестве правителей, назначенных царем Иваном, князя И. П. Шуйского, князя И. Ф. Мстиславского и Н. Р. Юрьева⁶. Принадлежность их к регентскому совету не вызывает сомнений. Следовательно, из списка регентов надо исключить либо Б. Я. Бельского, либо Б. Ф. Годунова.

Прямой ответ на поставленный вопрос дает записка австрийского посла Н. Варкоча, составленная им в конце 80-х годов. Выполняя специальное поручение австрийского двора, посол потратил много времени на то, чтобы получить в Москве достоверные сведения о завещании Грозного. Н. Варкоч писал в донесении: «Покойный великий князь Иван Васильевич перед кончиной составил духовное завещание, в котором назначил некоторых господ своими душеприказчиками и исполнителями своей

воли. Но в означенном завещании он ни словом не упомянул Бориса Федоровича Годунова, родного брата нынешней великой княгини, и не назначил ему никакой должности, что того очень задело в душе». Неофициальная Псковская летопись подтверждает эти сведения. По словам ее автора, Годунов расправился с И. П. Шуйским и митрополитом Дионисием, «им же бе приказал царь Иван царство и сына своего Федора хранить»⁷.

Пока был жив царевич Иван, отсутствие детей у второго сына, Федора, не огорчало царя. Бездетность удельного князя отвечала высшим государственным интересам. Когда Федор стал наследником, все переменялось. Желая предотвратить пресечение династии, Грозный стал требовать от Федора развода с бесплодной Ириной Годуновой⁸. После гибели царевича Ивана государь не решился поступить с младшим сыном столь же круто, и дело ограничилось одними уговорами. Возможно, что в завещании царь выразил свою волю по поводу брака Федора. Косвенным подтверждением догадки служит отсутствие среди опекунов «дворового» боярина Бориса Годунова. Царь желал лишить Бориса возможности помешать разводу Федора с Ириной Годуновой.

В «дворовой» иерархии самое высокое место занимал А. Ф. Нагой, дядя последней царицы — Марии Нагой. Знать ненавидела его не меньше Б. Я. Бельского. Нагой сделал карьеру благодаря доносам на главных земских бояр, которых он обвинил в предательских сношениях с Крымом. Но, безгранично доверяя своему любимцу, царь Иван не включил его в число опекунов Федора. Ввиду яв-

ной недееспособности Федора Нагие лелеяли надежду на передачу трона младенцу царевичу Дмитрию. Доверять им опекунов над Федором было опасно.

Грозный многие годы настойчиво пытался ограничить влияние боярской аристократии и утвердить самодержавную форму правления с помощью «двора». По иронии судьбы в регентском совете при его сыне знать получила видимый перевес. В полном соответствии с традицией главой совета стал удельный князь и первый земский боярин думы И. Ф. Мстиславский. Членами совета были «дворовый» боярин князь И. П. Шуйский, земский боярин Н. Р. Юрьев и «дворовый» оружничий Б. Я. Бельский. Формально «двор» и земщина получили равное представительство в регентском совете, но равновесие сил, которого так добивался Иван IV, оказалось призрачным.

После смерти Грозного в Москве распространился слух, будто царя отравили его ближние «дворовые» советники. Толки об этом вряд ли имели какое-нибудь основание. Последние два года жизни Иван IV тяжело болел. Римский посол Антонио Поссевино писал: «...существуют некоторые предположения, что этот государь проживет очень недолго»⁹. Давний недуг обострился весной 1584 г. Отчаявшись в выздоровлении, царь Иван в начале марта послал в Кирилло-Белозерский монастырь наказ старцам молиться за него, чтобы бог его «окаянству отпущенье грехом даровал, и от настоящие смертныя болезни освободил, и здравье дал»¹⁰. Со дня на день больному становилось хуже. Все его тело страшно распухло. Он не мог передвигаться сам, и его

носили на носилках. Подверженный суевериям, Иван пытался узнать у ворожей свою судьбу. 19 марта после полудня он пересмотрел завещание, а к вечеру скоропостижно скончался за шахматной доской.

Смерть царя вызвала переполох в Кремлевском дворце. Опасаясь волнений, власти пытались скрыть от народа правду и приказали объявить повсюду, что есть еще надежда на выздоровление государя. Тем временем Богдан Бельский и другие руководители «дворовой» думы приказали запереть на засов все ворота Кремля, расставить стрельцов на стенах и приготовить пушки к стрельбе¹¹.

Несмотря на старания правительства, весть о кончине царя вскоре распространилась по всему городу и вызвала волнения в народе. Страх перед назревавшим восстанием побудил «двор» поспешить с решением вопроса о преемнике Грозного. Глубокой ночью начальные бояре, а вслед за ними и вся прочая знать принесли присягу наследнику царевичу Федору. Вся церемония была закончена в течение шести-семи часов¹². Возможно, что присяга Федору прошла не совсем гладко. Литовский посол Л. Сапега писал из Москвы, будто сторонники молодого царевича Дмитрия пытаются силой посадить его на престол, но «старший из двух сыновей Федор хочет удержаться на троне после отца»¹³. Информация, полученная послом, не отличалась точностью. Сапега считал сторонником Дмитрия Б. Бельского, на самом же деле за него стояли Нагие. По русским летописям, в ночь смерти Грозного Бельский и Годуновы распорядились взять под стражу Нагих, обвинив их в измене¹⁴. Раскол «дворовой» думы

и падение А. Ф. Нагого, одного из столпов прежнего правительства, роковым образом сказались на судьбах всего «дворового» руководства.

Система централизации, основанная на противопоставлении «двора» и земщины, обнаружила свою непрочность. Правительству пришлось пожать плоды политики, в основе которой лежал принцип «разделяй и властвуй». Опекунский совет не мог осуществлять своих функций из-за нежелания «дворовых» чинов отказываться от власти. В свою очередь земская знать прибегла к местничеству, чтобы устранить худородных руководителей «двора». Окончательный разрыв наступил в связи с приемом в Кремле литовского посольства. «Дворовые» чины, не поделив мест с земцами, отказались допустить бояр в тронный зал, т. е. пошли на неслыханное нарушение традиции. В итоге иноземных послов встретили одни «дворовые» бояре — князь Ф. М. Трубецкой и Б. Ф. Годунов¹⁵.

Опрометчивые действия руководства «двора» имели свои причины. Могущественный временщик Б. Я. Бельский подвергся местническим нападкам со стороны казначея П. И. Головина, занимавшего далеко не первое место в земской иерархии¹⁶. Если бы Бельский проиграл тяжбу, его падение было бы неизбежным. Против него выступили самые влиятельные члены опекунского совета и думы: «боярин князь Иван Федорович Мстиславской с сыном со князем Федором да Шуйския, да Голицыны, Романовы да Шереметевы и Головины и иныя советники». На стороне Бельского стояли «Годуновы, Трубецкие, Щелкаловы и иныя их советники». По существу в Кремле произош-

ло решительное столкновение между «двором» и земщиной, хотя некоторые члены земской думы (впрочем, немногие) примкнули к «двору», а ряд «дворовых» чинов объединились с земскими. За Бельского вступились главные земские дьяки — братья Щелкаловы, которым знать не могла простить их редкого худородства. Вознесенные по милости Грозного, они боялись упустить влияние в случае решительной победы земской аристократии. Тяжба между Головиным и Бельским едва не закончилась кровопролитием. По русским летописям, во время «преки» в думе Бельского хотели убить до смерти, но он «утек к царе назад»¹⁷. Как писал английский посланник, на Бельского напали с таким остервенением, что он был вынужден спастись в царских палатах¹⁸.

Военная сила, а следовательно, и реальная власть в Москве находилась в руках «дворовых» чинов, и они поспешили пустить ее в ход. Б. Я. Бельский использовал инспирированное боярами выступление земских дворян как предлог для того, чтобы ввести в Кремль верных ему «дворовых» стрельцов. Он предпринял отчаянную попытку опередить события и силой покончить с назревшей в земщине «смутой» еще до того, как в Москву прибудет регент Иван Шуйский, которого смерть Грозного застала в Пскове. По свидетельству очевидца событий литовского посла Л. Сапеги, правитель уговорил Федора расставить в Кремле дворцовую стражу по обычаю, установившемуся при его отце Иване IV, против чего выступали бояре. Еще до прибытия послов Бельский тайно пообещал стрельцам «великое жалованье» и привилегии,

какими они пользовались при Грозном, и убеждал их не бояться бояр и выполнять только его приказы. Едва литовское посольство покинуло Кремль и бояре разъехались по своим дворам на обед, Бельский приказал затворить все ворота и вновь начал уговаривать Федора держать двор и опричнину так, как держал отец его (*namawiac go rozczal aby dwor i opritczyne chowal tak jako ociec jego*)¹⁹. В случае успеха Бельский рассчитывал распустить регентский совет и править от имени Федора единолично, опираясь на военную силу. Над Кремлем повеяло новой опричниной. Но Бельский и его приверженцы не учли одного важного момента — позиции народных масс.

Столкновение между «дворовыми» и земскими боярами послужило прологом к давно назревавшему восстанию в Москве. В литературе оно датируется 2 апреля. Эта дата опирается на свидетельство Л. Сапеги о том, что неудачный прием в Кремле состоялся 12 апреля по новому стилю. Документы Посольского приказа позволяют исправить ошибку посла, написавшего письмо полтора месяца спустя. По русским посольским книгам, прием в Кремле имел место 9 апреля²⁰. Именно в этот день столица и стала ареной народных выступлений.

Как только земские бояре узнали о самочинных действиях Бельского, они бросились в Кремль. Однако стрельцы отказались повиноваться приказам главных земских опекунов и не пропустили их в ворота. После долгих препирательств И. Ф. Мстиславский и Н. Р. Юрьев прошли за кремлевские стены, но их вооруженная свита была задержана стражей. Когда боярские слуги попытались

силой прорваться за своими господами, произошла стычка. На шум отовсюду стал сбегаться народ. Стрельцы пустили в ход оружие, но рассеять толпу им не удалось. Столичный посад восстал. «Народ,— по словам летописца,— всколебался весь без числа со всяким оружием». Толпа пыталась штурмовать Кремль со стороны Красной площади. «По грехом,— писал современник,— чернь московская приступила к городу большому, и ворота Фроловские выбивали и секли, и пушку большую, которая стояла на Лобном месте, на город поворотили». По словам голландца И. Массы, народ захватил в Арсенале много оружия и пороха, а затем начал громить лавки. Бояре опасались, что их дворы постигнет та же участь²¹.

Царь Федор и его окружение, напуганные размахом народного движения, не надеялись подавить мятеж силой и пошли на переговоры с толпой. Из кремлевских ворот на площадь выехали думный дворянин М. А. Безнин и дьяк А. Я. Щелкалов²². Черный народ «вопил, ругая вельмож изменниками и ворами»²³. В толпе кричали, что Бельский побил Мстиславского и других бояр. «Чернь» требовала выдачи ненавистного временщика для немедленной с ним расправы²⁴. Положение стало критическим, и после совещания во дворце народу объявили об отставке Бельского.

Земские чины перед лицом страшного для них восстания «черни» сочли за лучшее отложить в сторону распрю с «дворовыми» чинами. «...Бояре,— повествует летописец,— межю собою помирились в городе (Кремле.— Р. С.) и выехали во Фроловские ворота...»²⁵ Властям удалось

кое-как успокоить толпу, и волнения в столице постепенно улеглись.

Непосредственным результатом московских событий явилось падение могущественного регента Б. Я. Бельского и кратковременное примирение противоборствовавших политических группировок. Несколько недель спустя после народного выступления в Москве открылся собор. Цели и характер собора 1584 г. получили различную оценку в литературе. В. О. Ключевский высказал предположение, что созванный в Москве собор был «избирательным». Он должен был «избрать» на трон Федора Ивановича. Гипотеза В. О. Ключевского получила дополнительную аргументацию в трудах М. Н. Тихомирова, по мнению которого мысль об избрании Федора на царство Земским собором родилась в кружке Годуновых и Щелкаловых. М. Н. Тихомиров акцентировал внимание на словах Горсея о том, что в Москве был собран парламент (а не подобие парламента, как писал В. О. Ключевский) с выборным составом, который обсудил широкий круг вопросов, связанных с преобразованиями. Продолжая мысль М. Н. Тихомирова, Л. В. Черепнин пришел к выводу, что после смерти Грозного произошло заметное расширение функций земских соборов, которые отныне начали избирать и утверждать государей. Иную точку зрения высказал Н. И. Павленко. Он подверг сомнению сам факт созыва избирательного собора и на этом основании заключил, что несуществующий Земский собор не мог ни избирать царя, ни обсуждать другие политические вопросы²⁶.

Гипотеза о Земском соборе опирается прежде всего на показания Дже-

рома Горсея. Англичанин описал воцарение Федора как очевидец в краткой записке, опубликованной им намного раньше всех прочих своих сочинений. Записка Горсея вышла в Англии в издании Хаклюйта в 1588 г. Составленная по свежим следам, она отличается большой достоверностью. Согласно Горсею, около 4 мая в Москве был созван парламент (дума), на который собрались главные люди из духовенства вместе со всеми боярами. На первый взгляд может показаться, что описанный Горсеем «парламент» не имел черт Земского собора, так как в его работе не участвовало дворянство (*gentrice*). Более внимательное изучение текста Горсея заставляет усомниться в том, что дело ограничилось созывом думы, включавшей всего полтора десятка бояр. Слова Горсея допускают более широкое толкование: «на московском собрании присутствовала *all the nobility whatsoever*», т. е. вся знать без исключения²⁷.

Московские летописи XVII в. сохранили память о том, что при воцарении Федора в Москву съехалось большое число дворян и духовных лиц. «...По преставлении царя Ивана Васильевича,— читаем в одном летописце,— приидоша к Москве из всех городов Московского государства и

молили со слезами царевича Федора, чтобы не мешкал, сел на Московское государство». Другой летописец подчеркивает, что инициатива созыва «властей» в Москву принадлежала митрополиту Дионисию, который «изыде в митрополию и нача писати по всем градом, чтоб власти ехали на собор»²⁸. Большой интерес представляет запись о воцарении Федора, включенная в Разрядные книги пространной редакции: «И того же году (7092.— Р. С.) мая в 7 день сел на Московское государство... государь царь и великий князь Федор Иванович всея Русские земли»²⁹.

На первый взгляд может показаться, что приведенная запись Разрядного приказа подкрепляет свидетельство Горсея о том, что примерно 4 мая в Москве начал заседать собор. Но такое истолкование источников едва ли верно. Горсей относил царскую коронацию не к 31 мая, а к 10 июня, а это значит, что он руководствовался введенным в Англии григорианским календарем. Следовательно, описанный им собор 4 мая состоялся по русскому календарю в 20-х числах апреля. Что же касается Разрядных книг, то в их записи (по частным спискам), как видно, вкралась ошибка, происхождение которой проясняет сличение текстов:

ЛЕТОПИСЕЦ

«... седе на царство на Москве... месяца мая в 31 день в 7 неделю по пасце...»³⁰

По-видимому, искажение даты в Разрядной книге объясняется неудачным сокращением начального текста.

В центре деятельности московского собора, без сомнения, стоял вопрос о кандидатуре нового царя. Н. И. Пав-

РАЗРЯДНАЯ КНИГА

«...мая в 7 день сел на Московское государство...»³¹

ленко предположил, что московское собрание свелось лишь к обсуждению дня коронации. Однако такое мнение не учитывает обстановки острого политического кризиса, когда произошла смена лиц на троне. Первая

торопливая церемония присяги Федору, которой руководил глава «двора» регент Б. Я. Бельский, была проведена в ночь после кончины Грозного. Хотя мартовская присяга не утратила силы после падения Б. Я. Бельского, переворот радикально изменил ситуацию в столице. Руководство земщины использовало собор, чтобы окончательно перехватить бразды правления из рук «дворовых». В обстановке, чреватой взрывом, правительство в любую минуту могло потерять контроль за положением в столице.

Современники склонны были рассматривать воцарение Федора как соборное избрание. Такое впечатление подкреплялось тем, что по своему безволию и слабоумию претендент на трон не оказывал самостоятельного влияния на события. Формально собор одобрил кандидатуру Федора, а фактически вынес важное политическое решение о поддержке нового боярского правительства. По свидетельству псковского современника, Федор был поставлен на царство «митрополитом Дионисием и всеми людьми Руские земли». Совершенно так же были истолкованы московские известия за рубежом. Шведский наместник в Финляндии П. Делагарди писал в Новгород: «...есмя в правду доведася, что... избрали в великие князи... князя Федора на степень отца его...»³² Письмо Делагарди датировано 26 мая 1584 г. Очевидно, прошел месяц, прежде чем московские новости стали известны шведским властям.

Московский собор решил провести коронацию Федора в конце мая. «На парламенте, — писал Д. Горсей, — главное, было назначено время торжественного венчания нового царя.

Но на нем были приняты многие решения, до моего предмета не относящиеся». Из слов Горсея можно заключить, что собор помимо формального постановления об избрании Федора обсуждал весьма широкий круг вопросов. По-видимому, его решения стали основой той широкой программы, которую власти осуществили по случаю коронации нового царя. Записка о коронации Горсея дает наглядное представление об этой программе. Прежде всего по всей стране была объявлена общая амнистия. «В итоге, — писал Д. Горсей, — многие князья и бояре знатного рода, находившиеся в опале при прежнем царе, и даже те, кто просидел в тюрьмах 20 лет, были освобождены и получили обратно свои поместья. Всем заключенным было объявлено прощение».

Наиболее многозначительным в рассказе Горсея было упоминание об освобождении давних «тюремных сидельцев». Несложный арифметический расчет подсказывает, что они оказались за решеткой в самом начале опричнины. Очевидно, амнистия была направлена на искоренение последствий репрессивной политики «двора». Самым важным положением майской амнистии был пункт о возвращении опальным «свободы и поместий». Опричные конфискации нанесли земской знати большой ущерб. После отставки Бельского и созыва собора земщина смогла настоять на возвращении отобранных земель. Кроме того, она добивалась гарантий против возобновления казней и опал. Согласно Горсею, в связи с амнистией власти объявили о запрещении судьям впредь подвергать дворян гонениям при отсутствии основательных дока-

зательств их вины даже в случае самых тяжких преступлений, которые влекли за собой смертную казнь³³.

Смена руководства привела к значительным переменам в составе приказного и особенно судебсого аппарата. «...По всему государству,— писал Горсей,— были сменены неправосудные чиновники, судьи, воеводы и наместники и на их должности были назначены более честные люди, которым повелели под страхом строгого наказания прекратить лихоимство и взяточничество, существовавшие при прежнем царе, и отправлять правосудие без лицепрятия, а чтобы это было исполнено, им увеличили поместья и годовые оклады»³⁴. Но нельзя упускать из виду, что слова посла носили откровенно апологетический характер. Доверенное лицо Годунова, Горсей старался завоевать английское общественное мнение на сторону нового русского правительства. Трудно сказать, в самом ли деле правительственные прокламации против злоупотреблений и взяток оказались столь же эффективными в жизни, как в изложении Горсея. Можно догадаться, что смена администрации была вызвана не столько заботами властей о водворении в стране порядка и справедливости, сколько начавшимся крушением «двора». Земщина пустила в ход всевозможные средства, чтобы очистить приказной аппарат от бывших опричников и «дворовых» людей. Примером может служить дело А. Шереметина. Он получил дьяческий чин в опричнине, а позже возглавил Разрядный приказ, т. е. занял одно из высших мест в «дворовой» приказной иерархии³⁵. Сразу после смерти Грозного рязанский помещик из земщины Шиловский обратился в

суд с жалобой на насильственный захват его вотчины Шереметинным³⁶. Поскольку во главе московской судной палаты в это время стоял князь В. И. Шуйский, судьба бывшего «дворового» дьяка была решена. Его имя на полтора десятилетия исчезло со страниц приказных документов.

Власти предприняли широкий пересмотр прежней финансовой политики. «Большие налоги, пошлыны и подати, наложенные на народ при прежнем царе, были уменьшены, а некоторые из них совершенно отменены»³⁷,— писал Д. Горсей. Однако, согласно русским источникам, прямые налоги не были существенно понижены или отменены в правление Федора. Следовательно, сокращению подлежали экстренные поборы, введенные в рамках «двора». При учреждении опричнины Грозный затребовал от земской казны единовременно колоссальную по тому времени сумму в 100 тыс. руб. По случаю учреждения удела в 1575 г. земщина должна была выплатить 60 тыс. руб. В последние годы жизни Грозного «дворовое» правительство многократно облагало население экстренными поборами на покрытие военных расходов, которые тяжким бременем ложились на разоренную страну. Так, земли Севера и Поморья должны были внести в казну помимо прямых окладных налогов дополнительно тысячи рублей «государевых денег». Поборы распространялись на посадки и купеческую верхушку. Только одна английская торговая компания за три последних года Ливонской войны заплатила 2 тыс. руб.³⁸ После собора власти, по-видимому, пошли навстречу требованиям земщины и объявили о решительном разрыве с практикой

чрезвычайных поборов. Именно так можно интерпретировать свидетельство Горсея.

Политика опричнины и «двора» в целом ограничивала влияние знати на дела управления. Царь Иван не

ЗЕМСКИЙ СПИСОК

Бояре князя И. Ф. и Ф. И. Мстиславские, Н. Р. Юрьев, Б. Ю. Сабуrow, князя И. Ю. и В. Ю. Голицыны, П. И. Татев, окольные князя Ф. И. Троекуров, Т. И. Долгорукий и Д. И. Хворостинин, Ф. В. Шереметев; казначей П. И. Головин; дьяки А. Я. и В. Я. Щелкаловы

Никогда еще земская дума не была столь малочисленной: в нее входило менее десятка бояр. Земской думе противостояла «дворовая» дума, в которой преобладали худородные дворяне.

После смерти Грозного начался процесс возрождения влиятельной и многочисленной Боярской думы. Многие знатные лица получили высшие думные чины по случаю коронации Федора. Назначения не прекращались и в последующие месяцы. В 1584—1585 гг. численность боярских курий думы возросла более чем вдвое. Подле старых членов думы появились новые: бояре князя Василий и Андрей Шуйские, князь И. М. Глинский, князя Никита и Тимофей Трубецкие, князь Ф. И. Троекуров, князь И. В. Сицкий, князь Ф. Д. Шестунов, князь Д. И. Хворостинин, а также Ф. В. Шереметев, Ф. Н. Романов, Степан и Григорий Годуновы, кравчий А. Н. Романов, окольные князь Ф. И. Хворостинин, князь Д. П. Елецкий, князь Б. П. Засекин, князь И. В. Гагин, а также В. В. Головин, И. М. Бутурлин, И. И. Сабуrow и А. П. Клешнин³⁹. Новый курс

только расколол Боярскую думу, но и фактически перестал пополнять ее земцами. В итоге состав думы резко сократился. Накануне воцарения Федора в состав «разделенной» думы входили следующие лица:

«ДВОРОВЫЙ» СПИСОК

Бояре князя Ф. М. Трубецкой, И. П. Шуйский и В. Ф. Скопин, Д. И. и Б. Ф. Годуновы, окольные С. В. Годунов, Ф. Ф. Нагой; думные дворяне Б. Я. Бельский, А. Ф. Нагой, В. Г. Зюзин, Д. И. Черемисинов, Р. М. Пивов, М. А. Безнин, Б. В. Воейков, И. П. Татищев, печатник Р. В. Алферьев

в отношении думы имел четкую политическую направленность. Боярская дума пополнилась почти исключительно за счет высшей знати и родни новой царицы. Причем земская знать получила больше мест в думе, чем бывшие «дворовые» чины. К бывшей земщине принадлежали ярославские князя — Троекуров, Сицкий, Шестунов, Засекин, Гагин, а также дворяне Шереметев, Романов, Головин, Бутурлин, Сабуrow. С «дворовой» службы пришли князя Шуйские и Трубецкие, а также Годуновы. Боярская дума спешила избавиться от худородных думных дворян — фактических руководителей государства при Грозном. Многочисленная курия думных дворян таяла на глазах. Вслед за могущественными временщиками Б. Я. Бельским и А. Ф. Нагим думу покинул В. Г. Зюзин, прославившийся кровавыми расправами во время опричнины. Его имя навсегда исчезло из Разрядных книг. «Дворовый» окольный С. Ф. Нагой, которого называли «орудием зла» в руках царя Ивана, был сослан на воеводство в Поволжье. Его брат, окольный Ф. Ф. Нагой, попал в Углич. Б. В. Во-

ейков утратил чин думного дворянина и в качестве рядового офицера (головы) удалился в Рязанский край⁴⁰.

С давних времен Боярская дума служила представительным органом высшей аристократии. Поколебленный опричниной традиционный порядок возрождался на глазах. Прежде всего дума вернула себе ряд функций и привилегий, упраздненных опричниной. Власти восстановили высшую в думе боярскую должность — конюшего, упраздненную после казни конюшего И. П. Федорова в 1568 г. Важнейшей комиссией Боярской думы была «семибоярщина». Она ведала столицей и всем государством в отсутствие царя. В годы террора Грозный изгнал бояр из столичной комиссии и препоручил ее дворянам и приказным, а затем и вовсе упразднил. При Федоре «семибоярщина» возродилась в полном соответствии с доопричной практикой. По случаю отъезда царя в Троицу в 1585 г. управление столицей осуществляли бояре Ф. И. Мстиславский, Н. Р. Юрьев, С. В. Годунов, князя Н. Р. Трубецкой, И. М. Глинский, Б. И. Татев и Ф. М. Троекуров⁴¹.

Наряду с думными чинами знать получила из казны обширные земли и доходные места. Больше всех в торговле из-за чинов и владений выиграли опекуны и их родня. В полной мере использовали выгоды своего положения Юрьевы — Романовы. Один только младший сын регента Н. Р. Юрьева Иван владел в 1613 г. 13 тыс. четвертей пашни в трех полях «старых вотчин». Романовым принадлежали на вотчинном праве городок Скопин, Романово городище в Лебядинском уезде и др.⁴² Огромных привилегий добились регент И. П. Шуйский и его

родня. И. П. Шуйский получил от казны богатые земли в Луховском удельном княжестве, принадлежавшем князьям Бельским, а позже валашскому господарю Богдану. В руки боярина перешел город Кинешма с обширной волостью⁴³. Кроме того, прославленному воеводе был отдан в кормление весь Псков. Согласно официальным заявлениям правительства, царь Федор пожаловал князя И. П. Шуйского своим «великим жалованьем в кормление Псковом обеа половинам, и со псковскими пригородами, и с тамгою, и с кабаки, чего ни-которому боярину не даывал государь»⁴⁴. Соратник Шуйского князь Ф. В. Скопин тогда же получил в «жалованье» Каргополь⁴⁵. Щедрых земельных пожалований удостоились князья Василий, Андрей и Дмитрий Ивановичи Шуйские. Младшему из братьев, князю Дмитрию, был передан город Гороховец «в путь с тамгою, и с кабаком, и с мыты, и с перевозы, и с мельницами, и рыбными ловлями, и со всеми крайчаго пути доходы...»⁴⁶. В годы опричнины Гороховец был удельной вотчиной царского шурина князя М. Т. Черкасского, а после его смерти перешел в казну.

Система кормлений была ликвидирована в процессе реформы местного управления еще в доопричный период. Кормления (наместничества) на основной территории постепенно заменялись воеводским управлением, означавшим более высокую степень централизации. На черносозном Севере отмена кормлений привела к утверждению системы выборных земских органов⁴⁷. Однако при воцарении Федора произошло частичное оживление «кормленной» системы

местного управления. В кормление Шуйскому был передан один из крупнейших посадов страны — Псков. На черносозном Севере обширная Важская земля перешла из-под управления земских органов в кормление новому конюшему боярину Б. Ф. Годунову⁴⁸. Кормленщики появились в Гороховце, Каргополе и других местах.

Мероприятия, осуществленные властями в период после московского собора и коронации Федора, были призваны преодолеть наследие Грозного в политической жизни страны, но они вышли за рамки этой задачи. Земская и «дворовая» знать использовала нововведения, чтобы возродить полновластную Боярскую думу, вернуть ей прежние прерогативы, расширить свои земельные владения и частично восстановить кормление.

События, происходившие в Москве на протяжении двух месяцев после смерти Грозного, показали, что причина лишь ослабила влияние боярской аристократии, но не сломила ее могущества. При безвольном и ничтожном преемнике Грозного знать вновь подняла голову. Как только с политического горизонта исчезли зловещие фигуры Нагого и Бельского, бояре перестали скрывать свои подлинные чувства по поводу смерти царя Ивана.

Наблюдатель тонкий и вдумчивый, дьяк Иван Тимофеев очень точно передал атмосферу, воцарившуюся в Кремле в первые месяцы правления Федора. «Бояре,— писал он,— долго не могли поверить, что царя Ивана нет более в живых. Когда же они поняли, что это не во сне, а действительно случилось, через малое время многие из первых благородных вельмож,

чьи пути были сомнительны, помазав благоухающим миром свои седины, с гордостью оделись великолепно и, как молодые, начали поступать по своей воле; как орлы, они с этим обновлением и временной переменой вновь переживали свою юность и, пренебрегая оставшимся после царя сыном Федором, считали, как будто и нет его...»⁴⁹

Джером Горсей, описывая состояние России после смерти Грозного, обронил следующее многозначительное замечание: «Владения этого государства так пространны и обширны, что они необходимо должны вновь распасться на несколько царств и княжеств и с трудом могут быть удержаны под одним правлением...»⁵⁰ Трудно сказать, что скрывалось за размышлениями Горсея. Но следует учесть, что посол поддерживал тесную дружбу с удельной знатью. Главный опекун князь Мстиславский настолько доверял Горсею, что разрешил ему ознакомиться со своими записками «относительно состояния рода и управления... государства», которые хранил в строгой тайне⁵¹.

Власть Б. Я. Бельского пала, и бразды правления сосредоточились в руках людей, многие годы управлявших земщиной. Состав нового правительства всего точнее определил английский посол И. Боус, покинувший Москву в конце мая 1584 г. «Когда я выехал из Москвы,— писал он 12 августа 1584 г.,— Никита Романович и Андрей Щелкалов считали себя царями и потому так и назывались многими людьми, даже многими умнейшими и главнейшими советниками... Сын покойного царя Федор и те советники, которые были бы достойны управлять, не имеют никакой власти,

да и не смеют пытаться властвовать». Позже Боус пояснил, что, говоря о достойных советниках Федора, он имел в виду «дворовых» бояр Годуновых⁵².

Облеченный регентскими полномочиями боярин Н. Р. Юрьев пользовался особой популярностью в столице. Он происходил из нетитулованной старомосковской знати, а в первые ряды правящего московского боярства выдвинулся благодаря браку Грозного с Анастасией Романовой-Юрьевой. Используя свое влияние, Н. Р. Юрьев добился боярства для своих ближайших родственников и свойственников — Шереметева, Троекурова, Сицкого, Шестунова. Но Юрьевы и их родня не могли выдерживать серьезного местнического спора с гедиминовичами и рюриковичами. Князья крови Шуйские и Мстиславские невысоко оценивали родство с царем по женской линии и смотрели на них как на выскочек.

Ближайшими помощниками Юрьева в думе были главные земские дьяки Щелкаловы. Андрей Щелкалов был типичным представителем приказной бюрократии, выдвинувшейся при Грозном. Он происходил из художественной дьяческой семьи. Прадед его, как говорили, был конским барышником, а отец смолоду служил попом⁵³. Знать не могла простить дьяку его незнатное происхождение и особенно его пособничество «двору». Попытка Щелкалова предотвратить падение Б. Я. Бельского еще больше скомпрометировала «канцлера» в глазах аристократов.

Родовая знать не желала оставлять власть в руках Юрьева и Щелкалова. По возвращении из Пскова в Москву регент И. П. Шуйский стал исподволь готовить их отставку. В

Польшу поступили сведения, что самыми влиятельными людьми в Москве были Никита Романович, которому поручались наиболее важные дела, и князь Шуйский, который не желал, чтобы другие пользовались большей властью, чем он, и требовал себе должности Никиты⁵⁴.

В результате раскола в опекунском совете земское правительство оказалось в исключительно трудном положении. Парадокс состоял в том, что его руководителям Юрьеву и Щелкалову пришлось опасаться противодействия со стороны не столько бывших «дворовых» чинов, сколько аристократической реакции. Положение Н. Р. Юрьева казалось непрочным. Современники не сомневались в его близкой кончине. Он достиг преклонного возраста и тяжело болел. Придворный лекарь Грозного, бежавший в Ливонию, уверял, что Юрьев долго не проживет⁵⁵. Болезнь Юрьева выдвинула перед правительством вопрос о его преемнике. В конце концов выбор пал на Бориса Годунова. В произведениях писателей эпохи «смуты» встречаются намеки на «завещательный союз дружбы» Юрьевых и Годуновых. По словам Авраамия Палицына, Борис поклялся «соблюдать» вверенных его попечению детей регента. Составленное в романовском кругу «Сказание о Филарете Романове» повествует, что Борис «исперва любовно приединился (к детям Н. Р. Юрьева.— Р. С.) и клятву страшну тем сотвори, яко братию и царствию помощателя имети»⁵⁶. Поздние авторы придали дружбе Романовых и Годуновых несколько сентиментальный оттенок. На самом деле этот странный союз образовался в силу политической необходимости. Попыт-

ки закрепить трон за слабоумным царем привели к острым разногласиям в опекунском совете. Перед лицом ширившейся оппозиции знати и грозных народных движений родственники Федора должны были волей-неволей объединиться.

Начавшееся крушение «двора» едва не увлекло Годуновых в пропасть. В дни восстания народ требовал отставки не только Б. Я. Бельского, но и Б. Ф. Годунова. В конце мая 1584 г. английский посол писал, что Годунов не пользуется авторитетом в Москве⁵⁷. Однако ко дню коронации Годунов получил чин конюшего⁵⁸. Едва ли можно сомневаться в том, что без поддержки Н. Р. Юрьева с его неограниченным влиянием на Федора и весом в Боярской думе Борис не смог бы получить высший в думе боярский чин.

В свое время царь Иван, разгромив «заговор» князей Старицких, упразднил высшую боярскую должность конюшего. Но о ней вспомнили после смерти царевича Ивана. Толки подобного рода впервые подслушал в боярской среде пронырливый иезуит А. Поссевино, посетивший Москву в начале 1582 г. Ввиду возможной смерти бездетного Федора, записал он, царя крайне тревожит будущее династии, потому что в его роде уже никого не осталось и более 30 лет не занято место конюшего, на которого (как на конюшего) эта власть должна перейти. Приведенное сообщение итальянского дипломата не отличается вразумительностью. Им можно было бы пренебречь, если бы оно не имело одной поразительной аналогии в источниках московского происхождения. Известный знаток московских традиций Г. Котошихин писал о чине

конюшего буквально то же самое, что и Поссевино: «А кто бывает конюшим, и тот первый боярин чином и честью, и, когда у царя после его смерти не останется наследия, кому быть царем, кроме того конюшего, иному царем быти некому, учинили бы его царем и без обирания»⁵⁹. С чином конюшего, как видно, была связана некая старинная традиция. В силу ее в случае пресечения династии вся полнота власти в Московском царстве переходила к думе в лице первого из бояр — конюшего.

Вопрос о кандидатуре на вакантную должность конюшего неизбежно должен был вызвать резкие столкновения в опекунском совете. В конце концов при поддержке Н. Р. Юрьева пост конюшего занял шурин царя Федора Борис Годунов. Это назначение, проведенное вопреки ясно выраженной воле Грозного, ввело бывшего «дворового» боярина Годунова в круг правителей государства⁶⁰. Многие обстоятельства побуждали земское правительство искать поддержки «дворовых» людей. При Иване IV «двор» служил опорой и воплощением личной власти царя. Смерть Грозного не привела к мгновенному исчезновению «двора» как военной силы. Стaranja царя Ивана, вложившего много сил в организацию «дворовой» службы, не пропали бесследно. На «дворовой» службе состояли проверенные люди, преданность которых царской фамилии подкреплялась обширными привилегиями. «Дворовые» стрельцы и дворяне были призваны обеспечить безопасность нового царя и его ближайшего окружения.

Несмотря на то что первые волнения в Москве улеглись, ситуация в столице оставалась крайне напряжен-

ной. С наступлением лета участились пожары. По словам очевидцев, царская столица была наполнена «разбойниками», которых считали главными виновниками поджогов. Власти ждали нового мятежа со дня на день. В страхе перед народом правительство было вынуждено принять экстренные военные меры. Они получили отражение в следующей записи Разрядного приказа: «Того же году (7092.— Р. С.) на Москве летом были в обозе да в головах для пожару и для всякого воровства в Кремле князь Иван Самсонович Туренин да Григорий Никитич Борисов-Бороздин, в Китае — Богдан Иванович Полев и Константин Дмитриевич Поливанов, в Земляном городе — Иван Федорович Крюк-Колычев»⁶¹. Приведенная запись интересна тем, что она показывает, в чьих руках находилась в то время реальная военная сила. В Кремле военное командование осуществлял князь И. С. Туренин, родня Б. Ф. Годунова; в Китай-городе стражей вели Б. И. Полев и К. Д. Поливанов, бывшие «дворовые» люди и сподвижники Годунова; только на окраине, в Земляном городе, распоряжался известный воевода И. Ф. Колычев, сторонник Шуйских.

Положение в столице усугублялось абсолютной неавторитетностью царя и открытыми разногласиями среди его опекунов. Прибывшие в Москву литовские послы воочию убедились в том, что московские правители, назначенные покойным Иваном IV, находились между собой в величайшем несогласии и очень часто спорили в присутствии самого Федора без всякого уважения к нему⁶². Разногласия в верхах могли привести к непредвиденным последствиям в условиях,

когда из-за катастрофической разрухи и военного поражения настроения недовольства широко затронули низшие слои дворянства — наиболее массовую опору монархии.

В конце Ливонской войны в Польше постоянно циркулировали слухи о том, что царь Иван боится возмущения своих подданных, ненавидевших его за жестокость, что с минуты на минуту в Москве может вспыхнуть мятеж против царя и т. п.⁶³ Волнения предсказывали в 1579 г., во время первого похода Батория. В апреле 1582 г. в Стокгольме распространился слух, будто царь умер либо взят под стражу боярами, а в Москве произошло восстание⁶⁴. Слухи подобного рода были преждевременными. В последние годы правления Грозного во всех слоях населения зрело недовольство, но антагонизм вырвался наружу уже после смерти царя.

В апрельских волнениях 1584 г. активно участвовали не только посадские⁶⁵, но и мелкие служилые люди⁶⁶. Новые власти искали способы удовлетворить недовольное дворянство и с этой целью уже в июле 1584 г. начали разрабатывать финансовые меры, которые шли навстречу требованиям дворянства и могли послужить поворотным пунктом развития. 20 июля 1584 г. правительство добилося от Боярской думы одобрения Уложения о «тарханах». Закон прошел через думу в обстановке самых острых разногласий. 10 июля литовский посол Л. Сапега сообщил из Москвы, что разногласиям и междоусобицам у московитов нет конца: «...вот и сегодня я слышал, что между ними возникли большие споры, которые едва не вылились во взаимное убийство и пролитие крови...»⁶⁷

Правительство Н. Р. Юрьева и Б. Ф. Годунова пыталось противопоставить всплеску аристократической реакции декларации о возврате к политике Грозного в сфере финансов и землевладения. Авторы соборного Уложения 20 июля 1584 г. начали текст с указания на необходимость подтвердить Уложение 15 января 1580 г. «Тое бы грамоту (соборный приговор 1580 г.—Р. С.),—постано-

ПРИГОВОР 1580 г.

«... сии все совокупившеся образом дивнего зверя распыхахуся, гордостью дмящеся, хотяху потребити православие»⁶⁹.

В старом тексте закона правительство Н. Р. Юрьева старательно расставило новые акценты. Как и прежде, приговор 1584 г. воспрещал монастырям расширять свои земельные владения путем покупок и пожертвований. В нем дословно повторялись распоряжения о княжеских вотчинах. Но к пункту, предусматривавшему отчуждение в казну вотчин, незаконно отданных монастырям, было сделано многозначительное пояснение: «...чтоб в службу служилым людям земли прибавливати»⁷¹.

Помимо подтверждения антимонастырских законов приговор 1584 г. содержал ряд новых постановлений, самым важным из которых было узаконение «о тарханах, чтобы вперед тарханом не были». Необходимость отмены «тарханов», с одной стороны, мотивировалась тем, что податные привилегии монастырей и владык приводят дворянство в «великую тощету» и разорение: «...воинство, служилые люди те их земли (монастырские и владычные «тарханы».—Р. С.)

вил собор 1584 г.,—переписати и укрепити по тому ж». Текст старого Уложения фактически составил основу нового⁶⁸. Власти заимствовали из приговора 1580 г. даже явно устаревшую характеристику военного положения страны. С завершением Ливонской войны внешнеполитические позиции России радикально изменились, но в приговоре эти перемены не нашли отражения.

ПРИГОВОР 1584 г.

«... како совокупившаяся на христьяны туркове и агаряне, и литовский король, и все области немецкие и распыхахуся дивним образом, гордостью дмящеся, хотяху потребити православие...»⁷⁰

оплачивают, и сего ради многое запустение за воинскими людьми в вотчинах их и в поместьях платячи за тарханы», а с другой — что крестьяне уходят со служилых земель к владельцам «тарханов» на льготу и «от того великая тощета воинским людям прииде». В мотивирующей части приговора отмена «тарханов» декларировалась как мера исключительно антимонастырская. Но из нормативной части следовало, что отмене подлежали не только церковные, но и светские «тарханы». Соборный приговор категорически предписывал «платить тарханом всякие царские подати и земские разметы всяким тарханом от священных и боярским и княженецким со всеми людьми равно всей земле, как тарханом, так и всяким служилым человеком». Наряду с податными привилегиями отменялись также все привилегии духовных и светских «тарханов», связанные с беспошлинной торговлей. Как значилось в приговоре, «и тамга тарханом и всяким человеком в то время до государева указу платить, хто ни

почнет торговать, чтоб воинство конечно во оскудение от того не было, для ради тое вины и государеве казне в том убытка не было»⁷².

В конце Ливонской войны Иван Грозный обложил чрезвычайными поборами крупных землевладельцев — обладателей «тарханов», торговцев и «всю землю». Правительство Юрьева, Щелкалова и Годунова объявило, что его меры против «тарханов» являются прямым продолжением политики Грозного. Вместе с тем оно попыталось представить свой курс как исключительно антимонастырский и продворянский. В действительности постановления собора ущемляли привилегии всех крупных землевладельцев — как духовных, так и светских. В приговоре упоминались монастырские, «княженицкие» и боярские владения. Меры Грозного носили временный характер: их возобновляли ежегодно в течение трех лет. Новое правительство объявило об отмене «тарханов» на неопределенное время, до государева указа: «...для воинского чину оскудения... покаместа земля поустроитца и помочь во всем учинитца царским осмотрением»⁷³.

В какой мере законодательство против «тарханов» осуществлялось на практике? В литературе отмечалось, что власти многократно нарушали свое постановление⁷⁴. С. Ф. Платонов высказал предположение, что приговор 20 июля 1584 г. был вскоре отменен⁷⁵. Наличие большого комплекса иммунитетных грамот позволяет проверить это предположение. На протяжении трех лет после издания уложения власти выдали и подтвердили довольно много иммунитетных грамот, закреплявших за монастырями и владельцами различные судебные и фи-

нансовые льготы и привилегии (см. табл. 1). Данные табл. 1 учитывают все виды иммунитетной документации, включая жалованные, тарханно-несудимые, указные и прочие грамо-

Таблица 1

ВЫДАЧА И ПОДТВЕРЖДЕНИЕ
ИММУНИТЕТНЫХ ГРАМОТ⁷⁶

	1584 г.	1585 г.
Январь		15
Февраль		6
Март		6
Апрель		1
Май	4	2
Июнь	29	4
Июль	6	2
Август	2	3
Сентябрь	9	3
Октябрь	9	—
Ноябрь	1	2
Декабрь	4	2
Всего в 1584 г.—	64	
» » 1585 г.—	48 *	
» » 1586 г.—	13	
» » 1587 г.—	11	

* В итог включены две грамоты, датированные без указания месяца.

ты. Объем льгот, установленных этими грамотами, был далеко не одинаковым. В основном монастыри освобождались от пошлин за провоз товаров, ловлю рыбы, варку соли и т. д. Очевидно, что приведенные данные могут дать лишь примерное представление о судьбе «тарханов» в целом.

Наиболее благоприятным периодом, с точки зрения «тарханщиков», было время избрания Федора на трон. В начале мая 1584 г. власти влиятельнейшего Троице-Сергиева монастыря

получили подтверждение старой иммунитетной грамоты на все свои вотчины. В июне существенных иммунитетных выгод добились Симонов, Кирилло-Белозерский, Свияжский-Богородицкий, Псково-Печорский и некоторые другие монастыри. Издание Уложения 20 июля 1584 г. значительно сократило число иммунитетных пожалований. В последующий период льгот добились ряд мелких пустыней, а также некоторые ведущие монастыри — Соловецкий, Костромской Ипатьевский, Иосифо-Волоколамский, Троице-Сергиев и, наконец, митрополичий дом⁷⁷. Следует заметить, что количество вновь пожалованных и подтвержденных грамот было невелико по сравнению с общей массой иммунитетных документов. Меры в отношении крупных иммунитетов контрастировали с декларациями насчет служилых людей. Новые правители оправдывали ограничение «тарханов» необходимостью покончить с дворянским оскудением. Политика более равномерного податного обложения, бесспорно, отвечала требованиям и интересам дворянской массы.

В обстановке оживления аристократической реакции финансовые узаконения неизбежно становились вопросом большой политики. Податные меры положили конец надеждам бояр на возрождение их иммунитетных привилегий и активизировали оппозицию. Через полгода после объявления всеобщей амнистии правительство Б. Ф. Годунова осуществило первые ограниченные репрессии против высшей знати. Возобновлению репрессий предшествовали перестановки в верхах. Триумвират Н. Р. Юрьева, Б. Ф. Годунова и А. Я. Щелкалова

просуществовал несколько месяцев. С конца лета 1584 г. в Польшу стали поступать сведения о том, что из-за болезни Юрьев устранился от дел. В последний раз имя Юрьева упоминалось в Разряде московской «семибоярщины» в августе 1585 г. Но это почетное поручение регент уже выполнить не мог. Против его имени дьяки пометили в Разряде: «Болен». По словам очевидцев, Н. Р. Юрьев внезапно лишился речи и рассудка. В столице много говорили о том, что его околдовали⁷⁸. В связи с фактической отставкой наиболее авторитетного из членов триумвирата борьба в думе вспыхнула с новой силой. Влияние партии Мстиславского значительно усилилось. Вскоре в сферу конфликта было втянуто центральное финансовое ведомство — Казенный приказ, находившийся в ведении Головиных.

При Грозном четверо членов этой семьи — Петр, затем его сын Фома, а позже внуки Петр и Владимир — распоряжались государственными финансами. Но особенно преуспели Головины в начале царствования Федора. По традиции казну возглавляли два лица, проверявшие друг друга. При Федоре казначеями стали двоюродные братья. Впервые казна оказалась в бесконтрольном ведении одной семьи. Два брата главного казначея — Владимир и Иван Большой Премудрый — получили думные чины окольничих. Благодаря знатности, богатству и личным качествам И. П. Головин стал одним из подлинных руководителей той партии в думе, которую номинально возглавлял регент Мстиславский. Он не побоялся бросить вызов Бельскому и добился его отставки. Боярское руководство оценило

его заслуги. Во время коронации Федора он нес перед царем главную корону — шапку Мономаха. Располагая поддержкой регентов Мстиславского и Шуйского, главный казначей открыто добивался изгнания бывших опричников из правительства. С Годуновым он обращался дерзко и неуважительно⁷⁹. Семья Головиных обладала большими местническими преимуществами перед родом Годуновых. Выиграв местнический спор с Бельским, знатный казначей лишь ждал случая, чтобы посчитаться с его свояком.

Интрига боярской партии встретила Бориса, и он решил нанести упреждающий удар. По его настоянию дума постановила провести ревизию казны. Проверка обнаружила большие хищения. Посольский приказ выступил за рубежом с заявлением, что Головины «покрали» царскую казну⁸⁰. Подлинность их заявления удостоверена описью царского архива, в которой упомянут столпик с боярским приговором 7094 г.: «...что приговорили бояре Петра Головина за государеву краденую казну Казенного двора казнити смертию, тут же и вин его скаска, какова ему Петру чтена»⁸¹. Казначей вывели на Лобное место и обнажили для казни, но в последний момент ему объявили о помиловании. С опальным обошлись сравнительно мягко: его избавили даже от обычной в то время торговой казни. Головина сослали в Казанский край, где он и умер в тюрьме. Ходили слухи, что его тайно убили по приказу Бориса. Русские источники подтверждают версию о насильственной гибели П. И. Головина⁸². Вместе с ним опале подвергся (не позднее декабря 1584 г.) окольничий и казначей В. В. Головин. Брат казначея — М. И. Головин, на-

ходившийся в своей вотчине в Медынском уезде, бежал от царской опалы в Литву⁸³.

Суд над Головиным послужил поводом к смене высшей приказной администрации. Правда, новые назначения носили совсем иной характер, нежели те, которые были проведены по случаю коронации. Тогда речь шла об изгнании бывших «дворовых» приказных. Теперь наблюдалось обратное явление. Изгнав земских казначеев из центрального финансового ведомства страны, Годунов постарался насадить туда своих старых соратников по «дворовой» службе. Пост главного казначея занял думный дворянин Д. И. Черемисинов, служивший некогда в опрличнине, а затем на «дворовой» службе⁸⁴. Бывшие «дворовые» люди контролировали теперь три крупнейших приказных ведомства государства — Конюшенный приказ (конюший Б. Ф. Годунов), Большой дворец (дворецкий Г. В. Годунов) и Казенный приказ. Контроль над казной облегчил правительству проведение его новой финансовой и податной политики.

Поздние летописи утверждали, что дело Головина было следствием прямого столкновения между Годуновым и знатью. В открытой вражде бояре будто бы «разделяхуся надвое: Борис Федорович Годунов з дядьями и з братьями, к нему же присташа и иные бояре, и дьяки, и думные и служивые многие люди; з другую же сторону князь Иван Федорович Мстиславский, а с ним Шуйские и Воротынские, и Головины и Колычевы, и иные служивые люди, и чернь московская»⁸⁵. По летописи, столкновение завершилось пострижением Мстиславского и ссылкой Воротынских и

Головиных. Хотя летописец верно определил круг аристократических противников правителя, в его записи, по-видимому, были объединены разновременные события. Осуждение Головиных имело место задолго до падения Мстиславского, а ссылка Воротынских относится к более позднему времени.

Пострижение главы Боярской думы окружено многими легендами. В поздних и вовсе малодостоверных источниках XVII в. отразилось предание о том, что Мстиславский выступил против Бориса после долгих колебаний, поддавшись уговорам Шуйских, Воротынских, Головиных и других бояр. Старый регент будто бы замыслил призвать Годунова в свой дом на пир и там убить, однако правителя предупредили о его замысле, «он же нача изберегаться и невредим от них (бояр.— Р. С.) бысть»⁸⁶. Эта версия не внушает доверия. Мстиславскому незачем было прибегать к таким крайним мерам, как убийство. Глава опекунского совета и Боярской думы мог бороться против Годунова в рамках законности. В источниках имеются сведения о том, что Мстиславский и его сторонники разрабатывали планы развода царя Федора с бесплодной царицей Ириной Годуновой. В случае успеха, заметил в своих записках Петр Петрей, бояре рассчитывали женить Федора на дочери Мстиславского. Шведский дипломат, впервые посетив Москву после воцарения Бориса, записал немало слухов без всякой критической проверки. Его сообщение можно было бы отвергнуть как недостоверное, но оно находит косвенные подтверждения в русских источниках. После пострижения Мстиславского судьба его

дочерей стала предметом специальных разъяснений со стороны Посольского приказа. Борис поручил своим дипломатам объявить за рубежом, что девица Мстиславская была выдана замуж за князя Василия Черкасского⁸⁷. Для русской дипломатической практики подобные разъяснения по поводу заурядного брака в боярской среде были случаем из ряда вон выходящим. Необычный интерес Посольского приказа к боярышне подтверждает версию о том, что дочь Мстиславского метила в жены царю Федору. Ее замужество положило конец планам такого рода.

Мстиславский и его дочь вовсе не были жертвами честолюбия Бориса, как то пытались изобразить некоторые поздние писатели. Мстиславский едва ли не с первых месяцев царствования Федора оказался в раздоре с Н. Р. Юрьевым. Кардинал Болоньетти в письме от 24 августа 1584 г. писал со слов литовских послов и выходцев из России, что Мстиславский очень предан польскому королю, а Никита Романов возглавляет партию антипольской ориентации⁸⁸. Став преемником заболевшего Юрьева, Годунов завершил борьбу со Мстиславским. Поздние источники сохранили предание о том, что Борис одолел главу думы и «напрасно измену положи» на него благодаря поддержке главных думных дьяков братьев Щелкаловых⁸⁹. В годы опричнины номинальный глава Боярской думы был послушной пешкой царя в сложной политической игре. После сожжения Москвы татарами Грозный принудил его публично покаяться в том, что он своей изменой навел татар на святую Русь и тем погубил царствующий град. Иван IV возложил на главу

земщины и всю ответственность за поражение от армии Батория, избил его посохом и взял с него новую запись с признанием вины⁹⁰.

Годунов и Щелкалов добились отставки Мстиславского без суда, после того как раскрылись его интриги против царицы Ирины. Главный опекун приходился Федору троюродным братом, и ссора была улажена чисто семейными средствами. Первый боярин думы был вынужден сложить регентские полномочия и удалиться на покой в монастырь. Власти старались возможно дольше скрывать опалу Мстиславского. Спустя полгода после его отставки московские дипломаты получили предписание разъяснить за рубежом, что он «поехал молитца по монастырям»⁹¹. Это была полуправда. В приходо-расходных книгах Соловецкого монастыря удалось найти запись, раскрывающую обстоятельства и время изгнания регента. «Июля в 23 день (7093 г.— Р. С.),— значит-

ся в документе,— приезжал в Соловецкий монастырь помолиться князь Иван Федорович Мстиславский и дал на корм на два стола 20 рублей»⁹². Из Соловков боярин уехал на Белозеро, в Кириллов монастырь, где постригся под именем старца Ионы⁹³. Регента доставили к месту заточения совсем не так, как других опальных «изменников»: ему позволили совершить по пути паломничество в Соловецкий монастырь. Согласие боярина на добровольное изгнание избавило от опалы членов его семьи. Более того, старший сын регента боярин Ф. И. Мстиславский унаследовал обширное удельное княжество и сменил отца на посту первого боярина думы. Начиная с ноября 1585 г. он неизменно занимал место главного воеводы в армии и старшего из бояр на торжественных приемах⁹⁴.

Суд над Головиными и отставка Мстиславского обострили конфликт между Годуновым и знатью.

КРИЗИС ВЛАСТИ

Опекунский совет, назначенный Грозным, окончательно распался в связи с болезнью Н. Р. Юрьева и пострижением И. Ф. Мстиславского. Новая ситуация в Москве получила отражение в польских источниках, отличавшихся большой достоверностью. К их числу относится отчет гродненского капитана Белявского о тайной беседе с переводчиком русского посольства, возвращавшегося в Москву из Праги. Толмач Яков Заборовский, поляк по рождению, еще до того, как попал в московский плен и стал служить в Посольском приказе, в течение десяти лет состоял под началом у Белявского. С помощью всевозможных уловок Заборовский добился свидания с Белявским и после клятвы на распятии о неразглашении тайны подробно рассказал ему о московских делах. Беседа состоялась в начале мая 1585 г., но сведения Заборовского отражали положение, сложившееся в Москве на начало года. По словам толмача, «москвиты окончательно договорились между собой, и из них только двое держат в своих руках управление всей страной и царством Московским. Одного из них зовут Борисом Федоровичем Годуновым... А другой временный правитель или нечто вроде этого — Андрей Щелкалов...». Заборовский полагал, что «положение Щелкалова более прочное, чем у зятя князя»¹.

Положение Годунова в самом деле было недостаточно прочным. Против него выступали и народ, и «великие» бояре. Хотя первая вспышка народных волнений в столице была подавлена, но глубокое брожение в народе продолжалось. Движение низов носило антифеодальный характер. Как всегда, значительное влияние на настроения в столице оказывали бояре, которые через свою многочисленную

клиентуру стремились направить недовольство масс против Годуновых. Попытка возврата к продворянскому курсу Грозного привела к неожиданным последствиям. То, что удавалось сильному правительству Ивана IV, оказалось не под силу слабому правительству его ничтожного сына. Власти явно недооценили сопротивление светской и духовной знати мерам против «тарханов». Покушение на иммунитетные привилегии аристократии и возврат к репрессиям вызвали оппозиционные настроения, которые подорвали и без того слабый авторитет правительства.

Знатный земский дворянин М. Головин, попав ко двору Батория, нарисовал картину полного безвластия, воцарившегося в Москве. Головин настойчиво советовал польскому королю идти ратью на русскую землю, «куда захочет: где, деи, не придет, тут все ево будет. Нихто, деи, против его руки не поднимет для того, рознь де... сказывают, в твоих (царя Федора.— Р. С.) государевых боярах великую, а людем строенья нет; и для, деи, розни и настроения служить и битися нихто не хочет...»². Говоря о том, что в Москве «никто не хочет служить», Головин имел в виду, конечно, земскую знать. Его слова находят косвенное подтверждение в таких авторитетных источниках, как книги Разрядного приказа. На основании Разрядов можно установить как бесспорный факт, что Годунов и Щелкалов на протяжении первого года царствования Федора ни разу не собирали земское дворянское ополчение, а для военных действий в Подмосковье использовали исключительно «дворовых» воевод³. Как видно, правительство, напуганное участием мно-

гих земских дворян в апрельском мятеже, опасалось собирать крупные военные силы под началом знатных земских бояр. Процесс разрушения сильной централизованной власти, начавшийся после смерти Грозного, продолжался безостановочно. Авторитет недееспособного царя падал все ниже. К тому же Федор обладал слабым здоровьем, и ему предрекали короткую жизнь. Самодержец едва не умер в конце первого года царствования.

Годунов прекрасно понимал, что кончина Федора приведет к мгновенному крушению его власти. В поисках выхода он вступил в переговоры с австрийским двором. В 1585 г. из Москвы в Прагу прибыл посол Лука Новосильцев с секретными инструкциями от Годунова и Щелкалова. По словам участника посольства Я. Заборовского, в Праге послы узнали о смертельной болезни царя Федора и прониклись уверенностью, что по возвращении в Москву не застанут его живым. В итоге пражских переговоров посол тайно договорился с австрийцами о том, что в случае смерти Федора вдова царица Ирина Годунова выйдет замуж за одного из братьев австрийского императора, который станет князем и коронованным царем московитов⁴.

Польское правительство, получив от Я. Заборовского секретную информацию, в апреле 1586 г. сделало запрос Боярской думе, правда ли, что «бояре посылали к цесареву брату». Демарш польского посла поставил инициаторов интриги в трудное положение. Они поспешили опровергнуть информацию о затеянном ими сватовстве и объявили «злодейскими» и «изменническими» любые толки о праж-

ских переговорах: «И мы то ставим в великое удивление, што такие слова злодейские нехто затеял, злодей и изменник»⁵. Однако официальные опровержения никого не могли обмануть. Противники Годуновых постарались сделать достоянием гласности факты, обличавшие правителя в «измене». Огласка скомпрометировала Бориса и поставила его в двусмысленное положение. Переговоры с австрийским двором дали повод усомниться в ортодоксальности правителя: при живом благочестивейшем Федоре Годунов готовил почву для передачи трона католику. Интрига Годунова оскорбила Федора и испортила их взаимоотношения. Борису пришлось отведать царского посоха.

Множество косвенных признаков указывало на то, что власть правителя пошатнулась. 30 ноября 1585 г. Годунов неожиданно пожертвовал тысячу рублей в Троице-Сергиев монастырь⁶. Таким колоссальным вкладом он хотел обеспечить прибежище семье на случай опалы. Немного ранее, в сентябре того же года, Годунов направил в Лондон англичанина Джерома Горсея с рядом секретных поручений. Морская навигация закончилась, и гонцу пришлось ехать через Псков и Ревель. Он спешил так, словно за ним гнались. В пути он бил смертным боем ямщиков, «вымучивал» лошадей на ямских станциях. В своих ранних записях Д. Горсей обошел молчанием суть «особенных» поручений от Годунова, которые «не подлежали обнародованию». Однако в поздних мемуарах англичанина можно найти существенные подробности относительно его миссии. Оказывается, Борис поручил ему договориться с королевой Елизаветой относительно предоставления

его семье убежища в Англии. Годунов шел по стопам Грозного. Он ждал смуты и готовился бежать из России. По словам Горсея, он даже приступил к осуществлению этого плана и тайно перевез свои сокровища в Соловецкий монастырь, чтобы оттуда в случае мятежа переправить их в Лондон. В дальнейшем королева не раз беседовала с Горсеем о том, какими средствами можно побудить Годунова исполнить свои намерения и перевезти деньги и имущество в Лондон. На полях рукописи сам Горсей пометил возле приведенных строк: «Слишком поздно»⁷. Английский эmissар не сумел сохранить в тайне цель своей миссии, и через купцов слухи о закулисных переговорах в Лондоне проникли в Москву. Известие об обращении правителя к английским протестантам окончательно подорвало его престиж. Противники Годунова не преминули этим воспользоваться. Кризис власти приобрел более резкие очертания к весне 1586 г. В конце апреля умер боярин Н. Р. Юрьев. Его кончина послужила толчком к новым волнениям в Москве. Беспорядки едва не погубили Годуновых.

Расходные книги кремлевского Чудова монастыря сохранили запись о том, что 14 мая 1586 г. монахи закупили военные припасы «для осадного времени»⁸. Факт осады Кремля получил отражение в официальных документах в извращенном виде. Русские послы за рубежом попытались опровергнуть неблагоприятную информацию, но их заявления невольно выдали истину. Царский гонец, снаряженный в Польшу в конце 1586 г., получил следующий наказ: «А буде взмолвят, за что же в Кремле-городе в осаде сидели и сторожи крепкие учи-

нили?.. того не бывало, то некто сказывал негораздо, бездельник. От ково, от мужиков, в осаде сидеть? А сторожи в городе и по воротам, то не ново, издавна так ведется для всякого береженья». Прибывшие в Польшу в начале 1587 г. «великие послы» не только подтвердили вышеизложенную версию, но и дополнили ее некоторыми подробностями насчет «береженья» Кремля: «И дети боярские, и прикащики по воротам, и стрельцы живут для всякого береженья и на государском дворе живут, переменяясь, для огня, для пожара»⁹.

Из разъяснений дипломатов следует, что выступления «мужиков», т. е. московского посадского населения, вынудили правительство ввести в столице осадное положение. В повестях и летописях XVII в. московские волнения получили тенденциозное освещение. «Повесть како отомсти» сообщает, что «всенародному собранию московских людей множеству» стало известно об умышлении Бориса на Шуйских, после чего народ решил побить Бориса и весь его род камнями¹⁰. За туманными фразами «Повести» с трудом угадываются контуры народного мятежа, заставившего Годунова сидеть в осаде в Кремле. Составленная при царе Василии Шуйском «Повесть» с очевидным пристрастием описывала события 20-летней давности. Но аналогичную картину нарисовал и автор «Нового летописца», близкий ко двору Романовых. По его словам, гости и всякие московские торговые люди черные — все стояли за Шуйских в их столкновении с Годуновыми¹¹.

Феодалные летописцы, по всей видимости, преувеличили роль, которую сыграла в московских волнениях

борьба придворных партий. Если бы восстание целиком было инспирировано Шуйскими, ничто не помешало бы им разгромить дворы Годуновых и расправиться с ними. Между тем исход событий указывает на то, что размах внезапно вспыхнувшего возмущения ошеломил бояр и застал врасплох власть имущих. «Московских людей множество», «торговые многие люди черные» двинулись в Кремль и заполнили площадь перед Грановитой палатой. Народ требовал выдачи правителя Годунова, который олицетворял в глазах толпы гнет и несправедливость. Москвичи, повествуя летописец, «восхотеша его со всеми сродницы без милости побити камением». Годуновым грозила смертельная опасность. Но Шуйские не смогли использовать благоприятный момент для расправы со своими противниками. Чтобы успокоить восставшую «чернь» и удалить ее из Кремля, боярам пришлось помириться между собой. Роль мирового посредника взял на себя митрополит Дионисий. Учитывая популярность И. П. Шуйского в народе, власти поручили ему переговоры с восставшими. Регент постарался уверить толпу, что «им на Бориса нет гнева», что они «помирились и впредь враждовать не хотят меж себя». Несколько торговых «мужиков» пытались перечить боярину, но момент был упущен, и настроение толпы переменилось¹². Как только народ покинул Кремль, власти немедленно затворили все ворота, расставили стрельцов на стенах и окружили многочисленной стражей государев двор. Началось известное по дипломатическим документам «сидение» в Кремле в осаде.

Московское восстание еще более

пошатнуло власть Годуновых и выдвинуло на авансцену регента Шуйского и его братьев. Шуйские были сильны своими связями в дворянской среде. По традиции их поддерживало столичное посадское население, и особенно богатое купечество. Аристократическая волна неизменно выносила на поверхность эту семью при любом безвластии. Так было после смерти Василия III и Грозного, гибели Годуновых и Лжедмитрия I. Мир между Шуйскими и Годуновыми оказался недолговечным. Знать спешила использовать ничем не прикрытое поражение Бориса, чтобы окончательно избавиться от него.

Посылая Джерома Горсея с секретной миссией в Лондон, Борис Годунов доверил ему и дело самого деликатного характера. Горсей получил царскую грамоту к королеве Елизавете с просьбой подыскать в Англии искусного врача и повивальную бабку для царицы Ирины. Еще 15 августа 1585 г. Борис прислал к Горсею своего конюшего с запиской, в которой настоятельно просил, чтобы доктор прибыл, «запасшись всем нужным». Через Горсея Борис обратился к лучшим английским медикам за рекомендациями относительно царицы Ирины. Во время своего замужества царица часто бывала беременна (в своих записках Горсей написал эти слова русскими буквами ради сохранения тайны), но каждый раз неудачно разрешалась от бремени. Горсей консультировался с лучшими врачами в Оксфорде, Кембридже и Лондоне. Королеве Елизавете агент Годунова объявил, что царица Ирина пять месяцев как беременна, и просил поспешить с исполнением ее просьбы¹³. В конце марта 1586 г. Горсей получил

от Елизаветы письма к царю Федору и с началом навигации отплыл в Россию. При нем были королевский медик Роберт Якоби и повивальная бабка.

Годуновы надеялись, что рождение сына у царицы Ирины упрочит положение династии, а следовательно, и их собственные позиции при дворе. Но их обращение к иноверцам и еретикам вызвало раздражение истинно православных людей. Из благочестивых побуждений бояре и попы возражали против того, чтобы еретическая «дохторица» помогла рождению царского ребенка.

Англичанка прибыла на Русь в крайне неудачное время. Майский мятеж в Москве дал Шуйским перевес над Годуновыми. Опасаясь как бы переговоры с Лондоном не повредили доброму имени Ирины, правитель был вынужден дезавуировать своего эмиссара и публично заявил, что считает английские предложения по поводу повивальной бабки бесчестьем для сестры. В Боярской думе зачитали грамоту Елизаветы к царице, смысл которой был искажен московским толмачом до неузнаваемости. Так, Елизавета сообщала Ирине, что посылает к ней, «как у нас было просимо, искусную и опытную повивальную бабку», а также своего лейб-медика, который «будет руководить действиями повивальной бабки и, наверное, принесет пользу Вашему здоровью». Королева, значилось в переводе, направляет царице доктора, который «своим разумом в дохторстве лучше и иных баб». Правитель публично выразил гнев по поводу действий Горсея, назвал его «шутом и рабом, обманувшим королеву», и даже потребовал его головы. А царица Ирина так и не

смогла воспользоваться услугами поживальной бабки. Англичанка оставалась в Вологде в течение года, а потом покинула Россию¹⁴. Царская семья оказалась игрушкой в руках могущественных бояр и духовенства, объединившихся против Годуновых.

Получив новые доказательства бесплодия царицы, оппозиция решила нанести правителю открытый удар. Среди русских источников самые подробные сведения о выступлении оппозиции содержит краткая летописная заметка из Хронографа так называемой редакции 1617 г. Этот источник носит компилятивный характер. При составлении глав, повествующих о событиях конца XVI в., автор Хронографа, по-видимому, использовал несохранившийся ранний летописец¹⁵. Согласно Хронографу, «премудрый грамматик» митрополит Дионисий, большие бояре и московские гости решили просить царя Федора, чтобы ему «вся земля царские державы своея пожаловати, прияти бы ему второй брак, а царицу первого брака Ирину Федоровну пожаловати отпустить во иноческий чин и брак учинити ему царьского ради чадородия»¹⁶.

Степень достоверности позднего Хронографа сама по себе невелика. Но его сведения о выступлении оппозиции находят подтверждение в источнике независимого от него происхождения, что значительно повышает их ценность. Шведский агент в Москве Петр Петрей описал обычай, согласно которому Боярская дума разводила великих князей с бездетными женами. Бояре, замечает Петрей, решили развести царя Федора с бесплодной Ириной и женить его на сестре боярина Ф. И. Мстиславского, но Борис расстроил этот брак¹⁷.

Русские писатели XVII в. старались щадить имя благочестивой Ирины Годуновой. Тем не менее в их сочинениях также можно обнаружить намеки на подготовлявшийся развод. Осведомленный московский дьяк Иван Тимофеев в обычных для него туманных выражениях повествует о том, что Борис насильственно постригал в монастырь девиц — дочерей первых (!) после царя бояр, опасаясь возможности повторного брака Федора: «яко да не понудится некими царь прияти едину от них второбрачием в жену неплодства ради сестры его»¹⁸. Осторожный дьяк не назвал имен «неких» лиц, которые «понуждали» Федора ко «второбрачию». Более того, он умалчал о том, существовала ли угроза «понуждения» царя к разводу или «некие» лица привели ее в исполнение.

По данным Хронографа, бояре созвали «совет», который взял на себя миссию выразить мнение «всей земли». Совещание было достаточно авторитетным и представительным. В нем участвовали многие лица «от больших бояр и от вельмож царевы полаты». Подлинными инициаторами «совета» были глава церкви митрополит Дионисий и бояре Иван Петрович, Василий, Андрей и Дмитрий Ивановичи Шуйские. Влияние Шуйских достигло апогея после весенних волнений. Сторонники развода царя Федора пытались привлечь на свою сторону главу думы Ф. И. Мстиславского. Они обещали Мстиславскому сделать его сестру новой царицей. Боярскую интригу поддерживали столичная знать, духовенство и торговая верхушка посада. Участие столичных гостей и купцов придало «совету» земский характер. Земское совещание

выработало письменный документ. Члены совещания скрепили его своими подписями («рукописанием»).

Оппозиция чувствовала себя достаточно сильной, чтобы действовать в открытую. Во-первых, ее ходатайство преследовало верноподданные цели: бояре старались не допустить пресечения законной династии и следовали воле Грозного. Во-вторых, они строго придерживались московских традиций, согласно которым бесплодие жены считалось достаточной причиной для развода. К этому поводу прибегнул Василий III, отправив в монастырь Соломону Сабурову. Иван IV постриг двух своих жен под тем же предлогом. Выступление возглавил последний законный душеприказчик Грозного князь И. П. Шуйский, пользовавшийся громадной популярностью в стране. Хотя оппозиция действовала обдуманно, она тем не менее допустила роковой промах, сбросив со счетов слабоумного царя. Федор давно подчинился авторитету умной Ирины Годуновой и цепко держался за свою семью. Ходатайство чинов было отвергнуто.

Положение в столице оставалось беспокойным, и Годуновы не осмелились преследовать членов Боярской думы и вождей посада, возглавивших выступление земского совещания. Отвечать за неудавшуюся акцию пришлось духовенству.

Последовавшие за смертью Грозного распри в верхах ослабили светскую власть и выдвинули на авансцену церковь. Митрополит выступил с почином созыва «избирательного» собора, а затем короновал Федора в Успенском соборе. В последующие годы священный собор неоднократно решал совместно с Боярской думой

важнейшие внешнеполитические вопросы. Так, 20 ноября 1585 г. царь «з Деонисьем митрополитом и со всем освященным собором приговорил и со всеми бояры, как ему... своим государевым и земским делом промышлять» и воевать со Швецией¹⁹. Раскол в думе позволил митрополиту выступить в роли посредника между враждовавшими боярскими партиями. В тот момент «премудрый грамматик» Дионисий был, как никогда, близок к тому, чтобы стать вершителем дел в государстве. В вопросе о разводе царя оппозиция возлагала на Дионисия особые надежды: разводы на Руси всегда входили в компетенцию церкви. Едва митрополит выступил с предложением развести царя Федора и открыто примкнул к оппозиции, его влиянию пришел конец.

Правителю удалось сравнительно легко справиться с церковной оппозицией. В памяти иерархов были живы громкие судебные процессы опричнины и свирепые расправы с митрополитом Филиппом, архиепископами Пименом и Леонидом, архимандритами Корнилием, Митрофаном и монахами. Священный собор не осмелился выступить в поддержку митрополита. 13 октября 1586 г. Дионисий был лишен сана, пострижен в монахи и заточен в Хутынский монастырь в Новгороде. Пост главы церкви занял Иов, ставленник Бориса Годунова. «Собеседник» и единомышленник Дионисия крутицкий архиепископ Варлаам Пушкин был заточен в новгородский Антоньев монастырь²⁰. Близкий ко двору Романовых автор «Нового летописца» утверждал, будто церковники пострадали из-за попыток прекратить гонения. Дионисий и Варлаам, повествует летописец, «видя

изгнание бояром и видя многое убивство и кровопролитие неповинное и начаша обличати и говорити царю Федору Ивановичю Борисову неправду Годунова, многие ево неправды»²¹. Автора «Нового летописца» можно заподозрить в излишней тенденциозности. К моменту низложения митрополита не произошло еще «многого убивства», и гонения против бояр носили самый умеренный характер. Подлинной причиной опалы митрополита была попытка церкви активно вмешаться в династические дела.

Ввиду слабого здоровья и постоянных болезней Федора династический вопрос не сходил с повестки дня. Он стал камнем преткновения для правителя и бояр. Годунов вел династические переговоры с Габсбургами, его противники ориентировались на Речь Посполитую. Перспектива неизбежного пресечения московской династии побудила польскую дипломатию выдвинуть проект личной унии между Россией и Речью Посполитой. Домогательства польской короны получили поддержку со стороны влиятельной пропольской партии в Москве. Еще в 1584 г. в Варшаве стало известно, что среди московских бояр образовалось две партии: к одной принадлежал Н. Р. Юрьев, а к другой — князь Мстиславский, который был предан польскому королю²². Толмач Посольского приказа Я. Заборовский в мае 1585 г. информировал короля, что во главе польской партии в Москве стоят князья Шуйские: «...они очень преданы Вашему Величеству и... все надежды возлагают на соседство с Вашими владениями *quasi patres in limbo*»²³.

Русской знати импонировали политические порядки Речи Посполитой. Она была не прочь распространить их

на Русь и ограничить самодержавную власть московских государей по примеру польских магнатов и дворян. В письмах папского нунция А. Поссевино и Батория тех лет можно встретить утверждение, что бояре и почти весь народ московский не желают терпеть деспотическое правление Бориса Годунова и ждут помощи от польского короля²⁴. Пропольская партия в Москве действительно обсуждала планы возведения на царский трон Стефана Батория в случае смерти бездетного Федора. Пока отношения с Речью Посполитой носили относительно мирный характер, даже ближайшие сподвижники Годунова не отвергали полностью проекта унии с ближайшим соседом. Соправитель Годунова А. Я. Щелкалов в доверительных беседах с подчиненными допускал возможность передачи трона Баторию при обязательном условии брака короля с Ириной Годуновой. «Если у него (Батория.— Р. С.) королева уйдет из этой жизни, так что он мог бы жениться на нашей великой княгине,— говорил дьяк,— то мы сделали бы это весьма охотно»²⁵. Позиция Щелкалова была более чем двусмысленной: Баторий был женат и никак не подходил для роли жениха царицы Ирины. Подлинное отношение дьяка к унии выдавали его рассуждения о том, что избранию Батория препятствует его незнатное происхождение.

В отличие от худородного дьяка бояр Шуйских вполне устраивала кандидатура Батория. Посольский приказ должен был квалифицировать происки Годуновых в пользу австрийского претендента на московский трон как «измену» и «злодейство». Такой же «изменой» были интриги Шуйских

и их приверженцев в пользу польского короля. Но с того момента, как Баторий начал готовить вторжение в Россию, деятельность пропольской партии приобрела зловещий характер. Война грозила неисчислимыми бедствиями разоренной стране. Москва спешно готовилась к отражению вражеского нашествия. В такой обстановке правитель решил разделаться с боярской оппозицией.

Литовский воевода С. Пац в письме к Радзивиллу от 1 января 1587 г. сообщил, что Борис Годунов в присутствии царя и думы обвинил «младшего» Шуйского в том, что тот тайно, под видом охоты, ездил на границу и вступил в соглашение с литовскими панями. Шуйскому удалось оправдаться, но разбирательство в думе будто бы закончилось дракой, в которой Годунов и Шуйский поранили друг друга²⁶. Приведенное известие требует строгой проверки. Насколько компетентным в русских делах был автор письма? Чтобы ответить на этот вопрос, надо иметь в виду, что Станислав Пац служил воеводой в пограничной крепости Витебск, которая была одним из основных центров сбора разведывательных данных о России. Он постоянно направлял за рубеж лазутчиков и допрашивал купцов и перебежчиков. Свое письмо Пац адресовал одному из руководителей Литовской рады. Литовцы располагали реальными возможностями для получения информации из России, и поэтому их сообщения нельзя считать полностью недостоверными.

Литовские сведения можно сопоставить с австрийскими донесениями, более надежными по своему характеру. Австрийский посол Н. Варкоч в своем отчете приводит официальную

версию опалы на Шуйских, услышанную им из уст самого Годунова: «...душеприказчики (Шуйские.— Р. С.) хотели, по словам Бориса, тайно сговориться с Польшей и включить Россию в ее состав. Вообще есть основания предполагать, что это вовсе не выдумки, так как душеприказчики приобрели себе много тайных сообщников, особенно из горожан и купцов, для того чтобы внезапно напасть на Бориса и всех, кто стоит им поперек дороги, убрать, а в дальнейшем править по своей воле»²⁷.

Версия боярского заговора против Годунова получила отражение и в мемуарах Д. Горсея. По словам англичанина, правитель знал о замыслах дворян-заговорщиков, но был не в состоянии им помешать и только окружил себя хорошей стражей²⁸.

Годунов не решился первым нанести удар и выжидал, когда заговорщики перейдут к открытым действиям. Судя по литовским известиям, развязка наступила в самом конце 1586 г. 1 января 1587 г. С. Пац сообщил К. Радзивиллу, будто Шуйский после раздора в думе напал на двор Годунова, но тот, обороняясь, побил более 800 человек. Спустя три дня С. Пац получил из России сведения о том, что Андрей Шуйский вступил в сговор со вторым правителем, А. Я. Щелкаловым, и мятеж увенчался полным успехом: заговорщики якобы убили Бориса Годунова и еще одного великого боярина²⁹. Литовцы, сочувствуя Шуйским, давно ждали известий об их успехе и поэтому легко поверили тому, что Годунов погиб, а Щелкалов примкнул к его противникам. Московские новости обросли фантастическими подробностями, пока путешествовали от столицы до

кордона. Молва, по-видимому, невероятно преувеличила число жертв вооруженного столкновения у стен годуновского двора. Однако сопоставление литовских донесений с московскими источниками не дает основания считать их сплошным вымыслом. В те самые дни, когда сведения о московских происшествиях дошли до Литвы по разведывательным каналам, Посольский приказ выступил с официальным разъяснением. Прибывшие в Литву царские послы объявили, что боярин Андрей Шуйский, «который к бездельнику пристававал», сослан в деревню, а «с ним вместе поворова-ли были, не в своё дело вступились, к бездельнику пристали» московские торговые мужики³⁰. Разъяснения Посольского приказа совпадают с информацией австрийского посла, согласно которой Шуйские имели много сообщников среди горожан и купцов и готовили внезапное нападение на Бориса.

Сличение источников различного происхождения позволяет предположить, что после неудачной попытки развести царя Федора бояре Шуйские спровоцировали в Москве новые беспорядки и с помощью посадских лю-

дей хотели разгромить двор Годуновых.

Если бы заговорщикам удалось застать правителя врасплох, участь его была бы решена. Но Борис собрал на своем дворе внушительные силы и сумел отразить нападение. Правительство жестоко расправилось с вождями столичного посада, поддерживавшими мятеж Шуйских. Москва стала свидетельницей кровавых казней. Шесть сообщников Андрея Шуйского из числа торговых мужиков были обезглавлены «на пожаре», у стен города, сразу после подавления беспорядков³¹. В числе казненных были столичные «гости» и купцы Федор Нагай, Голуб, Русин Синеус³². Многих посадских людей власти подвергли пыткам и отправили в ссылку³³. В числе их был торговый человек Березовский с сыновьями. Его сослали в Сибирь и продержали три года в тюрьме³⁴. В источниках имеются сведения «о московских веденцах» С. Мартынове и семерых его товарищах, сосланных еще раньше в Каргополь, а затем в Пелым³⁵.

Мятеж Шуйских повлек за собой широкие репрессии против боярской и удельно-княжеской знати.

РЕФОРМА «ДВОРА»

В обстановке народных волнений и резкого ослабления центральной власти правительство было вынуждено пойти на самую большую уступку в пользу недовольной земской знати и дворянства. Оно ликвидировало «двор» — последыш ненавистой опричнины.

Почти нет сведений о том, как протекала ликвидация «двора» при Федоре. По всей вероятности, этот процесс потребовал известного времени, в течение которого часть бывших «дворовых» чинов в думе и приказах подверглась чистке, а оставшиеся утратили прежние привилегии вследствие слияния «дворовой» и земской чиновных лестниц и восстановления единого «государева двора».

После падения А. Ф. Нагого и Б. Я. Бельского из Кремлевского дворца один за другим исчезали думные дворяне. Дольше других в думе оставался бывший воспитатель царевича Федора М. А. Безнин. Именно он выходил к восставшему народу в дни апрельских волнений в Москве. Популярность Безнина в столице объяснялась прежде всего его военными заслугами. В конце Ливонской войны он разгромил войска курляндского герцога, помешав им принять участие в осаде Пскова. Через несколько месяцев после коронации Федора он нанес поражение крымским татарам под Калугой¹. Немного времени спустя М. А. Безнин ездил с важным дипломатическим поручением в Литву и еще в апреле 1586 г. заседал в думе в качестве думного дворянина². Однако ранее августа того же года влиятельного думного дворянина, сделавшего некогда карьеру в опричнине, принудили постричься в монахи и сослали в Иосифо-Волоколамский монастырь³.

Крупнейшим деятелем опричнины

был думный дворянин и печатник Р. В. Алферьев. Он был удален из Москвы еще раньше, чем его двоюродный брат М. А. Безнин. 20 июля 1585 г. состоялся приговор о его назначении вторым воеводой в пограничную крепость Ладогу. Алферьев пробыл там неполный год, после чего получил разрешение вернуться в столицу. Но в Москве он немедленно подвергся местническим наскокам. Ф. Лошаков-Колычев затеял с ним тяжбу и выиграл дело благодаря тому, что боярский суд возглавлял в то время боярин И. П. Шуйский. С этого момента Р. В. Алферьев окончательно выбыл из высшей правительственной иерархии⁴.

Земская оппозиция не прочь была расправиться с бывшими опричниками. Но Годунов не допустил разгрома «двора». Санкции против «дворовых» людей носили сравнительно мягкий характер. Б. Я. Бельский попал на воеводство в Нижний Новгород и сохранил думный чин оружничего. Современники утверждали, что опальный пребывал «во обилии тамо и покои мнози»⁵. «Дворовый» окольный С. Ф. Нагой попал на воеводство в Казанский край. Его брат, окольный Ф. Ф. Нагой, возглавил удельное правительство при царевиче Дмитрии в Угличе.

Начало полной реорганизации «двора» положили два правительственных распоряжения. Первое касалось наделения дворян подмосковными поместьями. Второе привело к составлению списка, определившего персональный состав двора царя Федора. Правительство Годунова и Щелкалова пошло по стопам правительства Адашева, предпринявшего реформу «двора» в середине столетия.

В связи с перестройкой органов центрального управления правительство Адашева пыталось создать постоянный дворянский контингент для службы в столице. Трудность состояла в том, что хозяйственные заботы надолго отрывали землевладельцев от службы. Значительную часть осени, зимы и весны феодалы проводили в своих сельских усадьбах, нередко расположенных в отдаленных и глухих местах. Власти использовали для постоянных поручений прежде всего «лучших слуг», располагавших землями поблизости от столицы, которых легко было вызвать на службу. Но таких «слуг» не хватало. И тогда возник проект образования особого фонда поместных земель в Московском, Дмитровском, Рузском и Звенигородском уездах, т. е. на расстоянии не более 60—70 верст от столицы. Этот фонд предполагалось использовать для земельного обеспечения «лучших слуг», не имевших подмосковных деревень⁶.

Правительство Годунова и Щелкалова начало с того, на чем остановилась Избранная рада. В 1587 г. оно распорядилось «учинить» подмосковные поместья определенного оклада за высшими московскими чинами. Текст указа не сохранился, но Указные книги Поместного приказа воспроизвели основные его фрагменты. В Указных книгах названы оклады почти всех чиновных групп: членов Боярской думы, дворцовых чинов, стрелецких командиров и приказных людей. Руководствуясь принципом службы, правительство ввело более дифференцированную систему земельных окладов по сравнению со шкалой окладов 1550 г. Тысячники Адашева получали 200, 150 и 100 четвертей

поместной земли. В правление Годунова и Щелкалова бояре сохранили оклад в 200 четвертей, московские дворяне — оклад в 100 четвертей. Зато для провинциальных выборных дворян был введен половинный оклад в 50 четвертей. Стрелецкие сотники получали несколько больше — по 60 четвертей на человека⁷. В «лучшей тысяче» 1550 г. почти отсутствовала высшая приказная бюрократия⁸. В 1589 г. право на подмосковные поместья получили не только думные и большие дьяки, но и столичные подьячие, «что сидят у дел по приказам».

Проект 1550 г. если и был осуществлен, то лишь частично. Для помещения «тысячи» надо было иметь свыше 100 тыс. четвертей земли. Таким фондом свободных земель правительство Адашева, по-видимому, не располагало. Правительству Годунова и Щелкалова не требовалось такого количества земель, чтобы осуществить указ 1587 г. Если даже предположить, что подмосковные поместья получили все московские чины, то и в этом случае максимальный фонд земель был бы все же примерно вдвое меньшим, чем минимальный фонд «лучшей тысячи» в 1550 г. (см. табл. 2). В итоге разорения 70—80-х годов более половины всех земель в Центре полностью запустело. Из этих пустующих земель, вероятно, и выкраивались в основном подмосковные дачи.

В источниках можно найти прямые указания на практическое применение указа 1587 г. Одним из первых новым указом воспользовался сам правитель. «И в даче лета 7095-го июля в 15 день,— значилось в документах Поместного приказа,— написано: дано Борису Годунову в подмосковное поместье и в оклад в Московском уезде...

Таблица 2

ПРИМЕРНАЯ РОСПИСЬ
ЗЕМЕЛЬ В ПОДМОСКОВЬЕ,
НЕОБХОДИМЫХ ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ
МОСКОВСКИХ ЧИНОВ В 1587 г.⁹

Чин	Количество чиновников	Поместный оклад, четвертей	Общее количество земли
Бояре	18	200	3600
Стольники и стряпчие	40	100	4 000
Московские дворяне	166	100	16 600
Выборные »	600	50	30 000
Итого	824		54 200

214 четвертей»¹⁰. Главные владения Годунова (его «приданая» вотчина, полученная от М. Скуратова) располагались в бывшем опричном уезде — Малом Ярославце. В столичном уезде у него была лишь небольшая вотчина — на 113 четвертей. По проекту Адашева, вотчинники Московского уезда лишались права на получение подмосковного поместья. Правительство Годунова и Щелкалова то ли не подтвердило этого правила, то ли сделало исключение в пользу правителя.

Меры царя Федора в некоторых отношениях знаменовали возврат к политике Адашева. Составление списков «тысячи лучших слуг» и Дворовой тетради 1552 г. явилось важным этапом в формировании так называемого государева двора. Разрабатывая проект испомещения «лучших слуг», правительство рассчитывало привлечь на столичную службу дворян из разных местностей, включая отдаленную Новгородско-Псковскую землю. Через два года оно отказалось от этого намерения. Никто из новгородских «лучших слуг» не попал в Дворовую тетрадь. Списки Дворовой тетради,

как значилось в ее заголовке, включали только дворян Московской земли¹¹. Отдаленность Новгорода затрудняла как привлечение местных помещиков на столичную службу, так и решение в московских приказах земельных дел помещиков, принадлежавших к составу новгородской «кованой рати». В связи с этим власти разделили высшее военное ведомство, организовав подле Большого Разрядного приказа Новгородский Разряд¹². Большой Разряд ведал служилыми людьми Московской земли. В его стенах и была составлена Дворовая тетрадь. Помещики Новгорода, Пскова, Великих Лук не попали в списки московского двора. Они служили по своим уездам и пятинам.

По подсчетам А. А. Зимина, в середине XVI в. «государев двор» насчитывал около 3 тыс. человек¹³. Однако его реальный состав был меньше, чем списочный. Дворовая тетрадь 1552 г. пополнялась на протяжении десятилетия. За это время немало дворян погибло в ходе военных действий в Ливонии и Казанском крае. Надо учитывать также и естественную убыль людей за десятилетие. Б. Н. Флоря насчитал в различных списках Дворовой тетради 50-х годов более 400 помет о смерти либо отставке служилых людей¹⁴. На место выбывших «прибирали» других дворян, имена которых заносили в тетрадь. В середине 50-х годов власти осуществили военную реформу в целях упорядочения поместной службы. Возможно, что реформа также повлияла на количественный состав «государева двора». Мало вероятно, чтобы состав «двора» обновился за десятилетие более чем на одну треть. Следовательно, в середине 50-х годов «дво-

ровую» службу фактически несли не менее 2 тыс. человек. Между тем в дворovém списке царя Федора значилось около 1100 лиц¹⁵. Таким образом, за четверть века состав «государева двора» уменьшился примерно вдвое или более того. Этот вывод полностью согласуется с наблюдением об общем сокращении численности дворянского ополчения во второй половине XVI в.¹⁶

Не следует забывать, что в годы опричнины «двор» претерпел раскол. Верхи земского дворянства в полной мере испытали на себе действие опричных земельных перетасовок и террора. Судя по синодикам, казни подверглось более 500 дворян и членов их семей. Однако значительная их часть принадлежала не к Московскому, а к Новгородскому Разряду, поэтому влияние террора на сокращение «двора» не следует и преувеличивать. Существенное влияние на численность «двора» оказали громадные потери, которые понесло дворянское ополчение в многочисленных сражениях с татарами, шведами, литовцами и поляками в ходе 25-летней Ливонской войны. Еще более важной причиной общего сокращения «двора» было запустение фондов поместной земли в итоге «великого разорения» 70—80-х годов XVI в. Поместье, надежно обеспечивавшее служебное положение членов «двора» в середине века, пришло в упадок и обезлюдело к концу века. Обеднев, дворяне неизбежно опускались в разряд провинциальных детей боярских. Некоторых из них социальная деградация низвела на еще более низкий уровень.

Реформа «двора» 80-х годов была призвана ликвидировать последствия опричной политики. Неверно было бы

думать, будто опричнина расколола один только «двор». При учреждении опричная армия насчитывала 1 тыс. голов, а затем увеличилась более чем вдвое. Собственно опричный двор составляли примерно 300 человек, а остальные принадлежали к разряду «городовых» детей боярских, служивших от опричных уездов. Ту же структуру сохранил и «двор», став наследником опричнины. Он также делился на собственно дворовых и городских служилых людей, которые получали «государево денежное жалованье з города»¹⁷.

Реорганизация «двора» при Федоре привела к немедленному отсечению той части худородных провинциальных дворян, которые служили в опричнине, а затем во «дворе» Грозного по спискам «городовых» детей боярских. Реформа «двора», таким образом, плотно закрыла лазейку, которая в два предшествующих десятилетия открывала худородным опричным людям доступ к службе при особе государя и связанным с ней привилегиям. В этом сказалась своего рода аристократическая реакция на опричную затею. Большинство бывших городских опричников не попало в списки двора Федора и растворилось в массе уездного дворянства.

В процессе формирования единой системы управления окончательно сложилась новая чиновная система московского двора. Как показал В. Д. Назаров, новые чины фигурировали уже в боярских списках 1546—1547 гг., а также в записях Разрядного приказа и в московских летописях 50-х годов¹⁸. Эта система включала помимо высших думных чинов также дворецких, казначеев, дьяков, стольников, стряпчих, жильцов, дворян.

Однако в середине века чиновная структура не была столь развита, чтобы полностью заменить собой принцип аристократического и территориального членения двора. Составители Дворовой тетради поместили вслед за перечнем бояр и окольных списки дворецких, казначеев, постельничих, печатников, а также 68 больших и дворцовых дьяков. То были руководители вновь организованного приказного аппарата управления. Для них было сделано исключение. Зато прочие чины в Дворовой тетради не фигурировали.

В последующие десятилетия значение «чинов» возросло, и при составлении списка двора Федора структура «двора» окончательно приобрела чиновный характер. Дворовый список 1588—1589 гг. включал списки членов Боярской думы, дьяков, стольников и стряпчих, жильцов, больших и выборных дворян. На долю столичных чинов, не входивших в думу, но занятых в приказах и на дворцовой службе, приходилось более 280 мест. При формировании этой чиновной группы правительство столкнулось со сложной задачей. Надо было объединить две чиновные «лестницы», образовавшиеся в земщине и опричнине. Казалось бы, бывшие члены опричного двора (верхушка опричного корпуса) могли рассчитывать на зачисление во двор Федора в первую очередь. Но по сравнению с земцами опричники отличались худородностью, и земщина не желала считаться с их выслуженными в опричнине чинами. Правительство Годунова не осталось глухим к требованиям земщины. Приказные люди получили шансы сохранить дьяческий чин, выслуженный в опричнине, но низшие дворцовые чи-

ны лишились такой возможности. По наблюдениям А. Л. Станиславского, почти все стольники, стряпчие и жильцы, служившие на «дворцовой» службе Ивана IV, утратили прежние чины и либо были записаны в разряд выборных дворян в дворовом списке царя Федора, либо стали «городовыми» детьми боярскими¹⁹. Такие меры, как исключение низших разрядов служилых людей с «дворовой» службы и понижение чиновных дворян, выдвинувшихся на службе в опричном дворе, неизбежно должны были усилить аристократический характер «дворовой» службы при царе Федоре.

В дворовом списке царя Федора окончательно оформились два новых чина: «больших московских дворян» и «выборных» из городов. Управлять страной с помощью одной столичной знати правительство не могло. На протяжении второй половины XVI в. оно нашло новую форму привлечения верхов провинциального дворянства к делам управления — дворянский «выбор». В эту категорию зачисляли «лучших» детей боярских из уездов. Выборные дети боярские периодически, в течение одного — трех лет, несли службу в столице. Хотя они стояли на самой низшей ступени «дворовой» службы, но на их долю приходилось более половины всего состава двора Федора.

Самую высшую ступень «дворовой» иерархии занимали лица, занесенные в боярский список. Сопоставление списков бояр середины и конца века позволяет сделать вывод о значительных переменах в составе правящего боярства. В списке 1552—1553 гг. первые места занимали рюрикович князь И. М. Шуйский и гедиминович князь П. М. Щенятев. За

ними следовали князья И. Ф. Мстиславский, Д. Д. Пронский, Д. Ф. Палецкий-Стародубский, Ю. М. Голицын-Булгаков, Ф. И. и П. И. Шуйские, А. Б. Горбатый, Ю. И. Темкин-Ростовский, Ф. А. Куракин-Булгаков, И. И. Пронский, С. И. Микулинский, Д. И. Курлятев-Оболенский, С. В. Ростовский, В. С. и П. С. Серебряные и Д. И. Немого-Оболенский²⁰. В боярском списке 1588—1589 гг. большинство названных фамилий (включая князей Щенятевых и Голицыных, Пронских, Стародубских, Горбатов, Ростовских, Оболенских, Микулинских) вовсе не фигурировало. Клан Булгаковых представлял один лишь престарелый князь Г. А. Куракин, занимавший низшее место в думе — рядом с четырьмя ярославскими княжатами, которые в 1552—1553 гг. не имели боярских чинов.

Согласно традиции, в середине XVI в. самые аристократические фамилии проходили службу по особым княжеским спискам²¹. Сопоставление этих списков по «дворовым» документам Грозного и Федора позволяет судить о сдвигах в составе и структуре «двора» к концу XVI в. (см. табл. 3).

Суздальская знать, происходившая от одного корня с московской династией и сидевшая большими гнездами в коренных русских уездах, до опричнины располагала исключительно сильными позициями. К концу XVI в. численность суздальской знати неизбежно должна была сократиться вследствие опричного террора и земельных конфискаций, а также военных потерь и разорения обедневших княжат. Однако на фоне общего сокращения численности «двора» удельный вес суздальской знати на

Таблица 3

СЛУЖИЛАЯ КНЯЖЕСКАЯ ЗНАТЬ ПО ДВОРОВЫМ СПИСКАМ ИВАНА IV И ФЕДОРА

Князья	1552—1562 гг.				1588—1589 гг.			
	Бояре	Околь- ничие	По княже- скому списку	Всего по дворовым спискам	Бояре	Околь- ничие	По княже- скому списку	Всего по дворовым спискам
Суздальские	5		3	14	1		1	1
Ростовские	3		18	55		1	15	28
Ярославские	3	3	83	160	4	1	10	47
Стародубские	2	1	21*	36	—	—	9	12
Оболенские	7		56	68	—	—	34	40
Всего	20	4	181	333	5	2	69	128

* Стародубский княжеский список искажен в опубликованном тексте Дворовой тетради. Он может быть реконструирован на основе других списков того же источника (см. Р. Г. Скрынников. Начало опричнины. Л., 1966, с. 66, прим. 1; Б. Н. Флоря. Несколько замечаний о «дворовой тетради» как историческом источнике.— Археографический ежегодник за 1973 г. М., 1974, с. 54).

«дворовой» службе уменьшился не столь значительно, как могло показаться на первый взгляд. Надо учитывать также и то, что княжеский список 1552—1553 гг. на протяжении десятилетия пополнился многими именами.

К верхушке «государева двора» принадлежали удельные князья, проходившие службу по особым спискам. Как в середине, так и в конце века в списке удельных фигурировала знать преимущественно литовского происхождения, позже других появившаяся при московском дворе. При Избранной раде по удельному списку начинали служить князья Бельские и Мстиславские. Иван IV использовал этих знатных гедиминовичей, чтобы оттеснить от руководства Боярской думой коренную суздальскую знать, ближайшую родню правящей династии. При Федоре Мстиславские сохранили пост старших бояр думы, но подле них появились другие гедиминовичи — князья Трубецкие.

В середине XVI в. по удельному списку служили девять князей из рода Трубецких²². Однако «великие» вотчины Трубецких подверглись дроблению и измельчали, вследствие чего никто из членов этого рода не смог выслужить в то время боярский чин. Правда, служба в опричнине и при «особом дворе» Грозного вынесла этих измельчавших удельных владык наверх. После объединения земского и «дворового» списков Трубецкие заняли в думе место подле Мстиславских, но такое положение не соответствовало местническому значению Трубецких.

Князья Воротынские и Одоевские начали карьеру как служилые князья в середине века. Все они в дальнейшем выслужили боярские чины. Однако последние бояре — М. И. Воротынский и Н. Р. Одоевский — после опричнины подверглись казни. Сыновья опальных наследовали чин служилых князей, но никто из них не получил при Федоре боярство.

Опричнина Грозного подвергла

традиционную «дворовую» службу решительной ломке. Рядом со старым «государевым двором» возник «особый двор», четыре пятых которого составляли худородные «городовые» дети боярские. Реформа Годунова — Щелкалова восстановила единый «государев двор» и вернула «дворовой» службе прежний характер. По сравнению с опричным временем высший слой «двора» стал более аристократическим, а низший — менее худородным. Реформа «двора» окончательно закрепила новую чиновную структуру «государева двора», сложившуюся в ходе формирования новых органов управления единого государства.

Слияние отдельных дворовых списков положило конец расколу «двора», начавшемуся в годы опричнины и продолжавшемуся 20 лет. Этот факт имел многообразные последствия. «Особый двор» в руках Грозного служил надежным инструментом поддержания порядка при любых столкновениях с могущественным боярством. Окончательная ликвидация «особого двора» временно ослабила верховную власть. В обстановке разраставшегося конфликта с аристократией правительство Годунова — Щелкалова вынуждено было искать выход из кризиса в более жестоким репрессиях.

ВОЕННАЯ УГРОЗА

Поражение в Ливонской войне надолго подорвало внешнеполитические позиции России. Навязанная стране система мирных соглашений не гарантировала ей длительного и прочного мира. Россия лелеяла планы возвращения земель, захваченных Швецией, но они были не реальны из-за неблагоприятной ситуации на восточных и южных границах государства.

Ряд лет продолжалось восстание народов Поволжья. В течение 1584—1585 гг. царское правительство направило в Казанский край значительные военные силы. После упорной борьбы восстание на восточной окраине государства было подавлено ¹.

Военное ослабление России привело к возобновлению набегов крымских татар на южнорусские земли. Весной 1584 г. крымцы разорили окрестности Белева, Козельска, Воротынска, Мещевска и Мосальска и захватили огромный «полон» ². От Воротынска татары повернули к Калуге и попытались переправиться за Оку. Но воевода М. А. Безнин подстерег их на переправе, «побил наголову» и отполонил «полон» ³. В 1585 г. татары напали на Рязанщину. Однако воевода Д. И. Хворостинин своевременно выступил к Шацку и принудил их повернуть вспять ⁴. В 1586 г. в набеге на южнорусские уезды участвовали крымцы и ногайцы. Крымский хан утверждал, будто на московскую «украину» напали без его приказа «мелкие люди, молодые казаки» ⁵. По заявлениям московского правительства, татар было до 30 тыс. Как свидетельствовали русские летописи, бои с татарами носили упорный характер, в руки победителей попало 374 пленных ⁶. По Разрядам можно установить, что в бою участвовала не вся русская армия. Татары были разгромлены передовым полком воеводы

князя М. Н. Одоевского, выступившим из Коломны. К месту боя подошел затем полк левой руки князя П. И. Буйносова⁷.

Непрерывные набеги татар приковали русскую армию к южной границе и побудили царское правительство принять энергичные меры для укрепления южных рубежей. Одновременно оно пыталось активизировать свою политику в отношении Крымского ханства. Развернувшаяся там междоусобица давала удобный повод для вмешательства в татарские дела. В июне 1586 г. в Москву прибыл сын свергнутого крымского хана Магмет-Гирея Мурат. Он был принят царем с большим почетом и 18 июля отпущен в Астрахань вместе с царскими воеводами и военным отрядом⁸. Разрядный приказ так охарактеризовал цели посланки царевича Мурат-Гирея в Астрахань: «...из Астрахани ему иттить промыслять над Крымом, а взем Крым, сести ему на Крыме царем, а служить ему царю и великому князю...»⁹

Обострение русско-крымских отношений привело к значительному расширению театра военных действий на южных границах. В 1587 г. в пределы России вторглось, по московским сведениям, до 40 тыс. всадников. Эти данные если и были преувеличены, то не слишком значительно. Подтверждением тому служит участие в походе сыновей хана. Набеги подвижной татарской конницы были опасны прежде всего своей неожиданностью. Но задуманное в Бахчисарае нападение оказалось неудачным с самого начала. Путивльские сторожа вовремя обнаружили движение Крымской орды от Донца к русской границе и прислали гонцов в Москву. 30 мая 1587 г. вое-

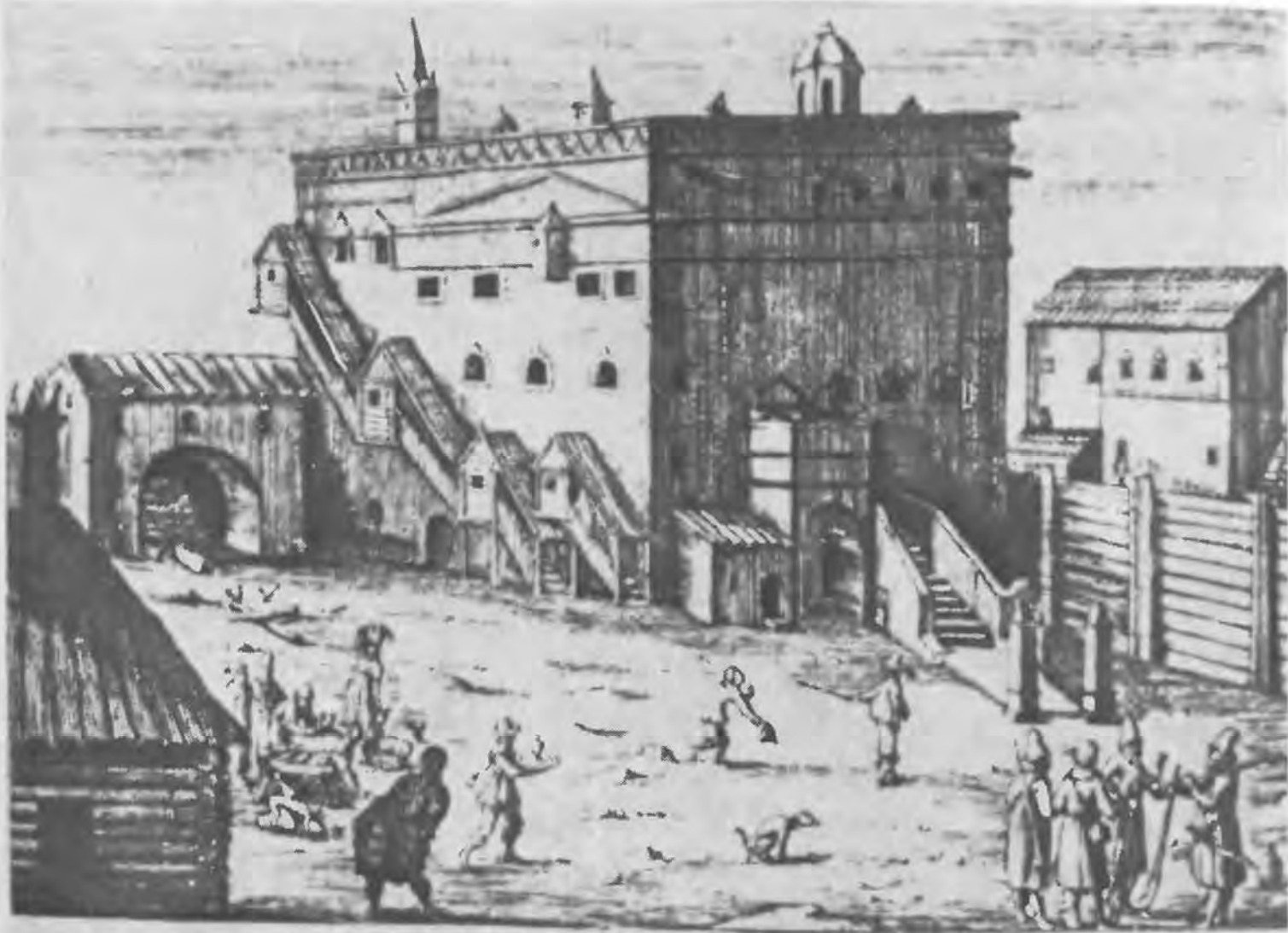
вода князь Д. И. Хворостинин спешно выступил на Оку с полками. Не дожидаясь подхода татар к укрепленным переправам на Оке, русские воеводы 11 июля соединились в пяти верстах от Тулы, на реке Вороне, и в течение недели ждали татар. Татары всей массой обрушились на Крапивну, захватили и сожгли этот небольшой острог, но не решились принять сражение с русской армией и повернули в степи¹⁰.

В то время как непрерывные вторжения татар на южных границах стали приобретать опасные масштабы, над западными границами нависла угроза вторжения со стороны Речи Посполитой. После смерти Ивана IV король Стефан Баторий отказался подтвердить Ям-Запольское перемирие и приступил к разработке планов нового похода на Восток¹¹. Его замыслы натолкнулись, однако, на сопротивление влиятельных сил внутри Речи Посполитой. Хотя королю не удалось вовлечь в антирусскую коалицию Турцию¹², нараставший конфликт между Россией и Крымом создал благоприятные условия для осуществления его замыслов. Испытывая острый недостаток в деньгах, Баторий обратился к папе римскому и получил из Ватикана субсидии. В конце 1586 г. угроза вторжения в Россию польско-литовских сил стала, как никогда, вероятной. Баторий созвал в Польше сейм, который должен был обсудить и конкретизировать планы войны¹³.

Война казалась неминуемой, и Боярская дума в декабре 1586 г. приняла решение сосредоточить все наличные силы в Можайске¹⁴. Выступление должен был номинально возглавить царь Федор. Предполагалось, что рус-

Сражение с татарами. С. Ремезов. БАН

Посольский двор. А. Олеарий. ГПБ

ская армия займет оборонительное положение, чтобы надежно прикрыть подступы к Москве с запада.

Кризис во взаимоотношениях между Россией, с одной стороны, Речью Посполитой и Крымом — с другой, совпал с серьезными внутриполитическими осложнениями. Влиятельные боярские группировки, придерживавшиеся пропольской ориентации, открыто выступили против Годунова и Щелкалова. Однако правительству удалось справиться с оппозицией, а угроза вторжения с запада миновала. В разгар военных приготовлений 12 декабря 1586 г.

скоропостижно умер Баторий. Наступившее бескоролье не только сняло угрозу нападения со стороны Речи Посполитой, но и открыло перед московской дипломатией широкие возможности для вмешательства в избирательную борьбу, начавшуюся в Польше. Русская дипломатия первоначально ставила целью добиться разрыва польско-литовской унии и избрания царя Федора на трон великого княжения литовского. Таким образом Россия надеялась ослабить своего наиболее опасного противника на Западе. Русское посольство, прибывшее на избирательный сейм летом

Великий Новгород. Софийская сторона. А. Оларий. ГПБ

1587 г., привезло проект избрания Федора на престол Речи Посполитой и «соединения» государств. Русский проект унии прежде всего предусматривал объединение военных сил России и Речи Посполитой. По мнению московских дипломатов, образование тесного военно-политического союза позволило бы решить ряд таких внешнеполитических проблем, как завоевание Крыма и изгнание турок с Балканского полуострова, в чем были одинаково заинтересованы оба государства. Московский проект содержал также предложения относительно ре-

шения «балтийского вопроса» посредством раздела шведских владений в Прибалтике¹⁵.

Внешнеполитические проекты России не вызвали энтузиазма в Речи Посполитой. Значительная часть литовской и часть польской шляхты высказались за избрание Федора, добиваясь фактически «инкорпорации» России в состав Речи Посполитой. Но установление унии между Россией и Речью Посполитой по образцу Люблинской унии вовсе не входило в расчеты царского правительства¹⁶. Обнаружившиеся с самого начала разно-

гласия обрекли на неудачу русскую дипломатическую кампанию в Польше.

Борьба между австрийским и шведским претендентами закончилась избранием на польский трон Сигизмунда III. Сын шведского короля был сторонником решительной экспансии на Восток. Он неоднократно заявлял, что намерен продолжить политику Батория в отношении России и постарается «вернуть» Речи Посполитой Псков и Смоленск¹⁷.

Столкнувшись с угрозой возрождения польско-шведской коалиции, русское правительство предпринимало лихорадочные усилия с целью добиться союза с австрийскими Габсбургами. Через посла Н. Варкоча оно предложило Вене колоссальные денежные субсидии, но сделало это с запозданием. В марте 1589 г. австрийское правительство подписало мирный договор с Речью Посполитой и обязалось не оказывать никакой помощи России.

Ориентация на католические государства Центральной и Западной Европы резко ухудшила отношения России с Англией. Английское правительство искало сближения с Россией перед лицом решающего столкновения с габсбургской Испанией. С этой целью оно направило в Москву посла Д. Флетчера, но его миссия потерпела полный провал. В ходе переговоров 1588—1589 гг. московское правительство отвергло предложение Лондона. Англо-русские отношения были принесены в жертву новой ориентации Москвы. Но расчеты русской дипломатии на тесный союз с коалицией католических государств в Европе оказались несостоятельными.

Причины переориентации России

на союз с Австрией были связаны с обострением русско-польских и русско-турецких отношений. Неблагоприятная ситуация в Европе осложнялась риском прямого столкновения между Россией и Османской империей. Москва внимательно следила за ходом турецко-иранской войны и происками турок на Северном Кавказе. Вскоре в Москву поступили сведения, подтверждавшие намерение турок утвердиться на Тереке и тем самым расширить сферу военной экспансии на Кавказе¹⁸. В 1588 г. в Россию прибыли иранские послы, предложившие военный союз против Турции и Крыма. Примерно в то же время Посоль-

Великий Новгород. Торговая сторона.
А. Олеарий, ГПБ

скому приказу стало известно о подготовке турками похода на Астрахань¹⁹. С начала 1588 г. русское командование начало концентрировать силы в этом районе. В феврале были посланы на судах воеводы князь И. М. Воротынский и Ф. В. Шереметев, а 4 апреля «в Астрахань для приходу турских людей и пашей» отправился боярин воевода князь Ф. М. Троекуров. Правительство отдало приказ о спешном сооружении в Астрахани каменной крепости. 4 апреля 1588 г. Разряд направил воеводу князя А. И. Хворостинина на Терек для строительства деревянного острога. Ввиду опасности турецкого нападения на Астрахань русское правительство в 1589 г. отдало приказ о строительстве крепости на переволоке между Доном и Волгой, названной Царицыном в честь Ирины Годуновой²⁰.

Несмотря на то что со смертью Ислам-Гирея отношения с новым ханом Казы-Гиреем приобрели более мирный характер, московское правительство не забывало об опасности внезапного татарского вторжения. С наступлением весны 1589 г. главные московские воеводы с полками заняли оборонительные позиции на Оке²¹.

Россия оказалась в состоянии полной международной изоляции в тот момент, когда произошло объединение сил двух наиболее опасных ее противников — Швеции и Речи Посполитой.

В 1589 г. шведский король

Юхан III сосредоточил в Ревеле флот и большую сухопутную армию, насчитывавшую до 10 тыс. солдат. Одновременно Сигизмунд III вынес на обсуждение польского сейма вопрос о войне с Россией. Летом 1589 г. Юхан III, угрожая войной, ультимативно потребовал от русского правительства немедленно выслать за границу великих послов. Экспансионистские круги Швеции предполагали использовать военную поддержку Речи Посполитой для демонстрации своего военного превосходства. Юхан III и его сын намеревались вызвать царя Федора на границу и вырвать у него согласие на передачу Швеции и Речи Посполитой крупнейших крепостей — Смоленска, Новгорода, Пскова, а также Северной земли. Фактически союзники готовились расчленить Русское государство²².

Опасаясь нападения с севера, русское командование стало сосредоточивать силы на шведской границе. 26 мая 1589 г. Разрядный приказ «по свейским вестем» распорядился усилить гарнизоны Орешка и Ладоги, а 2 августа направил в Новгород «для свицких людей приходу» лучшего из своих воевод — князя Д. И. Хворостинина со значительными военными силами²³.

В обстановке резкого ухудшения внешнеполитического положения страны правительство Бориса Годунова взяло курс на решительное подавление внутренней оппозиции.

ГОНЕНИЯ НА БОЯР

Низложение митрополита Дионисия и удаление из Боярской думы князей Шуйских не сломили оппозицию режиму Бориса Годунова. Напротив, репрессии положили начало новому кризису, носившему многосторонний характер.

В итоге «великого разорения» 70—80-х годов значительная часть культурных земель оказалась заброшенной. Старопахотные земли зарастали лесом. Спустя пять лет после окончания Ливонской войны лишь небольшая часть пустовавшей пашни была возрождена к жизни. Наметившийся процесс экономической стабилизации был приостановлен неурожаем и голодом, поразившим страну в 1587—1588 гг. Неурожай нанес наибольший ущерб крестьянству, но его последствия испытало на себе и многочисленное мелкое дворянство. Недовольство «скудеющих» служилых людей стало одним из факторов политического кризиса.

В связи с голодом в ряде городов сложилось напряженное положение. Английский посол Д. Флетчер, находившийся в Москве в 1588—1589 гг., был поражен «несчетным числом» бродяг и нищих, наводнивших столицу. Голод и крайняя нужда, замечает Флетчер, изнуряли жителей до предела, в городах участились грабежи и убийства. В городе Ливны произошло выступление посадских людей. Встревоженный правитель Борис Годунов 24 мая 1588 г. отрядил в Ливны видного дворянина К. О. Безобразова «для сыску про смятение градских людей»¹.

С наступлением весны 1589 г. возникла реальная опасность возмущения в Москве, вследствие чего власти отдали приказ о размещении на улицах столицы усиленных военных нарядов. Согласно записям Разрядного прика-

за, 18 апреля 1589 г. «велел государь быть на Москве в объезде в головах по росписи, огня и корчмы выимать: в Кремле — князю Василью Туренину, в Китае — князю Дмитрию Приимкову». На улицах горожане жадно внимали речам юродивого, резко нападавшего на правителя. Флетчер, видевший его своими глазами, писал: «В настоящее время есть один в Москве, который ходит голый по улицам и восстанавливает всех против правительства, особенно же Годуновых, которых считают притеснителями всего государства»².

В течение 1588—1589 гг. Москву будоражили слухи о больших раздорах в семье царя Федора. Эти толки, крайне неблагоприятные для Бориса Годунова, были подхвачены и раздуты за рубежом. В конце 1588 г. ватиканский посол в Кракове направил в Рим две сенсационные депеши. Первая гласила, что «москаль» в ссоре замахнулся на шурина посохом, но Борис выхватил нож и нанес царю две раны, отчего тот опасно занемог. Вторая депеша содержала вовсе недостоверный слух, будто царь Федор убит своими придворными (Годуновыми)³.

Московские новости получили отражение в официальной переписке литовского канцлера Л. Сапеги. Источником информации для него послужил рассказ шляхтича, который нес пограничную службу и беседовал через границу с русской стражей. Москвиты сообщили знакомому литвину следующее: «Княгиня московская родила дочку. Но Годуновы, будучи недовольны, тайком взяли новорожденного сына у жены стрельца и положили на место дочери царицы. Один со стороны Годуновых, знав-

ший об этом, выдал их в том как младшему князю Дмитрию, брату нынешнего московского государя, так и другим боярам. Потом об этом сообщили самому государю. За эти провинности государь приказал постричь свою жену в монахини. Боясь, что и с ними поступят так же, Годуновы, по словам [русской] стражи, кажется, ранили самого государя»⁴.

Прошло два месяца, и литовский подканцлер А. Бараковский направил польскому послу в Риме письмо с новыми захватывающими подробностями насчет московского скандала. По слухам, когда царь Федор уехал из Москвы на богомолье в монастырь, царица от кого-то забеременела, за что Федор хотел ее постричь в монахини. Брат царицы Борис Годунов из-за сестры поспорил с Федором. В гневе царь ударил шурина посохом, а тот несколько раз пырнул Федора ножом. Здоровье царя плохое. Великая княгиня, опасаясь, что ее постригут в черницы, будто бы хотела отравить мужа⁵. Литовская информация не отличалась достоверностью. Она слишком напоминала обычную клевету, с помощью которой московские бояре чернили правителя.

Противники Годунова порочили его с определенным расчетом. Сначала они безуспешно пытались развести Федора с Ириной Годуновой, а теперь задумали скомпрометировать всю царскую семью и разом покончить с Годуновым.

Несмотря на удаление из Москвы Шуйских, положение Годунова оставалось непрочным, что вынуждены были признать даже доброжелатели правителя. Один из них, австрийский посол Н. Варкоч, посетивший Москву в 1589 г., писал, что власть Годунова

недостаточно прочна и может рухнуть мгновенно, едва лишь умрет царь Федор. «Я узнал,— гласил отчет посла,— что кое-где в стране при дворе есть еще тайные враги Бориса, но из-за его власти они опасаются действовать открыто. Случись что с великим князем, против Бориса снова поднимут голову его противники и в стране возникнут заговоры. Борис все это хорошо понимает и видит. Если это не пресечь, все так и будет, а если он и тогда захочет строить из себя господина, то это ему вряд ли удастся»⁶.

В борьбе с боярской оппозицией Борис Годунов неизменно опирался на поддержку главного дьяка Андрея Щелкалова. Однако в 1587—1588 гг. их отношения заметно ухудшились. Располагая информацией о московском дуумвирате, английская королева 6 февраля 1587 г. обратилась с посланием к Годунову и Щелкалову⁷, чем вызвала резкое «неудовольствие» Бориса. Он немедленно уведомил своего эмиссара в Лондоне Джерома Горсея, что не даст ответа Елизавете, поскольку она написала ему «грамоты весьма непригожие и весьма неприличные», ибо «смешивать» его с дьяком — значит наносить «немалую поруку его княжескому (!) достоинству и чести...»⁸. Андрей Щелкалов сохранял известную популярность в земщине и не желал признавать превосходство Годунова. В беседе с английским послом Флетчером в 1588 г. он заявил, что Борису «всякие дела государственные, о которых делех государство держитца, по... царскому приказу все приказаны»⁹. Щелкалов недвусмысленно намекал на то, что Борис был таким же приказным чело- веком, как и он сам.

В течение 20 лет Щелкалов возглавлял Посольский приказ. Право Бориса на самостоятельные сношения с иностранными державами он, вероятно всего, рассматривал как попытку вмешательства в дела дипломатического ведомства. Трения между соправителями в конце концов вышли наружу и стали предметом обсуждения в дипломатических кругах. По возвращении из Москвы в 1589 г. австрийский посол Н. Варкоч констатировал, что Борис Федорович совсем не благоволит к Андрею Щелкалову: канцлер больше не в чести, за ним следят и не очень ему доверяют¹⁰. Сведения Варкоча можно было бы счесть домыслом, если бы они не имели подтверждения в более авторитетных источниках, и в частности в ставейном списке посольства Флетчера в Москву. Английский купец А. Мерш, будучи ограблен дьяком, помалкивал до поры до времени, но потом, «видечи, что он (Щелкалов.— Р. С.), де, в опале», подал царю челобитную и добился того, что «ему (канцлеру.— Р. С.) тогда велел государь отчет отдавати». Из английских документов следует, что Щелкалов попал в немилость в начале 1588 г., но уже к июню вышел из опалы¹¹.

Распря между соправителями ослабила правительство изнутри. Борис Годунов подвергся нападкам с двух сторон: против него выступили и бывшие опричники Нагие, и знать, близкая к Шуйским. Оказавшись в состоянии изоляции, Годунов прибегнул к репрессиям, которые свидетельствовали о слабости его позиции. По меткому замечанию В. О. Ключевского, современные летописцы верно понимали затруднительное положение Бориса и его сторонников при царе

Федоре: оно побуждало бить, чтобы не быть побитым¹².

В обстановке нараставшего политического кризиса власти завершили розыск об измене Шуйских. Следствие вели с применением обычных в то время средств. Участников заговора брали на пыточный двор и допрашивали с пристрастием. Некоторые из арестованных дворян, убедившись, что дело их проиграно, поспешили сменить знамена. Федор Старой, служивший в свите Шуйских, подал донос на своих государей¹³. Власти получили важные улики, изобличившие вождей оппозиции в изменнических связях с Речью Посполитой. Бояре Шуйские, сосланные в деревню, в 1587 г. оказались под стражей. Как значится в книгах Разрядного приказа, «того же году 95-го сослан в опале в Галич князь Василий Иванович Шуйский». Из записи следует, что приставами у опального боярина были А. В. Замыцкий и галицкий судья князь М. Д. Львов. Оба дворянина внесены в список двора Федора (1588—1589 гг.). Против имени Замыцкого имеется помета «у Шуйских», против имени Львова — «у колодников, в Галич»¹⁴.

Более позднее «Сказание» свидетельствует, что Годунов перевел опальных Шуйских из их вотчин в темницы: князя Андрея — в Буй-город, князей Василия и Александра — в Галич, князей Дмитрия и Ивана — в село Шую. Список двора Федора подтверждает факт содержания Шуйских под стражей в трех местах. Так, в нем фигурируют трое дворян — А. В. Замыцкий, Ф. П. Чудинов-Окинфов и И. Р. Вырубов, служившие в конце 1588—1589 гг. приставами у опальных Шуйских¹⁵.

Гроза грянула и над головой регента боярина И. П. Шуйского. Из отдаленной вотчины — укрепленного города Кинешмы — его перевели в Суздальскую вотчину — село Лопатниче¹⁶, где он подвергся аресту. Несколько позже Шуйского под сильной охраной отправили на Белоозеро и насильно постригли в монахи. В Кирилло-Белозерском монастыре Иов Шуйский имел возможность увидеться с князем И. Ф. Мстиславским, томившимся там более трех лет. Монастырская тюрьма стала местом одновременного заточения двух знаменитых последних душеприказчиков Грозного.

Старец Иов недолго пробыл в монастырской тюрьме. Даже в отдаленном северном монастыре под монашеским одеянием опальный боярин казался правителю опасным соперником. В конце 1588 г. по всей стране прошла молва о его смерти. Английский посол Флетчер, Д. Горсей, московские и псковские летописцы упомянули о том, что «великий боярин» был убит по приказу Годунова¹⁷. Была ли это обычная клевета на Бориса, или современники дознались истины? Подлинные документы, найденные нами в фондах Кирилло-Белозерского монастыря, помогают рассеять сомнения. На страницах монастырских вкладных книг кирилловские монахи записали, что 12 ноября 1588 г. в их обитель прибыл князь И. С. Туренин, а 28 ноября этот пристав внес большое денежное пожертвование на помин души князя И. П. Шуйского. «А корм на преставление его (князя Шуйского.— Р. С.), — отметили старцы, — ноября в 16 день»¹⁸. Разумеется, Туренин мог пожертвовать деньги на опального только по царскому пове-

лению. Но чтобы снести с Москвой, ему нужен был по крайней мере месяц. Следовательно, распоряжение из столицы могло дойти не раньше середины декабря. Между тем Туренин «упокоил» душу опального в ноябре, на 12-й день после его кончины. Приходится предположить, что правитель поручил Туренину не только сопровождать Шуйского на Белоозеро, но и убить его.

Бывшего опекуна задушили дымом, иначе говоря, отравили угарным газом¹⁹. Сам способ казни указывал на то, что Борис старался убрать соперника по возможности без огласки. В тех же целях он затеял маскарад пострижения. Казнь Шуйского можно назвать поистине «благочестивым» убийством. Московские государи перед кончиной всегда надевали иноческое платье. По понятиям людей того времени, «ангельский образ» облегчал потустороннюю жизнь. Сколь бы критической ни была ситуация, убийство Шуйского было продиктовано не трезвым политическим расчетом, а чувством страха. Пострижение регента покончило с его светской карьерой, ибо в мир он мог вернуться лишь расстригой.

Из прочих братьев Шуйских также погиб в тюрьме князь Андрей Иванович, признанный глава антигодуновского заговора. Обстоятельства его смерти в точности не известны. Поздние летописцы в один голос говорят о насильственной смерти А. И. Шуйского, но местом ссылки боярина называют Каргополь, Самару и другие места, что ставит под сомнение их осведомленность²⁰. Есть сведения о том, что князь А. И. Шуйский был убит в темнице в Буй-городе приставом С. Маматовым 8 июня 1589

(7097) г.²¹ Последнее известие, однако, не поддается проверке.

Московские летописи четко очертили круг лиц, которые подверглись гонениям в связи с опалой Шуйских. К нему принадлежали князья Татевы, а также знатные дворяне Колычевы²².

Видный воевода и боярин князь П. И. Татев-Стародубский занимал влиятельное положение в думе. Он постригся в монахи еще в сентябре 1586 г., т. е. до опалы Шуйских²³. Возможно, его пострижение было вынужденным. Сын боярина князь И. П. Татев был сослан в Астрахань в прямой связи с розыском об измене Шуйских. Соратник Шуйского И. Ф. Крюк-Колычев, один из лучших воевод конца Ливонской войны, попал в каменную тюрьму в Нижний Новгород²⁴.

В связи с разоблачением заговора против Годуновых гонениям подверглись не только знатные бояре, но и многие дворяне средней руки, приказные чины и столичные торговые люди. «Сказание о Гришке Отрепьеве» повествует, что после расправы с Шуйскими Борис «многих дворян и служилых людей, и приказных, и гостей, и воинских людей разослал в Поморские городы, и в Сибирь, и на Волгу, и на Терек, и в Пермь Великую в темницы и в пусты места»²⁵. В тюрьму попали суздальский дворянин голова В. М. Урусов²⁶, приказной А. Быкасов²⁷ и многие другие. Имеется предположение, что в связи с «делом» Шуйских в монастырь угодил ростовский сын боярский Аверкий Иванович Палицын, знаменитый впоследствии писатель «смутного времени»²⁸.

Преследования Шуйских и их приверженцев не покончили с оппозици-

ей. Центром антигодуновской агитации остался Углич — резиденция младшего сына Грозного. Раздор между московским и удельным дворами нарастал с каждым днем. Свидетельством тому был небольшой, но многозначительный эпизод, связанный с завещанием Грозного.

Неопубликованные до сих пор документы Венского архива приоткрывают краешек завесы, окутавшей историю царского завещания. Речь пойдет о донесениях из Москвы Луки Паули. Этот австрийский подданный долгие годы жил в Москве. Прибыв в Вену в качестве личного эмиссара Бориса²⁹, Паули уведомил австрийское правительство насчет неких статей завещания Грозного, якобы имевших проавстрийский характер. По его словам, в Москве весьма склонны избрать на трон австрийского принца, «тем более что в завещании покойного великого князя (Ивана IV.—Р. С.) говорится об этом», а это завещание «еще и поныне держат в тайне...». По наблюдениям Л. Паули, самые знатные московские господа, и в особенности правитель, крайне обеспокоены возможностью больших перемен и неурядиц, которые последуют за смертью бездетного царя, и лелеют надежду видеть на московском троне эрцгерцога Максимилиана³⁰.

Заверения Луки Паули нельзя рассматривать как выражение притязаний Габсбургов на московский трон. За спиной Паули стоял Борис Годунов. Правитель, по-видимому, допустил преднамеренную утечку информации. Не решаясь открыто возобновить переговоры относительно брака царицы Ирины с одним из австрийских принцев, он пытался подготовить почву для их возобновления с по-

мощью измышлений по поводу завещания Грозного. Сведения насчет австрийских статей царского завещания следует признать полностью недостоверными³¹.

Сообщение Паули заинтересовало венский двор. Посланный в Москву посол Николо Варкоч получил подробные инструкции, следуя которым он должен был во что бы то ни стало увидеть подлинник завещания и раздобыть его копию или по крайней мере собрать достоверные сведения о нем: действительно ли в завещании покойного великого князя упомянуты дела, касающиеся австрийской династии, в чьих руках оно находится и т. п.³² Посол в 1589 г. направил в Вену реляцию, в которой сообщил, что Борис Годунов подавил раскрытый им боярский заговор и наказал участвовавших в нем душеприказчиков Ивана IV, а завещание царя, по слухам, разорвал³³.

Постоянно проживавший в Москве Лука Паули дополнил сведения Варкоча новыми драматическими подробностями.

Согласно Паули, царь Иван IV продиктовал завещание ближнему дьяку Савве Фролову, который вскоре же скорпостижно скончался, из-за чего возникло подозрение, что его отравили, чтобы царское завещание не стало известно³⁴.

Насколько достоверно сообщение Паули, сказать трудно. Очевидно лишь внешнее совпадение некоторых фактов. В апреле 1588 г. завещание, по словам Паули, существовало. Не позднее ноября 1589 г. австрийцы узнали о его уничтожении. Однако неизвестно, был ли дьяк Фролов в самом деле отравлен, хотя можно установить, что его имя навсегда исчезло

из официальной документации как раз в 1588—1589 гг.³⁵

Уничтожение царского завещания для того времени было делом неслыханным. Если Борис действительно решился на такой шаг, то, по всей вероятности, опасность для правителя заключалась в тех распоряжениях Грозного, которые, с одной стороны, касались полномочий регентов, а с другой — определяли владения и права жены и младшего сына Грозного.

Известно, что расследование измены Шуйских бросило тень на Нагих, родню царевича Дмитрия. В беседах с доверенными людьми Борис Годунов не прочь был поведать «о злых умыслах родственников царицы Марии (Нагой.— Р. С.), которые сносились с некоторыми другими боярами (Шуйскими.— Р. С.), назначенными волею прежнего царя товарищами в правлении»³⁶. Факт причастности Нагих к заговору Шуйских с точностью не установлен. Однако и те и другие подверглись гонениям примерно в одно и то же время. В дворовом списке 1588—1589 гг. против имени дворянина Ф. А. Жеребцова имеется пометка: «У Афанасия у Нагово»³⁷. Она означает, что Ф. А. Жеребцов, доверенное лицо правителя, был назначен «приставом», т. е. стражником, к А. Ф. Нагому, попавшему в тюрьму. 21 декабря 1588 г. опальный А. Ф. Нагой пожертвовал деньги в Троице-Сергиев монастырь «по сыне Петре»³⁸. Необычный вклад был связан с арестом Петра Нагого и ссылкой его в Антоньев-Сийский монастырь. В начале 1589 г. власти распорядились усилить надзор за П. А. Нагим, «приставить к нему приставов и никого не пускать к нему в келью»³⁹.

Одновременно с Нагими преследованиям подверглась ливонская королевна Мария Владимировна, дочь Авдотьи Александровны Нагой. Правнучка Ивана III и племянница Грозного Мария Владимировна вернулась из Ливонии в Москву в 1586 г.⁴⁰ На родине ее встретили с царскими почестями и пожаловали большие земельные владения⁴¹. В первой половине 1588 г. королевна вынуждена была принять монашество и удалась в Богородицкий монастырь в Подсосенье⁴². Ее удельные владения перешли в казну. Вместе с Марией в монастырь попала ее малолетняя дочь Евдокия. 18 марта 1589 г. Евдокия умерла⁴³. В Москве тотчас же распространились слухи о том, что ее умертвили по приказу Годунова⁴⁴.

Родного дядю королевны М. А. Нагого власти держали на воеводстве в крохотных провинциальных крепостях Кокшаге и Уфе⁴⁵.

К группировке Нагих тяготел Р. В. Алферьев, тесть М. А. Нагого. В 1589 г. бывший опричный «печатник» и «думный дворянин» Алферьев окончательно лишился всех своих чинов и был сослан «в государеве опале» на службу в Астрахань и на Переволоку. Имя его было немедленно вычеркнуто из списка думных людей со следующей пометой-резолюцией: «написат в дворянах», «на Переволоке»⁴⁶.

Гонениям подверглись и многие представители высшей удельной и княжеской знати. В их числе оказались удельные князья Воротынские. При Грозном Воротынские лишились родового Новосильско-Одоевского удела и получили взамен город Стародуб Рязановский и несколько крупнейших волостей в Нижегородском

и Муромском уездах. Старший сын известного воеводы М. И. Воротынского князь Иван успешно служил в последние годы жизни Грозного и мог надеяться на возвращение родовых земель и думных титулов. Но при Федоре он не получил ни того ни другого. В 1585 г. князь И. М. Воротынский был отослан из столицы на воеводство в Нижний Новгород, где и пробыл не менее двух-трех лет⁴⁷. В начале 1588 г. его послали «в плавную» в Астрахань. Вскоре над головой Воротынских разразилась гроза. В дворовом списке 1588—1589 гг. против имени братьев Ивана и Дмитрия Воротынских имеется помета: «В деревне оба, государя доложить»⁴⁸. Доклад царю не имел последствий, и высокородные князья на много лет остались не у дел.

Правительство Годунова подвергло преследованиям тверского великого князя Симеона Бекбулатовича. Вплоть до конца 1586 г. Симеон числился номинальным главнокомандующим дворянским ополчением, а прочие бояре формально подчинялись ему⁴⁹. Поздние летописцы XVII в. утверждали, будто Симеон лишился удела в начале 90-х годов⁵⁰. На самом деле Годунов ликвидировал Тверской удел раньше. При Симеоне управление его «княжеством» осуществляла удельная дума, которую еще в июне 1585 г. возглавлял боярин князь Борис Петрович Хованский⁵¹. В дворовом списке 1588—1589 гг. бывший удельный боярин уже записан как царский дворянин⁵². Следовательно, удельная дума была распущена ранее 1588—1589 гг. Тогда же Симеону пришлось расстаться с обширными земельными владениями и с пышным титулом. Из Твери его свели в село Кушалино⁵³.

При нем оставили немногих людей его «двора», которые жили в скудости⁵⁴. Можно предположить, что Симеона удалили под предлогом служебной негодности, после того как он стал подслеповат. После смерти Годунова служилый «царь» стал обвинять его во всех своих бедах. По словам Симеона, он ослеп от выпитого вина, которое прислал ему в подарок правитель⁵⁵.

Со времени опричнины высокое положение в официальной чиновной иерархии занимали князья Шейдяковы, происходившие из династии ханов Ногайской орды. В 1586 г. А. Шейдяков возглавлял в армии царя Симеона полк левой руки⁵⁶. В 1588—1589 гг. ногайский мурза числился в списке служилых князей, но против его имени было помечено: «У пристава». После ареста Шейдяков выбыл из числа главных воевод и стал служить головой в царском стане, а затем и вовсе был отставлен от службы⁵⁷.

Среди знати литовского происхождения гонениям подверглись Куракины и их «братия» Голицыны. Последние сохраняли свои позиции в Боярской думе вплоть до смерти Грозного. С первых дней царствования Федора они энергично выступали против политики «двора». Годуновы не без основания считали Голицыных и Куракиных людьми «наиболее опасными для себя и способными противиться их намерениям». Влиятельный член думы В. Ю. Голицын получил отставку и провел последние дни своей жизни в провинции. А. П. Куракин не только не получил место в Боярской думе, но и был удален от «двора»⁵⁸. В 1585—1587 гг. он служил воеводой в Арске и Свияжске, а затем его имя

и вовсе исчезло из Разрядов⁵⁹. Все попытки Голицыных и Куракиных вернуть былое положение, опираясь на местнические традиции, неизменно терпели неудачу. Князь А. И. Голицын 8 марта 1585 г. проиграл дело боярину князю Н. Р. Трубецкому⁶⁰. За повторную попытку местничать А. И. Голицын в июне 1588 г. угодил на две недели в тюрьму⁶¹.

Дворовый список 1588—1589 гг. зафиксировал опалы тех лет, когда конфликт с боярской оппозицией достиг высшей точки. В числе репрессированных оказались князь М. А. Щербатов (в дворовом списке против его имени есть помета: «В тюрьме в опале») и князь М. В. Ноздреватый-Токмаков (помета: «В опале, поговорить»)⁶². Гонения затронули не только княжескую, но и нетитулованную старомосковскую знать. Представитель могущественного рода Шереметевых боярин Ф. И. Шереметев в конце 1588 г. за попытку местничать с родственником Годунова С. Ф. Сабуровым был сослан на воеводство в Астрахань⁶³. Вскоре он постригся в Антоньеве монастыре в Новгороде. В 1589—1590 (7098) гг. старец Феодорит Шереметев пожертвовал в Иосифов монастырь свою «куплю» (вотчину) — деревню Бурухино и сельцо Рудино в Коломенском уезде. Ранее 2 июля 1590 г. эти вотчины были отписаны в царскую казну⁶⁴. По-видимому, Шереметев подвергся преследованиям как единомышленник Шуйских. Враждовавший с ним племянник «писал его изменником, что с князем Иваном Петровичем Шуйским государю царю Федору изменял»⁶⁵.

Из думы был изгнан последний представитель знатного старомосков-

ского рода Бутурлиных — окольный И. М. Бутурлин. Он прославился в конце Ливонской войны и мог претендовать на боярский чин. Но в 1588—1589 гг. его сослали на воеводство в небольшую пограничную крепость Ливны. В дворовом списке 1588—1589 гг. Бутурлин записан среди дворян, а против его имени имеется помета: «На Ливне, как минетца крымское дело, отпустит в деревню»⁶⁶. Следовательно, Бутурлин лишился думного чина и был сослан в деревню. Одновременно с ним опале подвергся Е. В. Бутурлин. В дворовом списке царя Федора о нем сказано: «У прис[тава], доложить»⁶⁷.

В то же время гонениям подверглись А. Ф. Третьяков-Головин («отослан», «у пристава»), В. Б. Сукин («у пристав[а] в опале»), Д. Д. Чулков («в тюрьме»), И. Д. Беклемишев («в тюрьме»)⁶⁸. Имеются сведения, что в конце 80-х годов опале подверглись известные купцы Строгановы, получившие от Грозного огромные земельные владения на восточной окраине государства. Д. Флетчер писал со слов английских купцов, будто помимо земель власти конфисковали у Строгановых почти все их денежные богатства⁶⁹.

Возврат к политике репрессий, неизбежный в условиях глубокого конфликта между властями и боярством, живо напомнил современникам опричнину. По словам псковского летописца, Борис, будучи еще «в правителях», начал «боярския великия роды изводити... и род свой вынес и с теми восхоте царьствовати на многие лета». Английский наблюдатель Д. Флетчер, обстоятельно описывая опричные меры Грозного против знати, попутно заметил, что по-

добные средства доселе используются Годуновыми, которые намерены истребить и унизить все знатнейшее и древнейшее дворянство⁷⁰.

Оценивая свидетельство Д. Флетчера, следует иметь в виду два обстоятельства. Во-первых, миссия Флетчера в Москву потерпела провал и посол мог намеренно чернить правителя и его политику. Во-вторых, английский дипломат писал мемуары, находясь под сильным впечатлением от увиденного в Москве, а он был там в самый разгар гонений на Шуйских и их сторонников и всех событий того времени.

В действительности политика Годунова никогда не была простым повторением политики Ивана IV. Гроз-

ный стремился к достижению своих целей с помощью неограниченного насилия. Репрессии Бориса носили сравнительно умеренный характер. Главное же различие заключалось в следующем. Опричная политика не ставила своей задачей удовлетворение интересов дворянства в целом. В опричнине царь Иван опирался исключительно на силы дворянского охранного корпуса, наделенного особыми привилегиями в ущерб прочим феодалам. Борис же придал своей политике более широкую ориентацию. Он попытался найти опору в дворянских массах. Осуществленная им программа социальных мероприятий отвечала коренным интересам феодального сословия в целом.

Иван IV. Портрет XVI в. Национальный музей. Копенгаген

Русский боярин. А. Оlearий. ГПБ

Дворянская конница. XVI в. С. Герберштейн. ГПБ

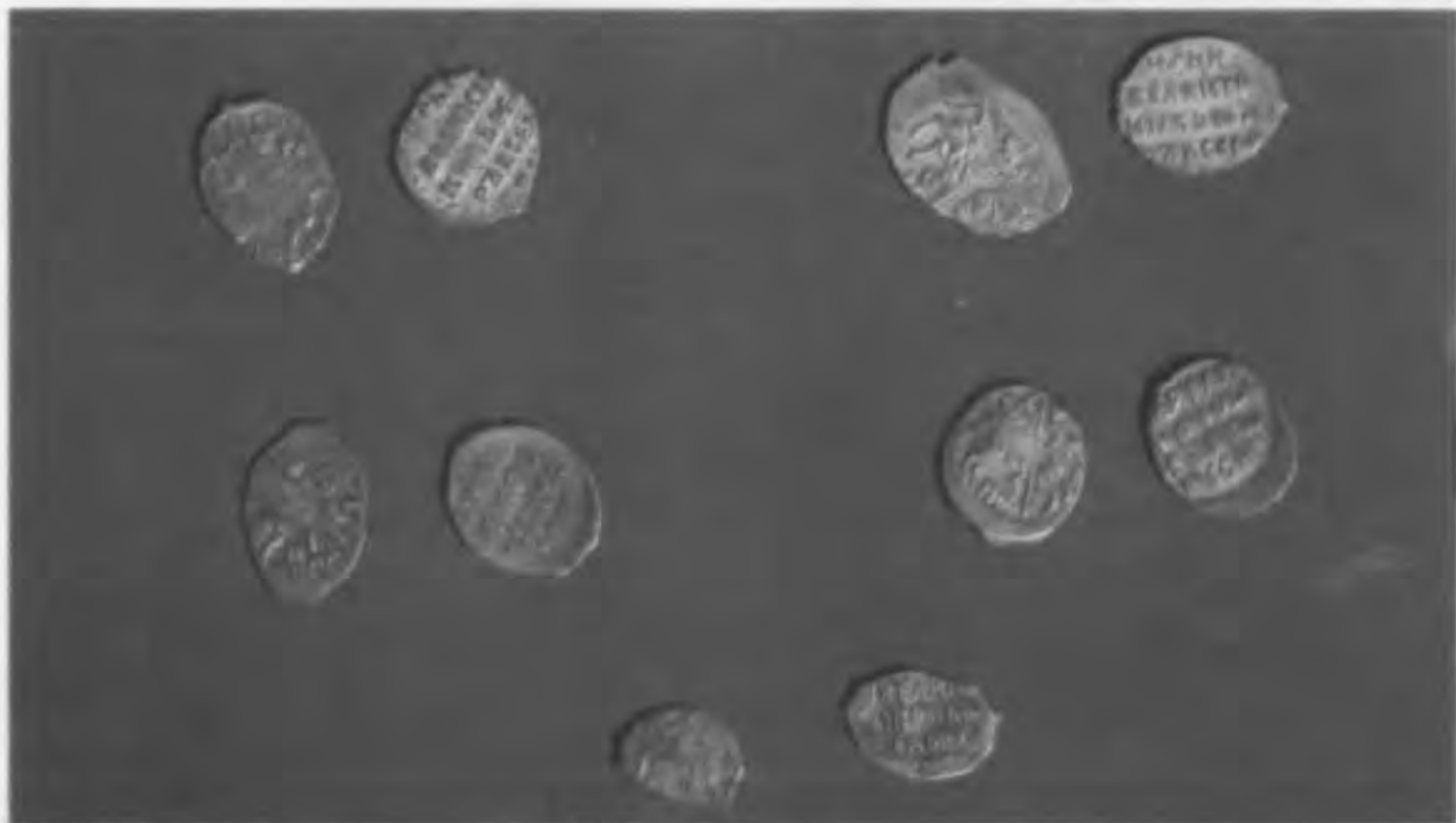
Вооружение всадника. XVI в. С. Герберштейн. ГПБ

Поход Ермака в Сибирь. С. Ремезов. БАН

Парадное оружие XVII в. Оружейная палата

На верхней иллюстрации — копейки при Федоре Ивановиче (верхний и средний ряд);
деньга при Федоре Ивановиче (нижний ряд). Эрмитаж

На нижней иллюстрации — копейки при Борисе Годунове (верхний ряд),
Лже-Дмитрии (средний ряд слева), Василии Шуйском (средний ряд справа),
Владиславе (нижний ряд). Эрмитаж

Шапка Мономаха. XIII—XIV вв. Оружейная палата

УСТУПКИ ДВОРЯНСТВУ

При анализе социальных мероприятий московского правительства важно учесть экономические тенденции, обнаружившиеся во второй половине XVI в. С точки зрения исследования проблем аграрной истории исключительное значение имеют материалы новгородского происхождения. Сохранился уникальный для XVI в. архив Новгородской приказной избы с разнообразной поместной документацией, включавшей писцовые и дозорные книги, «послушные» грамоты на крестьян, «платежницы» и т. д. Новгородские писцовые книги, охватывая почти целиком весь период с конца XV до 80-х годов XVI в., предоставляют в распоряжение историка массовый материал в виде периодических поземельных описаний одних и тех же местностей. По другим районам России нет столь богатой документации, а сохранившиеся источники относятся преимущественно к монастырским владениям. История поместья имеет важное значение, поскольку в XVI в. поместная форма активно вытесняла все другие виды землевладения. К концу XVI в. поместье, став ведущей формой землевладения, оказывало значительное влияние на развитие экономики в целом.

Новгородская поместная система возникла после конфискации обширного фонда вотчинных владений на территории Новгородской земли. Присоединение Новгорода открыло путь к неслыханному обогащению московских служилых людей, получивших здесь землю на поместном праве. Превращение бывших боярских и прочих вотчин в поместье поначалу означало лишь смену титула земельного собственника. Но в дальнейшем структура и организация новгородского поместья претерпели серьезные перемены¹.

Русские обряды XVII в.: свадьба, крещение ребенка, похороны. А. Олсарий. ГПБ →

Центральная власть передала дворянам право сбора оброков с новгородских поместных крестьян, но при этом взыскивала подати со всех без исключения пахотных земель помещья. Поместные грамоты начала XVI в. подкрепляли этот порядок следующей формулой: помещику с поместных тяглых наделов (обеж) оброки и прочий «доход весь имати себе, опричь великих князей и обежные дани. А что ис тех обеж... (помещик.—Р. С.) возьмет себе или

своим людем обеж на пашню, и ему с тех обеж на крестьянех своих доходов не имати; а что прибавит на крестьян своего доходу, и он в том волен, только б было не пусто, чтоб великих князей дань и посошная служба не залегла; а доспеет пусто, и... (помещику.—Р. С.) платити великих князей и дан, и посошная служба самому»².

Помещики несли ответственность за поступление налогов со всех обеж помещья. Злостные неплательщики

могли попасть в тюрьму. Поначалу большинство московских служилых людей не имело собственной запашки, а следовательно, и не платило податей со своих усадебных хозяйств. В тех поместьях, где владельцы занимались земледелием, их запашка не превышала в начале XVI в. 10—12⁰/₁₀ всей поместной пашни³. При таком соотношении крестьянской и господской пашни установившаяся налоговая система не была еще для землевладельцев слишком обременительной. Во второй половине XVI в. ситуация стала меняться. Помещики Деревской пятины уже в начале 50-х годов «пахали на себя» 24,3⁰/₁₀ всей пашни в поместье⁴. Примерно таким же было положение в Шелонской пятине к 1564—1571 гг.⁵ В период разорения 70—80-х годов общая площадь господской запашки резко сократилась, тогда как ее удельный вес продолжал расти. Так, в Бежецкой пятине к началу 80-х годов помещичья запашка сократилась в 10 раз по сравнению с 40-ми годами, но на ее долю приходилась третья часть всей обрабатываемой земли поместья. Начиная с 80-х и до середины 90-х годов удельный вес дворянской пашни увеличился с 32,6 до 47,2⁰/₁₀⁶. В начале 90-х годов господская пашня в Бежецком поместье росла не только относительно, но и абсолютно. Так возникло разительное несоответствие между новой структурой поместья и старой системой налогообложения.

В процветающем поместье первой половины XVI в. феодал мог заставить крестьян оплатить подати, падавшие на его собственную пашню. В поместье 80—90-х годов крестьяне фактически были обязаны платить подати в полуторном и даже двойном

окладе — и за себя, и за помещика, поскольку доля помещичьей пашни уже составляла от одной трети до половины всей жилой пашни. Такие платежи стали непосильны для крестьян, тем более что во второй половине века произошло заметное сокращение крестьянских наделов и многократно возросли государственные подати. По данным авторов «Аграрной истории Северо-Запада России», крестьяне Бежецкой и Деревской пятин пахали в начале 80-х годов в среднем по три десятины в трех полях на двор⁷. Такой надел с трудом кормил крестьянскую семью. Попытки обложить крестьянина дополнительным побором вели к его окончательному разорению. Дворяне Бежецкой и Деревской пятин в тот же период «пахали на себя» в среднем до 10 десятин на усадьбу⁸. Размеры помещичьего хозяйства были, таким образом, невелики. К тому же оно сохраняло натуральный характер. Мелкие и средние помещики, составлявшие наиболее многочисленную прослойку феодального класса, в полной мере испытали на себе последствия «великого разорения», а рост податей усугубил положение. Старая система налогового обложения лишила мелкое поместье экономической устойчивости. Материальные ресурсы мелкопоместного дворянства оказались подорванными. Описание новгородских земель, проведенное в начале 80-х годов, обнаружило колоссальное сокращение поместного фонда земель, находившегося в руках дворян.

Процесс размывания низших слоев феодального класса усиливался при любых экономических трудностях. Это явление отчетливо прослеживается по документам конца 80-х

годов. Английский посол Д. Флетчер отмечал, что хлебные цены на московском рынке подскочили в 1588 г. до 13 алтын за четверть⁹. В Новгороде в том же году рожь продавали по 20 алтын за четверть, и голод приобрел еще более угрожающие масштабы¹⁰. «Если (в России.— Р. С.) бывает дороговизна, как в прошедшем 1588 г. ...— писал Д. Флетчер,— то она меньше зависит от неурожая, нежели от дворянства, которое по временам слишком повышает цены на хлеб»¹¹.

Историки не раз цитировали эти слова Флетчера, считая их заслуживающими доверия. Между тем факты не подтверждают объяснений английского посла. Российский хлебный рынок зарегистрировал в 1588 г. большое повышение хлебных цен на обширной территории: от Новгорода и Пскова до Москвы, Владимира и Холмогор¹². Причиной дороговизны были не столько манипуляции дворян, сколько неблагоприятные климатические условия, приведшие к недороду. В 1587 г. продолжительная и суровая зима стояла во всех восточноевропейских странах — от России и Литвы до Крыма¹³. В Крыму снег лежал в течение пяти месяцев. В районе Пскова сильные снегопады прошли в конце мая. Значительная часть посевов пострадала, и начался голод.

Неурожай имел тяжелые последствия прежде всего для многомиллионной массы крестьян. Он причинил немало бед и мелкому дворянству. Платежные книги Бежецкой пятины, составленные при сборе податей в 1588 г., заполнены записями о разорении местных помещиков. Приведем некоторые из этих записей. Сын боярский Р. И. Бирюков «обнищал, кор-

митца меж двory». Д. Ж. и Ж. Ж. Образцовы «сошли в государеву Полотненую волость в Усть-реку, кормятца меж двory». Л. В. Кулебакин «съехал к Москве бити челом к государю о своих нуждах». Ш. Я. Дурова «кормитца меж двory». Т. И. Сукин «сволокся к Москве бити челом государю о пустоти... а жена его кормитца по двoryм в московских городех»¹⁴. Дозорщики, побывавшие в Бежецкой пятине в 1594 г., застали в деревне Минино одного разоренного сына боярского в бобыльском дворе: «...да туту ж бобыли беспашенные дв. неслужилой сын боярской Прокофей Епончин...»¹⁵

В книгах Бежецкой пятины 1588 г. отмечено много случаев, когда «оскудевшие» помещики бросали свои поместья и уходили в другие уезды. Так, А. И. и С. В. Измайловы «збежали в Переяславль», Ю. Г. Усов «сшел в Кашин», Ш. Желтухин «в 95-м году сшел в Московские городы в Углицкой уезд». Туда же сошли П. Т. и И. С. Арбузовы, Г. Ф. и А. Г. Моклоковы. «В 95-м году сшел в Московские городы к Костроме» Т. Н. Шалимов и М. Н. Шамшев. Т. И. Сукин «сошел в Бежецкий Верх в 95-м году» и т. д.¹⁶

Аналогичные сведения за тот же год встречаются в платежной книге Деревской пятины. Помещик Микитин «ходит меж двory, людей и крестьян нет, поместье стоит пусто». С. Аничков «сшел безвестно, а поместье стоит пусто». Помещица А. Трофимова «ходит меж двор, просит про Христа, людей и крестьян нет в поместье». Забросили пустые поместья Л. Кропотов (жил в Казани в сотниках стрелецких) и Г. Ростиславский (жил в Москве), вдова

М. Коробьина (ушла во Ржеву к дяде) и т. п.¹⁷

Случалось, что разоренные дворяне покидали в своих поместьях рожь «в земле», чтобы не платить с пашни разорительных государевых податей. Заброшенные помещичьи посевы конфисковывались в казну в счет неуплаченных податей¹⁸.

Документы начала 90-х годов обнаруживают еще одно интересное явление — бегство мелких помещиков на вольные казачьи окраины. Согласно «десятиям» 1591—1592 гг., воронежский сын боярский М. Д. Пахомов, имевший поместный оклад на 150 четвертей пашни, «сшел в вольные казаки с Васильев з Биркиным», в полку которого он служил в 1590—1591 гг. Дворянин П. Д. Голохвостов, вновь испомещенный в 1590—1591 гг. и получивший оклад в 40 четвертей, также «сшол в вольных казаках с Васильем Биркиным». Среди «новики» еще один сын боярский «сшел на Дон в [70] 99 году» и двое — в [70] 98 г. Среди детей боярских, служивших в Рязске, отмечены были те, кто «обнищал» и «волочитца меж дворы», а также те, кто «сошел на Дон в 7093 и 7096 годах»¹⁹.

История новгородских помещиков Жегаловых дает наглядное представление о превратностях судьбы, подстерегавших обедневших дворян в годы разрухи. В 80-х годах XVI в. С. Жегалов с братьями владел небольшим поместьем с барской запашкой в 15 четвертей и единственным крестьянином, пахавшим 10 четвертей пашни²⁰. Как установили дозорщики в 1594 г., Сильвестр Григорьев сын Жегалов с братьями разорился и был вынужден наняться в монастырь: «...поместье свое покинул, а живет

в монастырских слугах у Спаса на Хутины». Второе поколение «избывших» службы и земли помещиков деградировало окончательно. Двое сыновей Федора Жегалова сели «во крестьяне» у помещицы А. Шамшевой и распахали пустошь: «Др. Лубенское, что была пустошь... а в ней живут дети боярские неслужилые во крестьянех дв. Горемыка Федоров сын Жегалов, дв. Ушак Федоров сын Жегалов, пашни паханные две чети с осьминою, в живущем четь обжи»²¹. Порядившись к помещице во крестьяне, Жегаловы надежно укрылись от военной службы.

Судя по дозорным книгам 1594 г., один из племянников С. Жегалова поступил на службу к соседскому помещику И. А. Судакову: «Деревня Менухово, а в ней Ивановы люди Судокова — дв. Сава Григорьев сын Жегалов, дв. Молофей Игнатьев сын Маслов... пашни паханные людцкие семь чети, обжа без трети обжи...» Савва Жегалов служил у помещика в качестве приказчика и за службу пахал пашню «на себя»²².

Дворянское «оскудение» в годы разрухи привело к тому, что низшие слои феодального сословия оказались охваченными настроениями острого недовольства. Это обстоятельство имело важные последствия.

Во второй половине 80-х годов городские движения в России достигли апогея. П. П. Смирнов полагал, что возбудителями волнений были борющиеся за власть бояре. По мнению С. В. Бахрушина, выступления в городах носили классовый, антифеодальный характер, а их главной движущей силой были посадские низы²³. На основании источников можно установить, что наряду с посадскими

людьми значительную роль в столичных волнениях играли мелкопоместные дворяне.

Описывая апрельские антиправительственные выступления 1584 г., летописец отметил, что в результате раздора между «дворовыми» и земскими чинами «некой от молодых детей боярских учал скакати из большого города (Кремля.— Р. С.) да вопити в народе, что бояр Годуновы побивают». Когда народ осадил Кремль, повествует другой летописец, «дети боярские многие на конех из луков на город стреляли»²⁴. В мятеже участвовали «ратные московские люди», пришедшие «с великою силой и со оружием к городу». Среди мятежников оказались не только рядовые служилые люди, но и знатные земские дворяне из провинции. В ходе расследования выяснилось, что заводчиками мятежа были «большие» рязанские дворяне Ляпуновы (из этой семьи вышли знаменитые деятели «смуты») и Кикины, а также «иных городов дети боярские»²⁵. Архивы не сохранили источников, позволяющих судить о требованиях дворян, участвовавших в уличных беспорядках. На основании правительственных заявлений можно заключить, что дворян особенно волновала проблема налогового обложения.

Недовольство «скудеющих» мелкопоместных дворян приобрело столь опасные масштабы, что правительство в конце концов было вынуждено прислушаться к их требованиям.

Как удалось установить Н. А. Рожкову, ранее 1591—1592 гг. правительство распорядилось «обелить» (освободить от податей) часть собственной запашки служилых людей²⁶. Самые ранние сведения насчет осуществле-

ния этой меры сообщают дозорные книги Бежецкой пятины 1593—1594 гг. со ссылками на платежную книгу той же пятины 1591—1592 гг.

Реформа налоговой системы преследовала четко уловимую цель. Власти предоставили налоговые льготы в первую очередь и исключительно тем дворянам, которые несли государеву службу. Например, они «обелили» пашню служилому человеку Ф. Л. Осинину, но после его смерти лишили всех льгот его вдову и малолетнего сына, потому что сын «государевы службы не служит, а по государеву цареву и великого князя Федора Ивановича всея Руси указу вдовам и недорослям обелные земли нет». Сборщики податей отказались «обелить» пашню семье сына боярского Я. Бачманова, находившегося в плену. Сделав соответствующую выписку из «платежниц» 1591—1592 гг., они пометили в книгах 1594 г.: «И о том как государь царь и великий князь Федор Иванович всея Руси укажет»²⁷.

Н. А. Рожков полагал, что поместный оклад был единственным «руководящим началом» при «обелении» барской запашки: одну обжу «обеляли» при окладе в 100, 150, 200 и 300 четвертей, две обжи — в 450 четвертей и т. д.²⁸ Приведенные ниже данные подтверждают и уточняют этот вывод (см. табл. 4).

Расхождения между поместным «окладом» служилого человека и фактической «дачей» были подчас очень значительными. Но чиновники не придавали этому обстоятельству большого значения. Исходя из «оклада» помещика, они «обеляли»: по 10 четвертей — на 100—200 четвертей поместья, по 15 четвертей — на 300—

Таблица 4

«Обеляемая» запашка (в обжах)	Оклад (в четвертях)	Дача (в четвертях)	ЦГАДА, ф. 1209, кн. 972, л.
Пол-обжи	(?)	50	75 об.
Обжа	100	50	81 об.
»	150	40	118 об.
»	200	200	117, 210 об.— 211
Полторы обжи	по 300 (у 3-х братьев)	по 232 (у 4-х братьев)	
» »	400	400	210
Две обжи	по 450 (у отца и сына)	60 четвертей (и рядок)	100 об.
» »	450	320	29 об.

400, по 20 четвертей — на 450 четвертей поместья.

При «обелении» господской пашни писцы столкнулись с рядом трудностей практического характера. Следуя имеющимся инструкциям, они освобождали от податей главным образом барскую, «усадищную» пашню, т. е. пашню возле барской усадьбы. Но они не всегда знали, как поступить с пашней, которую пахали «люди» и слуги помещика. При «обыске» в Спасском погосте в 1593—1594 гг. дозорщики «обелили» помещикам 15 обож, но отказались «обелить» $1\frac{1}{3}$ обжи людской пашни, «что пашут люди на себя, а не на помещика». Наибольший интерес представляет мотивировка подобного образа действий: «...а приложена люцкая пашня с крестьянскою пашнею в перечень, потому что верить тому нечем и сыскать было допряма неким, люцкая то пашня или прямая крестьянская». При подведении итогов по Михайловскому погосту в Орехове дозорщики обложили людскую пашню податями, но по иным мотивам: «...а толко люцкая пашня пашут на себя, а не на помещиков». Таким образом, людская

пашня исключалась из «обельной» в двух случаях: когда нельзя было проверить ее принадлежность помещичьим слугам (а не крестьянам) и когда слуги пахали пашню на себя. Поскольку значительная часть поместий земли Бежецкой пятины запустела, писцы, исходя из интересов казны, «обеляли» помещикам землю как из «жилого», так и из «пуста»²⁹.

Первые более определенные сведения об освобождении бежецкой барской запашки от податей относятся к 7100 г., иначе говоря, к осени 1591 г. и зиме 1592 г. Надо полагать, что податной реформой была охвачена не одна только Бежецкая пятина. В. И. Корецкому удалось найти несколько поземельных дел Деревской пятины 90-х годов с прямой ссылкой на указ царя Федора об «обелении» пашни. В 1596 г. деревские помещики Матвей и Федор Невзоровы писали в своей челобитной грамоте на имя царя Федора: «А по твоему государеву [указу] с усадищских пашон твоих всяких податей имати не велено, а велено имать с крестьянских пашен»³⁰. Процитированная грамота как нельзя более точно определяет значение году-

новского указа об «обелении» помещичьей запашки. Указ стал важной вехой в истории феодального дворянства. С одной стороны, он способствовал преодолению внутренних противоречий между различными прослойками и группами феодалов, одни из которых обладали феодальным иммунитетом («тарханами»), а другие должны были платить подати с собственной пашни. Указ благоприятствовал консолидации различных групп служилых людей в единое и замкнутое феодальное сословие. С другой стороны, «обеление» барской запашки впервые провело резкое разграничение между податными сословиями и привилегированным классом феодальных землевладельцев.

Полное освобождение от тягла не-

большой запашки, имевшейся в усадьбе любого мелкого помещика, должно было по замыслу правительства гарантировать служилой мелкоте минимальный доход, спасти ее от нищенской суммы в голодный год и крепче привязать к поместью. Годуновский указ помог приостановить разорение низшего дворянства и замедлить прогрессирующее запустение помещного земельного фонда.

Мероприятия по «обелению» дворянской пашни свидетельствовали о том, что в начале 90-х годов правительственная политика все больше отвечала интересам наиболее многочисленных средних и низших слоев дворянства. В том же плане следует рассматривать и законодательство по крестьянскому вопросу.

ДЕЛО
НАГИХ

Вскоре после смерти Грозного царица Мария и ее сын Дмитрий вынуждены были покинуть Москву. По завещанию, составленному за много лет до смерти, Иван IV распорядился выделить в удел вдове город Ростов, а ее возможному сыну — Углич и три других города. Царица Мария Нагая не получила никаких земель отдельно от сына. Осведомленные русские летописи утверждают, что в последнем завещании Грозный «повеле дать удел град Углич со всем уездом и з доходы» младшему сыну царевичу Дмитрию¹. Над царевичем и его матерью скорее всего была учреждена боярская опека. Именно поэтому в уделе не была образована Боярская дума².

Федор отпустил младшего брата на удел «с великой честью», «по царскому достоянию». В проводах участвовали бояре, 200 дворян и несколько стрелецких приказов. Царице было назначено содержание, приличествовавшее ее сану³. Но никакие почести не смогли смягчить унижение вдовствующей царицы. Удаление Нагих из столицы за неделю до коронации Федора имело символическое значение. Власти не пожелали, чтобы вдова царица и ее сын присутствовали на коронации в качестве ближайших родственников царя.

После распада опекунского совета положение Нагих в Угличе изменилось. В столице княжества водворился государев дьяк М. И. Битяговский. В приказном мире его имя было широко известно. Одно время он был главным дьяком Казанского края. Как помощник первого боярина князя Ф. И. Мстиславского, дьяк провел дворянский смотр во Владимире. В описях архива сохранилась такая запись: «Володимер. 98-го году смотру боярина князя Федора Ивановича

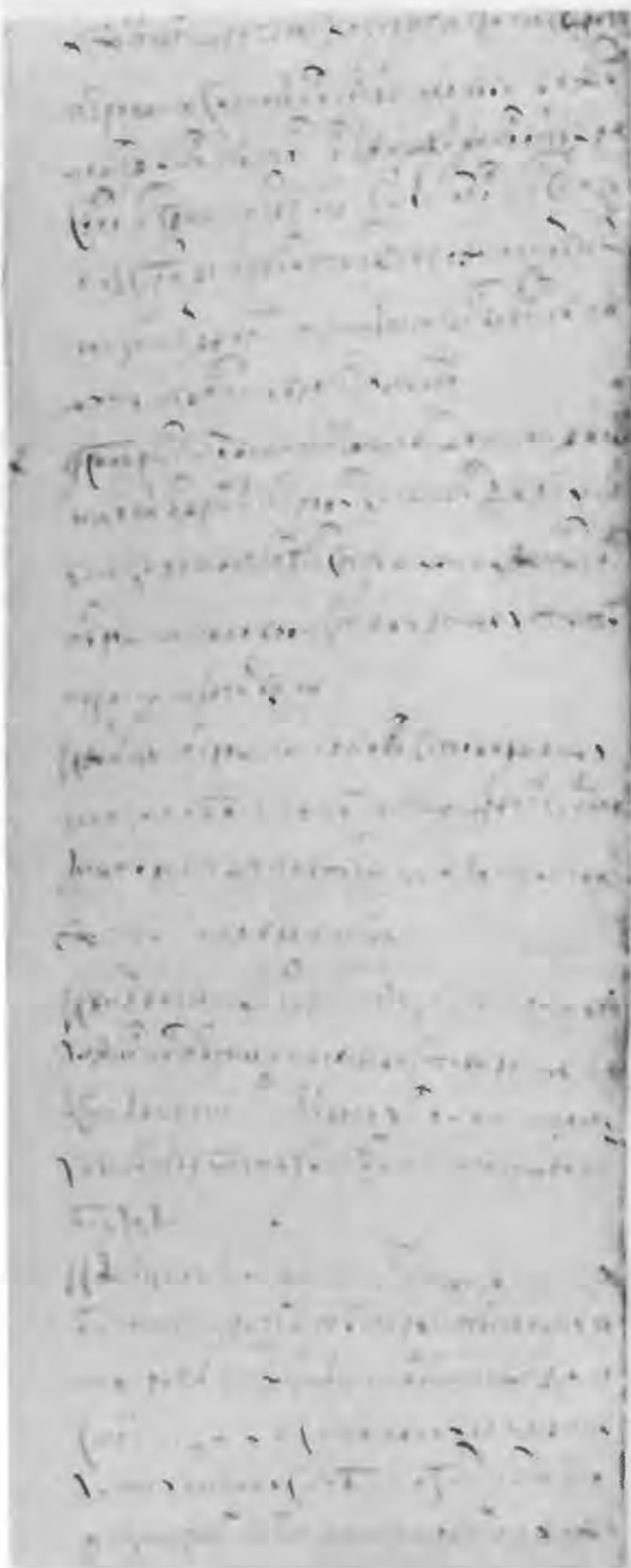
Мстиславского да дьяка Михаила Битяговского»⁴. Самым примечательным в ней является дата — 7098 г. (1589—1590 гг.). Оказывается, в эти годы Битяговский служил не в Угличе, а в Москве, в Разрядном приказе. Таким образом, вопреки обычному представлению дьяк сидел в Угличе не более полутора лет. Московские власти сократили ассигнования на нужды княжеской семьи и обязали угличан нести государственные повинности. Царица Мария Нагая и ее братья постоянно ссорились с Битяговским из-за денег «на царицын и царевичев обиход». Они выразили крайнее неудовольствие, когда в Углич пришел приказ о сборе «посохи пятьдесят человек под город Гуляй». Нагие надеялись, что после смерти царя Федора его трон наследует Дмитрий. В Угличе ждали его кончины с нетерпением. Дьяк Битяговский дознался, что Михаил Нагой держит на своем дворе «ведуна» Андрюшку Мочалова и «тому ведуну велел ворожить, сколько... государь долговечен и государыня царица». Со своей стороны царица Мария обвинила дьяка в том, что он приютил у себя юродивую («жоночку уродивую»), накликавшую на ее сына «падучую болезнь»⁵.

Углич стал источником многих ложных слухов, порочивших правительство. По русским источникам, угличского князя пытались «окормить зельем». Англичанин Флетчер, будучи в Москве в 1588—1589 гг., записал, будто от яда, предназначенного для Дмитрия, умерла его кормилица. В действительности кормилица Арина Тучкова благополучно пережила своего питомца. Вероятно, под впечатлением пересудов Флетчер написал года за два до смерти Дмитрия слова,

которые впоследствии стали рассматриваться как пророческие: «...царский род в России... по-видимому, скоро пресечется со смертью особ, ныне живущих...»⁶

При регентах права царевича Дмитрия как сына Грозного не ставились под сомнение. В день коронации митрополит Дионисий пожелал здоровья и долголетия царю Федору с «царицей Ириной и со своим братом со князем с царевичем Димитрием Ивановичем, и со своими бояре»⁷. Несколько лет спустя царь Федор вследствие происков Годунова запретил духовенству поминать имя царевича при богослужениях на том основании, что он рожден в шестом браке и поэтому является незаконнорожденным⁸. Проведение в жизнь подобного взгляда на Дмитрия в корне разрушало расчеты и надежды Нагих.

15 мая 1591 г. царевич Дмитрий погиб. Его смерть послужила прологом к восстанию в Угличе. Подстрекаемые царицей Марией и Михаилом Нагим угличане разгромили Приказную избу, убили государева дьяка Битяговского, его сына и нескольких других лиц. Четыре дня спустя в Углич прибыла следственная комиссия. Она допросила 140 свидетелей. Протоколы допросов, а также заключение комиссии о причинах смерти Дмитрия дошли до наших дней. Однако существует мнение, что основная часть угличских материалов дошла до нас в виде беловой копии, составители которой то ли ограничились простой перепиской имевшихся в их распоряжении черновых документов, то ли произвели из них некую выборку, а возможно, и подвергли редактированию⁹. Тщательное палеографическое исследование текста «обыска», проведенное

Угличское следственное дело 1591 г.,
л. 26 об. ЦГАДА

В. К. Клейном, в значительной мере рассеивает подозрения насчет сознательной фальсификации следственных материалов в момент составления их белой копии¹⁰. Основной материал переписан восемью разными почерками. Входявшие в комиссию подьячие провели обычную работу по подготовке следственных материалов к судопроизводству. В подавляющем большинстве случаев показания свидетелей-угличан отличались завидной краткостью, и подьячие, записав их, тут же предлагали грамотным свидетелям приложить руку. По крайней мере 20 свидетелей подписали на обороте свои «речи». Их подписи строго индивидуализированы и отражают разную степень грамотности, довольно точно соответствовавшую их общественному положению и роду занятий.

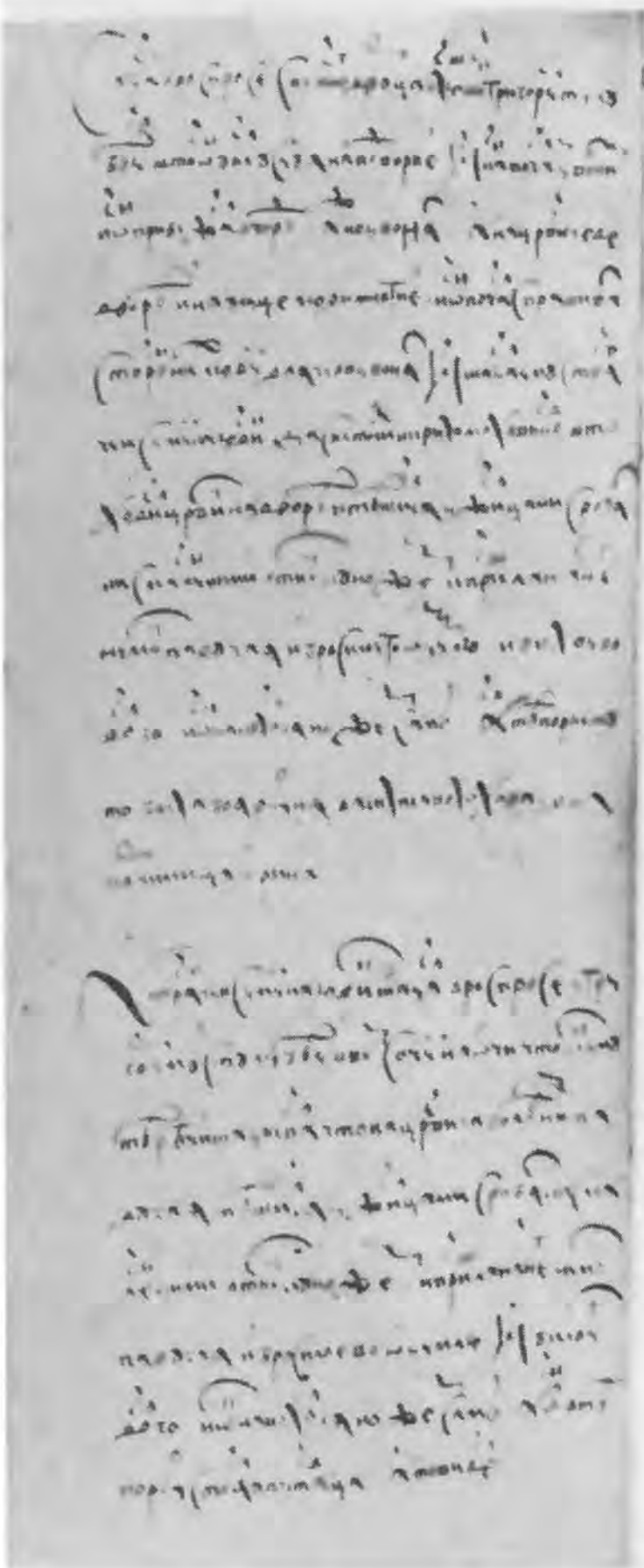
В следственную комиссию вошли очень авторитетные лица, придерживавшиеся разной политической ориентации. Скорее всего по инициативе Боярской думы руководить расследованием поручили боярину Василию Шуйскому, едва ли не самому умному и изворотливому противнику Годунова, незадолго до этого вернувшемуся из ссылки. Его помощником стал окольничий А. П. Клешнин. Он поддерживал дружбу с правителем, но в то же время приходился зятем Григорию Нагому, состоявшему при царице Марии в Угличе. Вся практическая организация следствия лежала на главе Поместного приказа думном дьяке Е. Вылузгине и его подьячих. По прошествии времени следователь В. Шуйский не раз менял свои показания относительно событий в Угличе, но комиссия в целом своих выводов не пересматривала.

Составленный следственной комиссией

сией «обыск» сохранил не одну, а по крайней мере две версии гибели царевича Дмитрия. Версия насильственной смерти всплыла в первый день дознания. Наиболее энергично ее отстаивал дядя царицы Михаил Нагой. Он же назвал имена убийц Дмитрия: сына Битяговского Данилу и др. Однако Михаил не смог привести никаких фактов в подтверждение своих обвинений. Его версия рассыпалась в прах, едва заговорили другие свидетели. Когда позвонили в колокол, показала вдова Битяговского, «муж мой Михайло и сын мой в те поры ели у себя на подворьишке, а у него ел священник... Богдан». Поп Богдан был духовником Григория Нагого и изо всех сил выгораживал Нагих, утверждая, что те не причастны к убийству дьяка, погубленного посадскими людьми. Хотя показания попа откровенностью не отличались, он просто-душно подтвердил перед Шуйским, что обедал за одним столом с Битяговским и его сыном, когда в городе ударили в набат. Таким образом, в минуту смерти царевича его «убийцы» мирно обедали у себя в доме вдалеке от места преступления. Они имели стопроцентное алиби. Преступниками их считали только сбитые с толку люди. Показания свидетелей выяснили еще одну любопытную деталь: Михаил Нагой не был очевидцем происшествия. Он прискакал во дворец «пьян на коне», «мертв пьян», после того как ударили в колокол. Протрезвев, Михаил осознал, что ему придется держать ответ за убийство дьяка, представлявшего в Угличе особу царя. В ночь перед приездом Шуйского он велел преданным людям разыскать несколько ножей и палицу и положить их на трупы Битяговских, сброшенные в ров

Угличское следственное дело 1591 г.,
л. 13. ЦГАДА

у городской стены. Комиссия, расследовавшая дело по свежим следам, без труда разоблачила подложные улики. Городовой приказчик Углича Русин Раков показал, что он взял у посадских людей в Торговом ряду два ножа и принес их к Нагому, а тот велел слуге зарезать курицу и вымазать ее кровью оружие. Михаил Нагой был изобличен, несмотря на заpiresательство. На очной ставке с Раковым слуга Нагого, резавший курицу в чулане, подтвердил показания приказчика. Михаила Нагого окончательно выдал брат Григорий, рассказавший, как он доставал из-под замка «ногайский нож» и как изготовлены были другие «улики».

Версия нечаянного самоубийства Дмитрия исходила от непосредственных очевидцев происшествия. В полдень 15 мая царевич под наблюдением взрослых гулял с ребятами на заднем дворе и играл ножичком в тычку. При нем находились боярыня Волохова, кормилица Арина Тучкова, ее сын Баженко, молочный брат царевича, постельница Марья Колобова, ее сын Петрушка и еще два мальчика «жильца». Шуйский придавал показаниям мальчиков исключительное значение и допрашивал их с особой тщательностью. Прежде всего он выяснил, «кто в те поры за царевичем были». Ребятки отвечали, что «были за царевичем в те поры только они, четыре человека, да кормилица, да постельница». На заданный «в лоб» вопрос: «Были ли в те поры за царевичем Осип Волохов и Данило Битяговский?» — «жильцы» дали отрицательный ответ. Мальчики прекрасно знали людей, о которых их спрашивали. (Сын дьяка был их сверстником, а Волохов и Качалов служили «жильцами» в свите царевича).

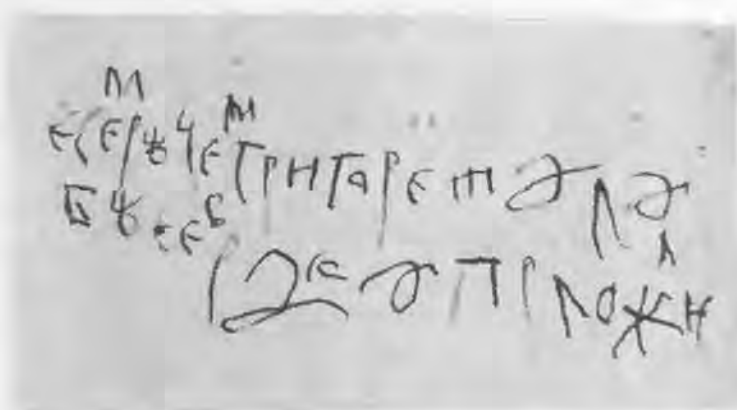
ча и были постоянными товарищами их игр.) Они кратко, точно и живо рассказали о том, что произошло на их глазах: «...играл-де царевич в тычку ножиком с ними на заднем дворе, и пришла на него болезнь — падучей недуг — и набросился на нож».

Может быть, мальчики сочинили историю о болезни царевича в угоду Шуйскому? Такое предположение убедительно опровергается показаниями взрослых свидетелей.

Трое видных служителей царицына двора — подключники Ларионов, Иванов и Гнидин — показали следующее: когда царица села обедать, они стояли «в верху за поставцом, ажно деи бежит в верх жилец Петрушка Колобов, а говорит: тешился, деи, царевич с нами на дворе в тычку ножом и пришла, деи, на него немочь падучая... да в ту пору, как ево било, поколосся ножом сам и оттого умер». Итак, Петрушка Колобов сообщил комиссии то же самое, что и дворовым служителям через несколько минут после гибели Дмитрия.

Показания Петрушки Колобова и его товарищей подтвердили Марья Колобова, мамка Волохова и кормилица Тучкова. Свидетельство кормилицы отличалось удивительной искренностью. В присутствии царицы и Шуйского она назвала себя виновницей несчастья: «...она того не уберегла, как пришла на царевича болезнь черная... и он ножом поколосся...»

Спустя некоторое время нашелся восьмой очевидец гибели царевича. Приказной царицы Протопопов на допросе показал, что услышал о смерти Дмитрия от ключника Толубеева. Ключник в свою очередь сослался на стряпчего Юдина. Всем троим тотчас устроили очную ставку. В результате

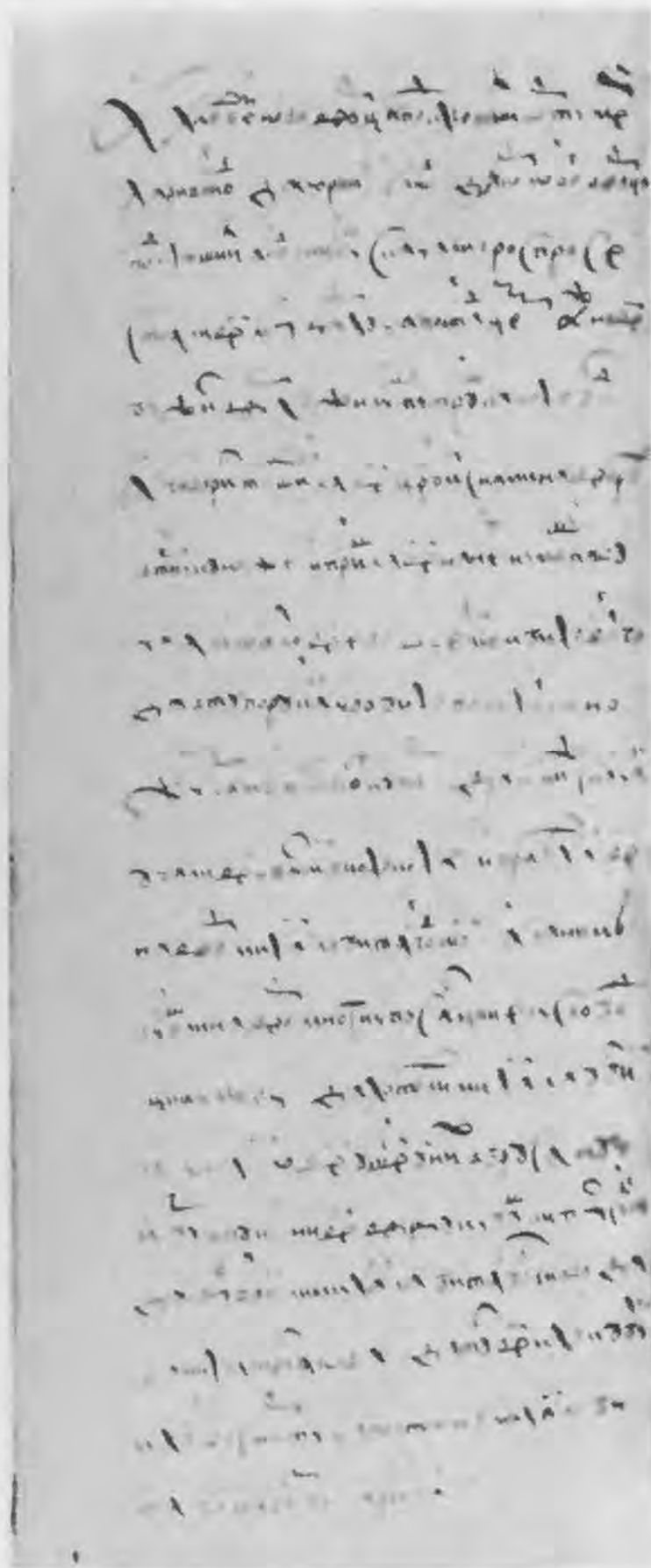

Угличское следственное дело 1591 г., л. 26. ЦГАДА

выяснилось, что в полдень 15 мая Юдин стоял в верхних покоях «у поставца» и от нечего делать смотрел в окно, выходявшее на задний двор. По словам Юдина, царевич играл в тычку и накололся на нож, а «он (Юдин. — Р. С.)... в те поры стоял у поставца, а то видел»¹¹. Юдин знал, что Нагие толковали об убийстве, и благоразумно решил уклониться от дачи показаний следственной комиссии. Если бы его не вызвали на допрос, он так ничего бы и не сказал.

Версия нечаянной гибели царевича содержит два момента, каждый из которых поддается всесторонней проверке.

Во-первых, болезнь Дмитрия, которую свидетели называли «черным недугом», «падучей болезнью», «немочью падучею». Судя по описаниям припадков и их периодичности, царевич страдал эпилепсией. Как утверждали свидетели, «и презже тово... на нем (царевиче. — Р. С.) была ж та болезнь по месяцем безпрестанно». Сильный припадок случился с Дмитрием примерно за месяц до его кончины. Перед «великим днем», показала мамка Волохова, царевич во время

Угличское следственное дело 1591 г.,
л. 28. ЦГАДА

приступа «объел руки Ондрееве, дочке Нагова, одва у него... отнели». Андрей Нагой подтвердил это, сказав, что Дмитрий «ныне в великое говенье у дочери его руки переел», а прежде «руки едал» и у него, и у «жильцов», и у постельниц: царевича «как станут держать, и он в те поры ест в нецывенье, за что попадетца». О том же говорила и вдова Битяговского: «Многажды бывало, как ево (Дмитрия. — Р. С.) станет бити тот недуг и станут ево держати Ондрей Нагой и кормилица и боярони, и он... им руки кусал или, за что ухватит зубом, то отъест».

Последний приступ эпилепсии у царевича длился несколько дней. Он начался во вторник. На третий день царевичу «маленко стало полехче» и мать взяла его к обедне, а потом отпустила на двор погулять. В субботу Дмитрий второй раз вышел на прогулку, и тут у него внезапно возобновился приступ¹².

Во-вторых, версия о самоубийстве предполагала, что царевич в момент приступа забавлялся с ножичком. Свидетели описали забаву подробнейшим образом: царевич «играл через черту ножом», «тыкал ножом», «ходил по двору, тешился сваею (остроконечный нож. — Р. С.) в колцо». Правила игры были несложными: в очерченный на земле круг игравшие поочередно втыкали нож, который следовало взять за острие лезвием вверх и метнуть так ловко, чтобы он, описав в воздухе круг, воткнулся в землю торчком. Следовательно, когда с царевичем случился припадок, в руке у него был остроконечный нож. «Жильцы», стоявшие подле Дмитрия, показали, что он «набросился на нож». Василиса Волохова описала слу-

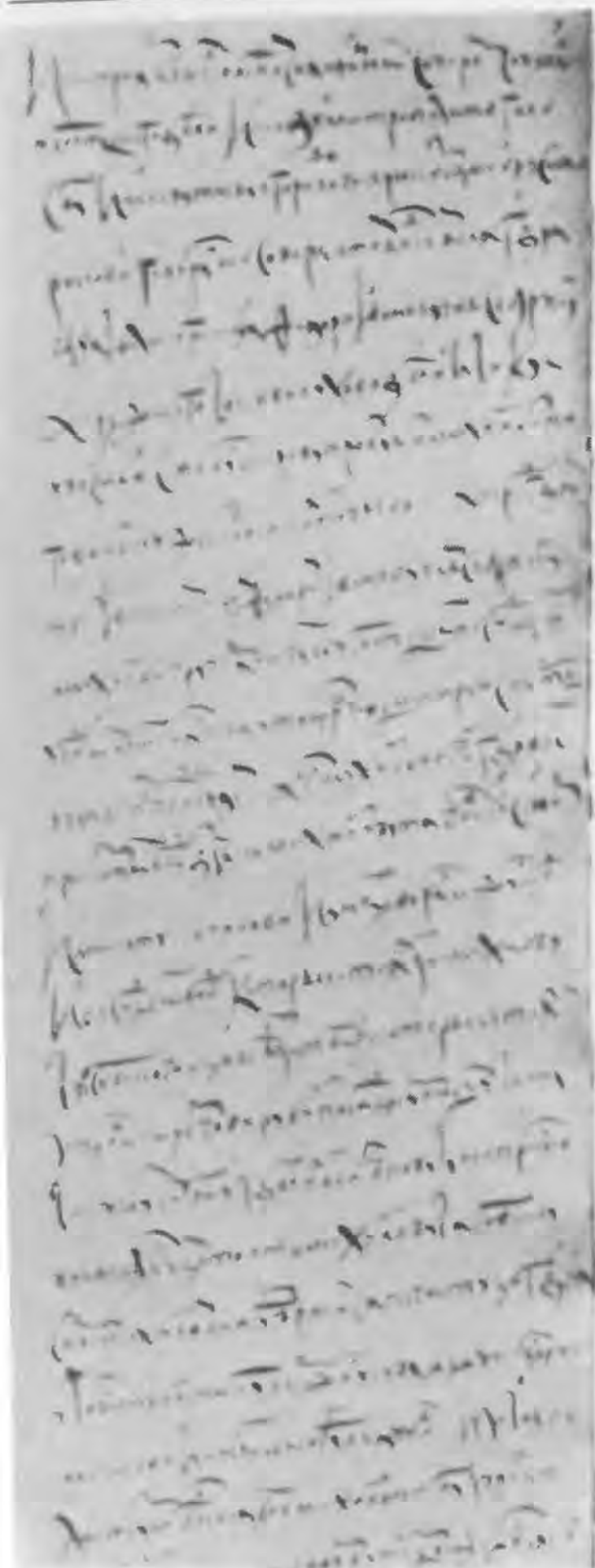
чившееся еще точнее: «...бросило его о землю, и тут царевич сам себя ножом поколол в горло». Остальные очевидцы утверждали, что царевич покололся, «бьучися» или «летячи» на землю¹³. Таким образом, все очевидцы гибели Дмитрия единодушно утверждали, что эпилептик уколол себя в горло, и расходились только в одном: в какой именно момент царевич укололся — при падении или во время конвульсий на земле. Могла ли небольшая рана повлечь за собой гибель ребенка? На шее непосредственно под кожным покровом находятся сонная артерия и яремная вена. При повреждении одного из этих сосудов смертельный исход неизбежен. Проккол яремной вены влечет за собой почти мгновенную смерть, при кровотечении из сонной артерии агония может затянуться.

Среди иностранцев наибольшую осведомленность в обстоятельствах гибели Дмитрия проявили австриец Л. Паули и англичанин Д. Горсей. В 1595 г. Паули писал из Москвы в Вену: «Между тем случилось так, что брат великого князя Дмитрий, которому шел двенадцатый год и резиденция которого находилась в Угличе, погиб (лишился жизни)»¹⁴. Осторожное свидетельство австрийца допускает двойное толкование, хотя и не содержит прямого намека на убийство угличского князя.

Значительно большей определенностью отличается письмо посланника Д. Горсея. Волею случая Горсей оказался в мае 1591 г. неподалеку от Углича. В письме из Ярославля в Лондон от 10 июня 1591 г. Горсей конфиденциально сообщил лорду Бэрли, что девятилетний царевич «был жестоко и изменнически убит: ему пе-

ререзали горло в присутствии его дорогой матери императрицы...»¹⁵. Я. С. Лурье, впервые опубликовавший письмо, считал его важным документом ввиду беспристрастности Горсея в вопросе об угличских событиях. Чтобы оценить информацию Горсея, надо возможно точнее определить ее источник. В мемуарах англичанина есть многозначительный эпизод, касающийся его пребывания в Ярославле. Однажды глухой ночью Горсея разбудил стук в ворота, и при свете луны он увидел подле изгороди хорошо известного ему А. Ф. Нагого. Нагой поведал «другу», что «царевич Дмитрий скончался, в шестом часу дьяки перерезали ему горло, слуга одного из них сознался под пыткой, что они посланы Борисом, царица отравлена и при смерти...», и попросил какого-нибудь снадобья для нее¹⁶. «Записки» Горсея, несомненно, свидетельствуют о том, что его письмо от 10 июня 1591 г. лишь воспроизвело версию Нагих об убийстве Дмитрия.

Несмотря на полноту и ясность свидетельских показаний угличского дела, многие историки выражали сомнения по поводу их достоверности. Два обстоятельства полностью обесценивали «обыск» в их глазах. Через семь лет после смерти Дмитрия корона досталась Годунову. Считая такой исход дела заранее predetermined, историки оказывались в плену ретроспективного подхода и выражали уверенность в том, что устранение последнего отпрыска московской династии расчистило путь к трону Борису Годунову. Правитель помешал следствию выяснить истину. Угличан посредством пыток вынудили дать показания насчет нечаянной смерти законного наследника престола.

Угличское следственное дело 1591 г.,
л. 51. ЦГАДА

В действительности за семь лет до смерти Федора никто не мог предсказать в точности, кому достанется московская корона. Наибольшими правами на трон обладал не Годунов, а двоюродный брат царя Федор Романов. Мир и согласие между правителем и Романовым в период угличского кризиса лучше всего доказывают, что династический вопрос был в то время не слишком злободневным. Царская семья надеялась на рождение наследника, и не без оснований; спустя год Ирина Годунова родила дочь.

Доказывая предвзятость следственного дела, историки ссылаются на жестокое наказание посадских людей — угличан¹⁷. Гонения на угличан подробно описаны в «Сказании Авраамия Палицына», «Сказании о Самозванце» и в других поздних источниках, составленных много десятилетий спустя на основании воспоминаний и слухов. Они могут дать лишь приблизительное представление о последовательности событий. В угличском судном деле, основанном на показаниях очевидцев, нет и намека на аресты или применение пыток комиссией Шуйского. В виде исключения следователи арестовали царицына конюха, что и было оговорено в протоколах допросов. Свидетели обличили конюха в краже вещей убитого Битяговского. Угличан подвергли преследованиям, после того как Шуйский доложил в Москве о результатах расследования причин гибели Дмитрия и власти учинили новое расследование об измене Нагих и поджоге Москвы.

Оппозиция пыталась использовать гибель Дмитрия, чтобы опорочить правителя Бориса Годунова и добиться его отстранения от власти. Едва весть об «убийстве» царевича Дмит-

рия достигла Ярославля, противники Бориса распорядились среди ночи бить в колокола. Поднятым с постели жителям объявили, что сына благоверного царя Ивана предательски резали подосланные убийцы. Поднявшие ночную тревогу люди рассчитывали, что ярославцы последуют примеру угличан, но они ошиблись в своих расчетах. Д. Горсей находился в Ярославле и описал происшествие как очевидец. Он не назвал по имени инициаторов обращения к посадку, но из его рассказа можно заключить, что инициатива исходила от Нагих. Находившийся в ярославской ссылке А. Ф. Нагой первым получил от братьев весть о гибели Дмитрия и тотчас явился к Горсею за снадобьями для своей племянницы Марии Нагой. Затем ударил набат.

Главной ареной борьбы между Годуновым и оппозицией стала Москва. Положение в столице приобрело тревожный, даже критический характер задолго до смерти Дмитрия. На московских улицах со 2 мая появились военные отряды, получившие приказ «беречь город от огня и ото всякого воровства». Охрана порядка в Москве была возложена на знатных дворян князя В. П. Туренина, А. Ф. Головина, князя В. Г. Звенигородского и др.¹⁸ Власти не забыли о недавних народных волнениях, когда им пришлось сидеть в Кремле «в осаде», и со страхом ждали повторения «воровства». Народное недовольство могло вырваться наружу в любой момент.

Тревога по поводу народного возмущения усугублялась внешнеполитическим кризисом. Крым и Швеция угрожали России одновременным нападением с юга и севера. В начале года шведы сконцентрировали свою ар-

Угличское следственное дело 1591 г., л. 52. ЦГАДА

мию на псковских рубежах. Со дня на день ждали нападения на Москву всей Крымской орды¹⁹.

Смерть Дмитрия была выгодна не столько Годунову, сколько его противникам. Они обвинили правителя в преднамеренном убийстве младшего сына Грозного. По всей столице «тайно шептали, что все устроено Годуновыми». Среди знати и простолюдинов толковали об «измене» Годуновых и их стремлении овладеть троном. Царь Федор был испуган: при дворе «опасались смуты и сильного волнения в Москве»²⁰. Восстание могло обернуться для Годуновых катастрофой.

В 20-х числах мая неизвестные лица в трех местах подожгли Москву, в результате чего выгорел весь Белый город²¹. Противники правителя обвинили его и в этом преступлении, чтобы спровоцировать москвичей, оставшихся без крова, на выступление. Слухи, порочившие Годуновых, не только распространились по всей России, но и проникли за рубеж. Тем же летом в Литву были посланы гонцы с официальным заданием опровергнуть подозрения, будто Москву «зажгли Годуновых люди»²².

Власти отдали приказ о повальных арестах подозрительных лиц. В руки следователей попали слуга Нагих Иван Михайлов, некий банщик Левка и другие лица. Банщик сознался, что поджег Москву, после того как получил деньги от Ивана Михайлова. 28 мая правительство предупредило население об опасности новых поджогов в столице и провинциальных городах. Афанасий Нагой, гласила царская грамота, велел своим слугам «накупить многих зажигальников, а зажигати им велел московский посад во многих местах... и по иным по многим

городам Офанасей Нагой разослал людей своих, а велел им зажигальников накупать, города и посады зажигать»²³.

Официозная версия насчет поджога Москвы Нагими не внушала большого доверия современникам. Ее истинность не поддается проверке. Очевидно лишь одно. Пожары накалили обстановку в столице до предела, и каждая из противоборствовавших сторон пыталась направить народное возмущение против соперников. Нагие и прочие противники Годунова провоцировали мятеж, обвиняя Бориса во всех бедах. Правитель возложил ответственность за пожары на Нагих.

Комиссия Шуйского вернулась в Москву в конце мая, в разгар борьбы между правителем и оппозицией. Она тотчас же представила властям отчет о своей деятельности. 2 июня главный дьяк Щелкалов зачитал текст угличского «обыска» высшим духовным чинам, собравшимся в Кремле. Устами патриарха Иова собор одобрил работу комиссии и полностью согласился с выводом о нечаянной смерти царевича. Упомянув мимоходом, что «царевичю Дмитрию смерть учинилась божьим судом», патриарх посвятил свою речь «измене» Нагих, которые вкупе с угличскими мужиками побили «напрасно» государева дьяка Битяговского и других приказных людей, стоявших «за правду». По существу глава церкви санкционировал прямую расправу с Нагими и другими заводчиками угличского бунта. Закрывая собор, он заявил, что мятеж Михаила Нагого и мужиков-угличан — «дело земское, градцкое, в том ведает бог да государь... все в его царской руке»²⁴. На основании патриаршего приговора царь Федор приказал схватить

Нагих и угличан, «которые в деле объявились». Дворянин Ф. А. Жеребцов, служивший до этого приставом у ссыльного А. Ф. Нагого в Ярославле, получил приказ арестовать в Угличе ряд лиц и немедленно доставить их в Москву.

Началось новое расследование «измены» Нагих. Материалы его не сохранились. Но источники позволяют воссоздать в общих чертах ход розыска. Наибольшую осведомленность обнаружил автор «Нового летописца», широко использовавший подлинные документы царского архива. По его словам, события развивались в следующем порядке. Когда Василий Шуйский с товарищами вернулся в Москву и доложил о «самозаклании» Дмитрия, царь вызвал Нагих в Москву и положил на них опалу. Михаила Нагого вкупе с его братом Андреем взяли к пытке. Сам правитель Борис вместе с другими боярами присутствовал на Пыточном дворе. Описанные события имели место в Москве после доклада Шуйского 2 июня. Последующий ход розыска о поджоге Москвы Нагими кратко изложен в официальных заявлениях Посольского приказа. Не позднее середины июля 1591 г. дьяки поручили послам выступить за рубежом со следующим разъяснением насчет московских пожаров: «...то поворовали мужики-воры и Нагих Офонасея з братьею люди, то на Москве

сыскано, да еще тому делу сыскному приговор не учинен». Новые заявления, сделанные за рубежом в 1592 г., гласили, что розыск по делу о пожарах закончен и «приговор им (виновным.— Р. С.) учинен... хто вор своровал, тех и казнили...»²⁵.

Завершив следствие, правительство произвело массовые казни «мужиков»-угличан. На современников они произвели страшное впечатление. А. Палицын утверждал, будто в Угличе погибло до 200 человек. Составитель «Нового летописца» отметил, что одним угличанам вырезали язык, других разослали по темницам или казнили; многих ссыльных увезли в Сибирь и там поселили во вновь построенном городке Пелым, «и оттово-де Углич запустел». Мария Нагая тщетно молила пасынка царя Федора о прощении своих братьев. Власти конфисковали имущество у Нагих, а их самих подвергли тюремному заключению. Духовенство благословило правителя на расправу со вдовой Грозного. Царицу Марию насильственно постригли в монахини и сослали в пустынь на Белоозеро²⁶.

Власти не простили угличанам страха, пережитого ими в майские дни. Разве что страхом можно объяснить такой жест, как «казнь» большого колокола в Угличе: сначала у него вырвали язык и урезали «ухо», а затем отправили в Сибирь.

ВНЕШНЕ- ПОЛИТИЧЕСКИЕ УСПЕХИ

Русское правительство воздерживалось от активных действий в Прибалтике, пока его военные силы были прикованы к восточным и южным границам и существовала опасность совместных действий Речи Посполитой и Швеции.

Шведский король Юхан III, сосредоточив свои войска на русской границе, угрожал России войной. Его сын Сигизмунд III, занявший польский трон, рассчитывал оказать отцу прямую военную помощь. Но ему не удалось преодолеть традиционное польско-шведское соперничество из-за Ливонии. К тому же политика войны не вызвала энтузиазма у польско-литовской шляхты. В результате Речь Посполитая отклонила проекты антирусского вооруженного выступления, и Швеции вскоре пришлось пожинать плоды спровоцированного ею конфликта¹.

Россия немедленно перешла в наступление на Нарву с целью пересмотра итогов проигранной Ливонской войны. При Грозном этот ливонский порт в течение 25 лет служил морскими воротами страны. Последующие девять лет шведского владычества привели нарвскую торговлю в полный упадок. Швеция перерезала главную торговую артерию, связывавшую Россию с Западной Европой по кратчайшим морским дорогам Балтики. Предпринимая наступление на Нарву, московское правительство выдвинуло задачу вернуть захваченные шведами русские земли и возродить «нарвское мореплавание». Русское командование использовало для наступления все имевшиеся в его распоряжении силы. Формально во главе похода стояли Ф. И. Мстиславский и Ф. М. Трубецкой. Фактически возглавил наступление против шведов самый выдающийся из воевод — боярин князь

Д. И. Хворостинин, назначенный вторым воеводой передового полка².

23 января 1590 г. русские войска окружили город Ям. После трехдневной осады местный гарнизон капитулировал. Сдавшиеся в плен шведы получили разрешение вернуться на родину, но часть солдат перешла на царскую службу. 30 января воевода Хворостинин с передовыми силами достиг окрестностей Ивангорода. В районе Нарвы и Ивангорода находился 4-тысячный шведский корпус. Шведы пытались остановить продвижение русских, но Хворостинин умелыми действиями парализовал их усилия. Он атаковал шведов, не дожидаясь подхода главных сил. Сражение продолжалось с 2 часов дня до вечера и закончилось победой русских. Шведы отступили за реку Нарову. Крепость Нарва располагала первоклассными укреплениями, и шведское командование отвело конницу и часть пехоты к Раквере. В крепости осталось около 1600 солдат³.

В ночь с 4 на 5 февраля русские завершили установку батарей и приступили к методичному обстрелу крепости. Превосходство русской артиллерии было несомненным. После двухнедельной бомбардировки в западной и северной стенах образовались большие проломы. На рассвете 19 февраля русская армия предприняла генеральный штурм. Крепостные стены подверглись атаке разом в семи пунктах. Колонна, устремившаяся в главный пролом, насчитывала, по неполным данным, 5230 человек, в том числе 1850 стрельцов, 1 тыс. казаков и других ратных людей, 2380 боярских холопов⁴. Несмотря на громадное численное превосходство, русский осадный корпус после четырех-пяти часов

боя потерял множество людей и был вынужден прекратить штурм⁵. На другой день русская артиллерия возобновила бомбардировку крепостной стены в районе Северных ворот. Пролом был значительно расширен. Воеводы подвели к крепости свежие силы и приготовились к новому штурму⁶. Обороняя крепость, шведы понесли тяжелые потери. Восполнить их они уже не могли. Не надеясь на благоприятный исход борьбы, шведский главнокомандующий К. Горн обратился к царю с предложением мира.

Правитель Борис Годунов сам руководил обстрелом крепости, а затем возглавил мирные переговоры. Однако современники неодобрительно отнеслись к его вмешательству в боевые действия. По словам псковского летописца, Годунов направил весь огонь артиллерии на стены крепости, «а по башням и по отводным боем бити не давал»⁷. В итоге огонь с башен нанес тяжелый урон штурмовым колоннам. Современники беспочвенно подозревали, будто Борис, «норовя» немцам, помешал воеводам занять Нарву. На самом деле распоряжения Годунова объяснялись не его симпатиями к неприятелю, а полным отсутствием боевого опыта. Правитель не покидал дворца, в то время как его сверстники участвовали в сражениях Ливонской войны.

Шведский наместник в Ливонии К. Горн соглашался возвратить России Ивангород, но русские отвергли его предложение. 22 февраля они возобновили обстрел. Последующие дни ушли на переговоры. Между тем зима была на исходе. Поверх льда на Нарове появились талые воды. В такой ситуации Борис Годунов приказал своим представителям на переговорах

Ивангород. XVII в. А. Олеарий. ГПБ

в последний раз «съехатца (со шведами.— Р. С.) и покачати их про Ругодив» (Нарву.— Р. С.), чтобы принять их условия, в случае если шведы откажутся сдать Нарву⁸. По условиям перемирия 1590 г., шведы очистили захваченные ими русские территории с крепостями Ям, Копорье и Ивангород.

Наступление в Ливонии было успешным. Россия вернула себе морское побережье между Наровой и Невой. Однако главная цель кампании — овладение Нарвой и восстановление «нарвского мореплавания» на Балтике — так и не была достигнута.

Шведы не примирились с поражением и потерей захваченных ими крепостей. Правда, без военной поддержки Речи Посполитой они не решались на крупные военные операции против России, но в 1590 г. их отряды совершали набеги на Кольский полуостров и окрестности Ивангорода⁹.

Готовясь к продолжению шведской войны, Россия искала примирения с Речью Посполитой. Еще в конце 1589 г. московское правительство

предприняло попытку возобновить переговоры с поляками, прерванные после избрания королем Сигизмунда III. 10 января 1591 г. польские послы в Москве подписали соглашение о перемирии на 12 лет. Русское правительство обязалось в «перемирные годы» не нарушать границ шведских владений в Прибалтике¹⁰. Король Сигизмунд III попытался аннулировать соглашение, поскольку послы в нескольких пунктах отступили от данных им инструкций. После ряда проволочек 15 декабря 1591 г. договор все же был ратифицирован Речью Посполитой. В условиях резкого ухудшения военного положения России в начале 1591 г., когда над страной нависла угроза одновременного вторжения со стороны Крыма и Швеции, перемирие с Речью Посполитой явилось крупным успехом русской дипломатии.

Заклучив военный союз с Крымом, шведский король Юхан III сосредоточил на русской границе большую армию под командованием К. Флеминга. По шведским данным, она насчитывала 17 882 солдата¹¹.

Крымское ханство и стоявшая за его спиной Османская империя мобилизовали для войны с Россией еще более крупные силы. Целью татарского вторжения стала Москва. В случае успеха татары и турки получили бы возможность значительно расширить сферу экспансии в Восточной Европе. 10 июня 1591 г. сторожевые станицы донесли «с поля» о движении хана Казы-Гирея со всей ордой к русским границам. Крымские перебежчики показали, что с ханом идет к Москве до 100 тыс. всадников. Во вторжении помимо Крымской орды участвовали Малая Ногайская орда (Казыев улус), турецкие отряды из Очакова и Белгорода и янычары. В распоряжении хана находилась также полевая артиллерия с турецкими пушкарями¹².

Татары сожгли незащищенные предместья Тулы и 26 июня вышли на берег Оки. Бояре с полками заблаговременно выступили на Оку, оставив в Москве небольшой гарнизон. Командование предполагало остановить татарское вторжение на переправах через Оку. Но царь Федор и его окружение проявляли беспокойство по поводу возможного прорыва подвижной татарской конницы и выхода ее в тыл русской армии. Следуя указу из Москвы, главнокомандующий князь Ф. И. Мстиславский 28 июня отдал приказ об отходе армии на Пахру, чтобы надежнее прикрыть ближние подступы к столице.

На другой день из Москвы на помощь Мстиславскому выступил Борис Годунов. В его подчинении находились «государев двор», наспех собранные подкрепления и вся артиллерия. Татар ждали со стороны Серпухова и Калуги. Поэтому Борис расположил свой укрепленный обоз — «гуляй-го-

род» в Замоскворечье, между Серпуховской и Калужской дорогами, за пределами посада. 1 июля Мстиславский провел смотр своих полков на лугах под селом Коломенским. На другой день он получил приказ перейти к Котлам, поближе к годуновскому обозу. 3 июля для наблюдения за движением татар воеводы выслали на Пахру отряд в 200 человек. Спустя два часа дозорный воевода прискакал к обозу весь израненный и сообщил о переходе татар через Пахру. Мстиславский спешно оставил Котлы и отошел к Данилову монастырю, куда прибыл также и Годунов со всем обозом и артиллерией¹³. В третьем часу дня 4 июля хан Казы-Гирей занял Котлы. Воеводы выслали по Серпуховской дороге навстречу татарам конные дворянские сотни. Ожесточенные стычки продолжались до глубокого вечера. Крымцы потеснили конные сотни и подошли вплотную к «гуляй-городу».

«Государев Разряд 1598 г.» утверждал, будто крымский хан «приступал» к русскому «гуляй-городу» «со всеми людьми». Бояре и воеводы, «сшедчися полки», с ханом и «с царевичи» бились весь день, с утра и до вечера, и «у крымского царя, у Казы-Гирея, многих людей побии»¹⁴. Пространная редакция Разрядных книг описывает события иначе: сам крымский хан не выступал к «гуляй-городу», а направил «царевичев со многими крымскими людьми травиться против Даниловского монастыря». Бояре и воеводы выслали из «гуляй-города» конные сотни и «велели им с крымскими людьми травиться». Стычки («травля») у «гуляй-города» были не более чем пробой сил. Недоброжелательный по отношению к Годунову автор «Нового летописца» записал, что «люди...

государевы бияхусь с ним (ханом.— Р. С.) из обозу и не можаху их одолети, они же, погании, топтаху московских людей и до обозу». Однако более осторожные свидетели отмечали, что «крымские люди к обозу прилазили, и, бог сохранил, бой был равно...»¹⁵.

Пространная редакция категорически утверждала, что под стенами Данилова монастыря генерального сражения не произошло: «А сами государевы бояре и воеводы по государеву наказу стояли в обозе готовы, а из обозу в то время вон не выходили для того, что ждали самого крымского царя с его полками, хотели к нему тогда выттить из обозу на премое дело. И царь крымской... на премое дело не пошел и полков своих не объявил, а стоял на Котле в оврагах в крепостях»¹⁶.

Списки Пространной редакции, по-видимому, сохранили записи Разрядного приказа в их первоначальном виде, тогда как «Государев разряд 1598 г.» подвергся правке в канцелярии царя Бориса, имевшей целью возвеличить боевые заслуги Бориса-правителя.

Получив решительный отпор, Казы-Гирей не посмел атаковать русских главными силами. С приближением ночи он отвел свои отряды к Коломенскому и расположил их на лугах по обе стороны Москвы-реки. Сам хан разбил свой стан за Москвой-рекой. Проведя ночь под Коломенским, Крымская орда под утро, за час до рассвета, поспешно отступила в степи. Причины бегства татар получили неодинаковое объяснение в русских источниках.

В царском приказе по армии честь победы над ханом приписывалась ре-

шительным действиям командования. Годунов и воеводы побили крымских людей и вынудили их отойти за Коломенское, а хан, «слыша звук полков наших, побежал, что вышли на него со всеми людми»¹⁷. Приказ, известный по Разрядным книгам Пространной редакции, не был включен в краткий «Государев разряд 1598 г.», но нельзя не заметить, что текст разряда был переработан в полном соответствии с версией приказа. Государев разряд подробно описывал, как воеводы «тое ночи пошли из обозу со всеми людми и с нарядом на крымского царя, на Казы-Гирея, на его станы... и на походе блиско крымского царя полков учали из наряду стрелять»¹⁸.

Воеводы обороняли «гуляй-город» весь день, и вряд ли у них появились основания покинуть укрепления с наступлением ночи. Управлять полками и перевозить артиллерию в темноте было практически невозможно. Но все же почему татары бежали из своего лагеря «с великим страхованьем и ужасьем»?

Обратимся к показаниям участников события. Дьяк Иван Тимофеев служил в момент татарского вторжения в Пушкарском приказе в Москве. По его словам, отступление татар было вызвано не ночной атакой Годунова, а сильной артиллерийской канонадой, которая вспугнула крымцев среди ночи. Согласно «Новому летописцу», русские открыли огонь после того, как в полках произошел «всполох великий». Пискаревский летописец подтверждает, что ночная тревога в царском лагере была нечаянной. Разбуженные по тревоге пушкарки, опасаясь ночного нападения, бросились к орудиям. Началась

«стрельба многая отвсюду и осветиша города все от пушек»¹⁹. Первыми открыли огонь пушкар «гуляй-города», вслед за ними ударили тяжелые пушки, установленные на крепостных стенах. По словам патриарха Иова, и днем, и «в ночь со всех стен градных из великих огнедыхающих пушек непрестанно стреляху и изо всех обителей, иже близ царствующего града Москвы, также непрестанно стреляюще...». Перед отступлением хан узрел «великие каменоградные стены», «паче же слышав великий тресковенный гром... иже бысть... от великого... пушечного стреляния»²⁰. Один летописец XVII в. добавляет к этой картине любопытную деталь. Оказывается, воеводы из-за возникшей тревоги «в ночи послали на царевы станы в Коломенское Василя Янова 1000 человек, и царь, послыша приход, пошел назад...»²¹.

Артиллерийская канонада и приближение отряда, численность которого в темноте нельзя было определить, вызвали смятение в татарском стане. В памяти крымцев жили воспоминания о жуткой для них сечи на Молодах. В страхе перед внезапным ночным нападением татары «бежаху и друг друга топтаху». Прекратить панику и остановить бегство слабо дисциплинированных нерегулярных отрядов хану не удалось²².

Для преследования противника воеводы выделили несколько дворянских сотен. Они настигли не успевшие отойти за Оку татарские арьергарды и разгромили их наголову. По различным сведениям, в руки победителей попало от 200 до 1 тыс. пленных²³. Много крымцев было перебито либо потонуло на переправе. Из Оки русские извлекли возок, на котором

Казы-Гирей бежал от Москвы. Немало награбленной рухляди татары побросали по дороге. Отряд запорожских и донских казаков настиг крымские «коши» и разгромил их²⁴. Русские послы сообщали из Крыма: после похода «прибежал калга скорым делом», а вслед за ним в Бахчисарай «пришел царь из войны... в ночи в телеге, а сказывают про царя, что он ранен»²⁵. Казы-Гирей не участвовал в бою под Даниловым монастырем и руку себе повредил скорее всего в ночной суматохе.

Борис Годунов постарался приписать себе всю славу победы над татарами. Столица и двор чествовали правителя как героя. На пиру в Кремле царь Федор снял с себя золотую «гривну» (цепь) и надел на шею шурина. Среди прочих наград Годунов получил золотой сосуд, захваченный в ставке Мамаея после Куликовской битвы, шубу с царского плеча, новые почетные титулы и земельные владения²⁶.

Поражение Крымской орды под стенами Москвы резко изменило военную ситуацию и обрекло на неудачу шведское вторжение. Армия фельдмаршала Флеминга разграбила окрестности Пскова, а затем отступила в шведские пределы. В конце 1591 г. на границах Финляндии русское командование сосредоточило значительные силы. 30 января 1592 г. царские полки подступили к Выборгу. Выступивший навстречу им фельдмаршал Флеминг был вынужден укрыться в крепости. Воеводы «втоптали» шведов в город и двинулись в глубь Финляндии. Поход продолжался две недели²⁷. «Легкие воеводы» достигли окрестностей Корелы и сожгли ее посад, после чего ушли к Новгороду.

Поход в Финляндию носил характер военной демонстрации. Свои главные силы Россия по-прежнему держала на южных границах. Стремясь усыпить бдительность русских, хан Казы-Гирей прислал в Москву гонцов с предложением о переговорах. Доверившись мирным заверениям хана, Боярская дума решила послать в Крым послов для заключения мира и не позаботилась о сосредоточении на Оке сил, достаточных для отражения татарского нашествия. Воспользовавшись оплошностью русских, крымские царевичи в 20-х числах мая 1592 г. «безвестно» напали на тульские, каширские и рязанские земли и произвели там страшные опустошения²⁸. В дальнейшем в связи с участием в австро-турецкой войне Крым прекратил набеги на русские земли. 14 ноября 1593 г. в Ливнах был подписан договор о мире и дружбе с Крымом. Текст договора включал пункт о союзе против «недругов», обращенный острием против Речи Посполитой²⁹. Казы-Гирей потребовал уплаты поминок и «запроса» в 30 тыс. руб., но московское правительство выслало лишь половину запрошенной суммы. 14 апреля 1594 г. хан ратифицировал мирный договор с Россией³⁰.

Лишившись союзника в лице Крыма, Швеция отказалась от активных военных действий против России. В 1592 г. после смерти Юхана III шведское правительство предложило начать мирные переговоры. Несмотря на обострение польско-шведских противоречий в Ливонии, личная уния между Швецией и Речью Посполитой сохраняла силу, что создавало потенциальную угрозу возрождения мощной антирусской коалиции в Прибал-

тике. Подобная перспектива побудила Россию искать пути к мирному урегулированию отношений со шведами. В начале мая 1595 г. русские послы подписали в Тязвино договор о «вечном мире» со Швецией. Швеция отказалась от притязаний на русские земли, захваченные ею в конце Ливонской войны, и обязалась вернуть город Корелу с уездом. Таким образом, русское государство добилось пересмотра итогов неудачной войны и вернуло все утраченные западные земли. Швеция пошла на весьма важную дипломатическую уступку России, обязавшись соблюдать нейтралитет в случае русско-польской войны. Со своей стороны Россия отказалась от притязаний на Нарву и другие крепости и порты в Ливонии. Шведские представители настояли на включении в текст договора пункта, подтверждавшего принцип морской блокады Ивангорода. Тем самым Швеция сохранила контроль за внешней торговлей России на Балтике. Планы превращения Ивангорода в морские ворота страны потерпели неудачу. Хотя русские располагали естественными выходами в Балтийское море через устье Невы и Наровы, но, пока на Балтике господствовал шведский флот, они не могли основать здесь собственные морские гавани.

Московская дипломатия пошла на уступки Швеции из-за неверной оценки ситуации, сложившейся в Восточной Прибалтике. Уния между Швецией и Речью Посполитой оказалась менее прочной, чем полагали в Москве. Острое соперничество из-за Ливонии практически исключило возможность совместного выступления против России. Когда русское правительство убедилось в своей ошибке, оно отказа-

Казань. XVII в. А. Оlearий. ГПБ

лось ратифицировать Тявзинский договор³¹.

Достигнув мира на северных рубежах, русское правительство приступило к укреплению западных границ. Задолго до истечения срока перемирия с Речью Посполитой русские начали возводить мощную каменную крепость в Смоленске, на путях возможного вторжения с запада. Смоленскую крепость строили ремесленники из всех крупнейших городов страны. В период сооружения крепости власти запретили каменное строительство по всей стране³².

На юге усилия московской дипломатии были направлены на подчинение вольных казачьих окраин. Ликвидация Казанского и Астраханского ханств, строительство русских крепостей на Тереке, разгром Крымской орды у стен Москвы в 1572 г. созда-

ли благоприятные условия для возникновения вольных казачьих поселений в глубинах так называемого Дикого поля. Следуя по речным долинам, поросшим лесом, казаки селились на Нижней Волге, в бассейне Дона и Северского Донца, на Яике, Иргизе и Тереке. Их станицы отстояли от пограничных засечных черт на сотни верст. Потеснив степняков, донские казаки основали свой городок на Нижнем Дону, на некотором расстоянии от Азова, главного опорного пункта турок в Восточном Причерноморье.

Московское правительство внимательно следило за продвижением вольных казаков на юг, надеясь со временем использовать их силы для борьбы с татарами. В 1584 г. русские дипломаты, направлявшиеся в Турцию, получили задание собрать подробные сведения о «низовых» казаках «от

Азова до Раздору»: «хто имянем атаман и сколько с которым атаманом казаков»³³. Успехи вольной казацкой колонизации побудили русское правительство возобновить наступление в глубь степей, приостановленное вследствие неудач в годы Ливонской войны. В 1585—1586 гг. царские воеводы выстроили крепость Воронеж на одноименной реке, близ ее впадения в Дон, и крепость Ливны на перекрестке двух важных татарских шляхов — Муравского и Кальмиусского³⁴. В результате государственная оборонительная линия передвинулась к югу и возникла угроза подчинения вольной казачьей окраины со стороны крепостнического государства.

Вольное казачество на стадии своего становления пользовалось известной поддержкой центральной власти. Колонизируя степные пространства, казаки вели постоянную «малую войну» с кочевыми ордами, далеко превосходившими их своей численностью. Они никогда бы не выстояли в этой борьбе, если бы за ними не было России. Русское командование ежегодно нанимало казаков на службу в полки. Тысячи казаков участвовали в крупнейших походах Казанской и Ливонской войн. Непрерывные столкновения с татарами мешали вольным казакам обзаводиться пашней. Хлеб к ним привозили из центра России. Сами же казаки промышляли рыбной ловлей и охотой. Промыслы не обеспечивали устойчивых средств к существованию, и казаки не могли прожить без государевой службы. Военная добыча служила им дополнительной статьей дохода.

Москва исподволь поддерживала «малую войну» вольных казаков. Но как только возникали дипломатиче-

ские затруднения, царские дипломаты неизменно заявляли, что «воровские» казаки не являются подданными царя. Их заявления нельзя принимать за чистую монету. Правдой в них было лишь то, что центральная власть не могла полностью подчинить себе вольные казачьи окраины.

Раздор между центром и окраиной резко усилился после того, как власти уничтожили Юрьев день и закрепощенные крестьяне, спасаясь от феодального гнета, стали искать прибежища на необжитых южных окраинах, «в казаках». Беглые крестьяне несли с собой дух протеста. Крепостническая политика Годунова привела к тому, что появились признаки недовольства среди волжских и донских казаков.

Поначалу центром кристаллизации вольного казачества были степные пространства к северу от Астрахани. Но волжские казаки основали свои поселения слишком близко от государевых крепостей. Их городки на Волге не просуществовали и десятилетия³⁵. В 1588 г. власти подвергли жестокому наказанию волжских казаков, напавших на персидских послов на Волге. По словам русских дипломатов, казни подверглось будто бы свыше 400 человек. «Воровской» атаман был живьем посажен на кол. Как бы ни была преувеличена приведенная выше цифра, факт остается фактом. После «разгрома» казаков правительство приняло энергичные меры к установлению контроля над землями волжских казаков.

Близ «переволоки» с Волги на Дон оно основало в 1588 г. крепость Царицын и поместило там большой гарнизон³⁶. Многие волжские казаки были вынуждены покинуть наси-

женные места и переселиться на Яик, Дон и Терек.

Провал татарского нашествия на Москву в 1591 г. упрочил положение вольного казачества на Дону. Татары и турки, будучи не в силах изгнать казаков из Донского бассейна, пустили в ход дипломатические средства. В 1592 г. хан заявил русскому послу протест по поводу того, что царь поставил «новых четыре города: близко Азова, на Манычи да в Черкасской и в Раздорах — и из тех городков казаки, приходя к Азову, тесноту чинят»³⁷. В действительности казачьи городки на Дону были основаны без царского повеления. Пользуясь военным ослаблением России, вольные казаки отказывались подчиняться распоряжениям русского правительства. В 1592 г. московские власти направили в Раздоры дворянина Петра Хрущева в качестве головы казачьего войска. Однако донцы не приняли царского воеводу и заявили: «...прежде сего мы служили государю, а голов у нас не бывало... и ныне-де рады государю служить своими головами, а не с Петром». Отказ вызвал раздражение в Москве, и в 1593 г. казакам пригрозили, что царь пошлет на них «Доном большую свою рать и поставить велит город на Раздорах»³⁸. Но эта угроза не была осуществлена.

Не добившись подчинения донских городков, московские власти в широких масштабах возобновили строительство крепостей на ближних подступах к степным рубежам. В течение двух лет были выстроены Елец (1592 г.), Белгород, Оскол и Валуйки (1593 г.). Крепость Белгород имела наибольшее военное значение как ключ ко всему Донецкому бассейну. Воль-

ная казачья колонизация подготовила присоединение плодородных южных степей к России. Чтобы обеспечить оборону края от татар, власти верстали колонистов в государственную службу, селили во вновь построенных крепостях, обязывали пахать государствену десятинную пашню.

В 1599 г. у впадения Оскола в Северский Донец, в самом сердце Донецкого бассейна, воеводы основали крепость Царев-Борисов. «Этот город,— писал Д. И. Багалея,— так далеко выдвинулся в степь, что нам теперь трудно понять мотивы, которыми руководствовался при постройке его царь Борис»³⁹. В самом деле, ни одна степная крепость не строилась на таком удалении от укрепленных рубежей. Около 300 верст отделяли ее от Воронежа, 150 верст — от Белгорода. Тем не менее мотивы этого рискованного предприятия можно понять. Из Царева-Борисова открывались кратчайшие пути к Раздорам и другим казачьим городкам на Дону. Пробив коридор на южный Дон, русское правительство рассчитывало разъединить орды, кочевавшие к востоку от Донца и в Северном Причерноморье, и тем самым предотвратить новые опустошительные вторжения татар в Подмосковье. Стремясь привлечь вольных казаков на службу в Царева-Борисове, Годунов «пожаловал» их Донцом и Осколом и позволил «по своим юртом жить и угоды всякими владеть безданно и безоброшно»⁴⁰. Несмотря на широковещательные заверения правительства, казаки прекрасно понимали, что их вольностям приходит конец⁴¹. Брожение среди донского казачества усилилось.

В конце XVI в. Россия раздвинула свои пределы как на юге, так и на

Продвижение отряда Ермака по сибирским рекам. С. Ремезов. БАН

Шапка Казанская. XVI в. Оружейная палата

Кадило 1598 г. Оружейная палата

Потир Ирины Годуновой. 1598 г. Оружейная палата

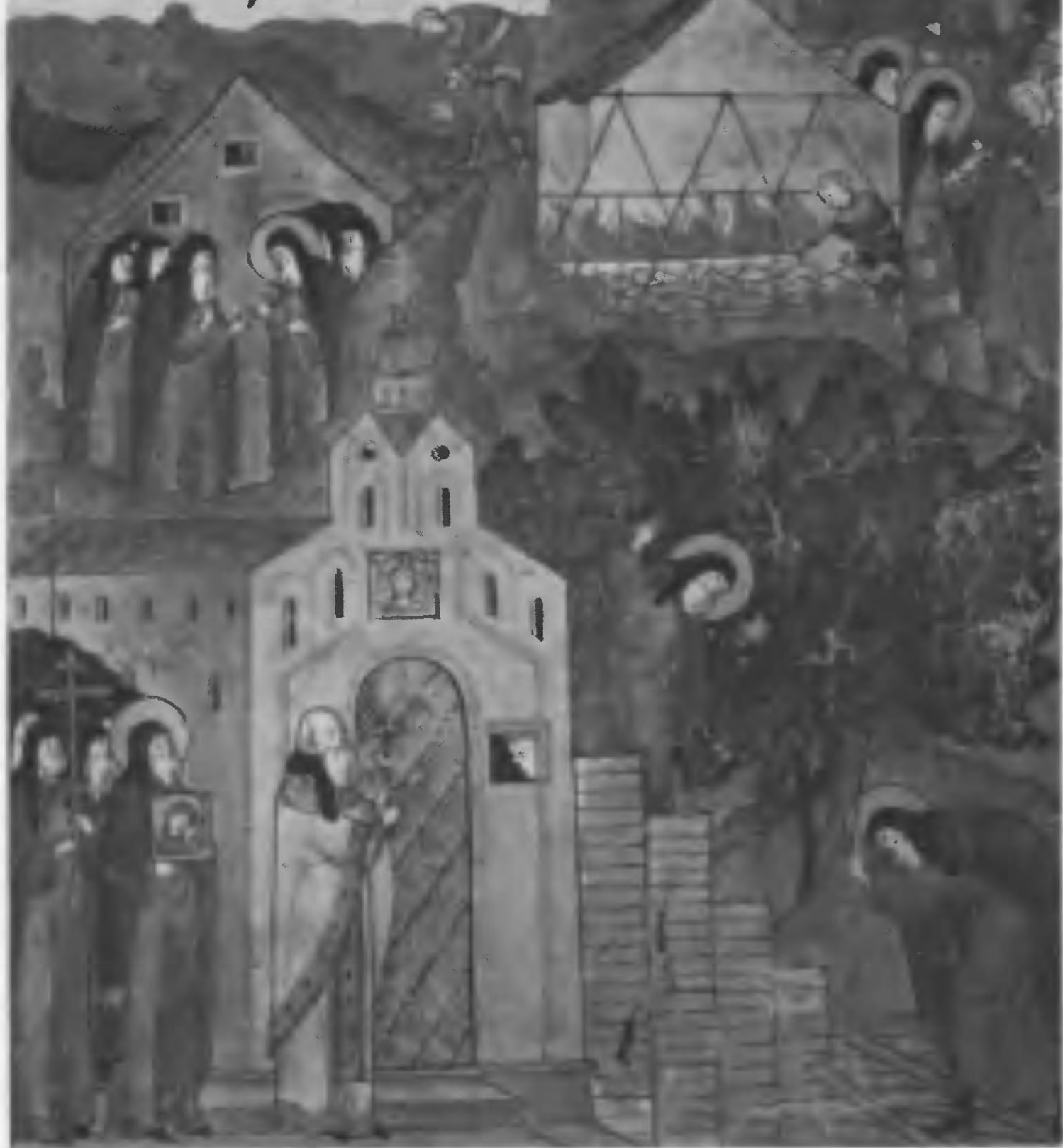
І багрянца дѣло пестрацаго ꙗко за по
іть дагѣм ѿсею :

ѣтъ пориша дѣскоу глаголюю . на рокиста
о глаголючисты . и по писаніи еписмента

Златокузнецы и писцы за работой. Лицевой летописный свод. XVI в. ГИМ

ОБЪЗВРАТИШАСЯ НЕТО И НОП
ВШЕ ПОУТЬ

Солеварение. Житие Зосимы и Савватия ГИМ

данъбыдѣи кои тогда и исторѣи оуиша,
и не разоумѣи сперва. ꙗкогѣи стѣхъ пишѣи се

Нѣшайно племеницы, ии збодоша
Нѣмоуоочи. ꙗко дошай погазоу, нокоша

← Варка пива. Лицевой летописный свод. XVI в. ГИМ

Помол зерна на ручном жернове в правом углу миниатюры,
изображающей пленение и ослепление Василия II

Лицевой летописный свод. XVI в. ГИМ

Работа лопатой, мотыгой. Житие Зосимы и Савватия. XVI в. ГИМ

Плавание Ермака по сибирским рекам. С. Ремезов. БАН

Сибирские племена. С. Ремезов. БАН

Сбор дани в Сибири. С. Ремезов. БАН

востоке. За Уральским хребтом русские утвердился не сразу. Ни Ермаку, ни посланным ему на помощь воеводам не удалось закрепиться в столице Сибирского ханства. Лишь при Борисе Годунове Москва смогла прочно утвердиться в Сибири⁴².

Соперник Кучума Сеид-хан, воспользовавшись победами Ермака, захватил власть в Сибирском ханстве и продержался в Искере до 1587 г. Воевода Д. Чулков выстроил неподалеку от Искера укрепленный острог Тобольск⁴³. Сеид-хан вскоре был пленен, а столица ханства окончательно запустела. Кучум пытался продолжать борьбу, но потерпел поражение и бе-

жал в Барабинские степи. Чтобы прочно обосноваться в Сибири, русские выстроили в бассейне Оби и Иртыша множество укрепленных острожков. В глухих таежных местах возникли городки Березов, Обдорск, Сургут, Нарым, Тара. Летом 1598 г. становившаяся Кучума подверглись окончательному разгрому. Воеводы, быстро продвинувшись в глубь Барабинских степей, внезапно напали на ханскую ставку. Согласно официальным заявлениям русского правительства, воеводы пленили множество мурз и побили до 10 тыс. татар⁴⁴. Сибирское ханство перестало существовать и угрожать русским владениям.

КАБАЛА И БАРЩИНА

Значительную часть населения в новгородском поместье составляли помещичьи «люди», обрабатывавшие барскую пашню и служившие при барском дворе. Их связывали с феодалами различные формы зависимости. Личные архивы новгородских помещиков XVI в. не сохранились до наших дней, но их следы можно обнаружить в записных и кабальных книгах по Новгороду за 90-е годы XVI в. В связи с обязательной регистрацией «крепостей» на холопов и кабальных людей, проведенной властями в конце XVI в., новгородские помещики представили в съезжую избу все имевшиеся в их распоряжении документы, удостоверявшие их право на «людей», включая духовные, деловые и холопьи грамоты, служилые кабалы. Помещики, чьи предки водворились на новгородских землях при Иване III, регистрировали все свои «крепости», накопившиеся в их личных архивах в течение века. Тщательное сопоставление документов помещичьих архивов, отразившихся в поздних записных книгах, с последовательными описаниями земельных владений тех же помещиков в писцовых книгах позволяет реконструировать историю «двора» ряда новгородских феодалов с большой степенью точности и полноты.

Дворяне Новокрещеновы владели новгородским поместьем с конца XV до начала XVII в. Ранние документы из их «архива» восходят к 70—80-м годам XV в., поздние — к 90-м годам XVI в. Сохранились описания их поместий в писцовых и «отдельных» книгах. Все это позволяет проследить состав помещичьего «двора» на протяжении века. В 1472—1473 гг. Федор Новокрещенов составил духовную грамоту, на основании которой его наследники поделили дворню: «По приказу и по духовной мужа своего,

Федора Новокшенного, Огрофена Федорова, жена Новокшенова, да Федоровы дети Новокшенова по приказу отца своего, Федора, Олексей, да Иван, да Яков, да Григорий, да Борис поделили со своей матерью, с Огрофеною, людьми отца своего Федоровыми холопи и робаи». Старший сын Федора, Иван Новокрещенов, получил поместье в Водской пятине и в 80—90-х годах XV в. осел на земле: выстроил себе «большой двор» в сельце Холуи и завел барскую пашню — около 48 десятин в трех полях. Старая дворня — несколько унаследованных от отца холопов и «роб» — не удовлетворяла помещика, и он набрал себе новую. В 1501 г. ему продался Д. Якушев: «...а взял на себе у него 2 рубля, а за те деньги дался в село Холуи на ключ, а по ключу в холопи». На протяжении трех десятилетий помещик сделал следующие приобретения: за 3 руб. купил «в полницу» Ф. Савелова, за 5 руб. — И. Андреева с женой, за 2 руб. — К. Бугарова, за 2 руб. — И. Савелова, за 2½ руб. — «робу» Арину с дочерью, за 3 руб. — А. Мануйлова, за 1½ руб. — «робу» Мавру, за 1 руб. — двух детей новгородца, Федотку и Обросимка, за 3 руб. — К. Лутьянова, за 2 руб. — второго ключника и, наконец, за 2 руб. — Б. Васюкова¹. На протяжении 1488—1511 гг. помещик истратил на покупку холопов 16,5 новгородских рублей.

Сын и наследник помещика, А. И. Новокрещенов, продолжил дело отца. В 1554 г. он купил «в полницу» двух братьев, дав за них 3 руб., в 1567 г. приобрел себе в сельце Холуи нового ключника Давидко, который «по докладной в холопи...

продался и 2 рубли на себе денег взял»².

Сын Афанасия Воин Новокрещенов не получил от отца сельцо Холуи и вынужден был самостоятельно устраивать свою судьбу. После разрухи 70-х годов помещичья семья растеряла почти всю старую дворню. По старинным полным грамотам, у В. А. Новокрещенова жило всего четыре человека: один холоп и три «жонки-робы». Новая дворня, набранная помещиком в 80—90-х годах, состояла исключительно из кабальных людей. Вот перечень приобретений В. Новокрещенова: в 1585 г. — 1 кабальный (7 руб.); в 1588 г. — 1 кабальный с женой (?); в 1589 г. — 1 кабальный с сыном (5 руб.), 1 кабальный (5 руб.), 1 кабальный с женой (5 руб.); в 1591 г. — 1 кабальный с женой (5 руб.), 1 кабальный (5 руб.); в 1593 г. — 1 кабальный с детьми (15 руб.), 1 кабальный с женой (6 руб.), 1 кабальный с женой (7 руб.), 1 кабальный с женой (6 руб.), 1 кабальный с семьей (8 руб.), 1 кабальный (5 руб.)³.

В течение восьми лет В. Новокрещенов затратил на кабальных номинально более 79 руб., т. е. сумму весьма значительную по тем временам. Приобретение «людей» было обусловлено потребностями как хозяйства, так и службы.

Анализ своего рода «каталогов» феодальных документов обнаруживает любопытный факт: помещичьи архивы сравнительно хорошо сохранили холопьи грамоты конца XV — 30-х годов XVI в. Казалось бы, по мере приближения к концу XVI в., т. е. ко времени составления записных книг, число «полных» грамот должно возрасти. На самом деле помещичьи

архивы сохранили лишь единичные экземпляры «полных» грамот, относящихся к середине XVI в., а от более позднего времени их вовсе нет. Обратная картина наблюдается в отношении кабал. Среди помещичьих «людей» кабальные встречались уже в начале XVI в. Но в записные книги попали единичные кабалы, составленные ранее 50-х годов XVI в. В книгах имеется значительное число кабальных грамот, датированных 60-ми годами, в последующее десятилетие их количество продолжает увеличиваться. Эти наблюдения свидетельствуют, что в новгородском поместье второй половины XVI в. кабала интенсивно вытесняла холопские формы зависимости⁴.

Полное холопство существовало со времен Киевской Руси. На протяжении шести веков оно составляло главный ствол рабства. Поэтому замена полного холопства кабалой стала крупным явлением экономической истории XVI в. Причиной падения полного холопства, вероятно, была его малая экономическая эффективность. Этот факт получил отражение в русской публицистике уже в середине XVI в. С осуждением «рабства», и прежде всего полного холопства, выступали И. С. Пересветов, Сильвестр, рязанский епископ Касьян и некоторые другие писатели⁵. Замена полного холопства кабалой была ускорена такими факторами, как широкое развитие ростовщичества и кризис 70—80-х годов XVI в. «Великое разорение» подвергло подлинному экзамену эффективность различных форм труда. Тот факт, что исходный рубеж кризиса по времени совпадает с началом быстрого роста служилой кабалы, по-видимому, не случаен. Эко-

Крестьянская курная изба (1615—1616 гг.)
А. Гетерис. ГПБ

номическая катастрофа расчистила почву для кабалы, а позже и для крестьянской барщины.

На первых порах по сравнению с полным холопством кабальная служба представляла несколько смягченную форму эксплуатации. Кабальный сознавал свою зависимость как временную: уплата долга могла вернуть ему свободу. Однако по мере развития кабальных форм зависимости и их превращения в постоянный экономический институт участились случаи передачи кабальных людей по наследству, их перепродажи и т. п. Помещики эксплуатировали кабальных в тех же экономических условиях, что и полных холопов, что неизбежно вело к нивелировке этих двух основных категорий помещичьих «людей».

Исследование категории помещичьих «людей» по новгородским писцовым книгам привело автора к выводу о том, что наибольшее распространение получили два типа взаимоотношений помещиков и их «людей» независимо от различий юридической формы (старинные, полные, приданные холопы, кабальные люди и пр.). Олицетворением первого типа

был слуга на «служнем» наделе, олицетворением второго — стражник на барской запашке.

Во второй половине XVI в. основную массу кабального люда помещики эксплуатировали на барской пашне. Кабальных «деловых» людей чаще всего держали в людских избах на месячине в непосредственной близости от господского поля, в «усадище». Значительно реже «деловых» людей сажали в отдельные дворы на пашенный надел. Трудовая прослойка кабального люда постоянно пополнялась за счет разоренных крестьян, посадских людей и т. д. Кроме того, существовал привилегированный слой кабальных людей, которые несли службу в боярских свитах и помещичьих дворах в качестве боевых слуг. В соответствии с Уложением о службе дворяне с поместьем свыше 100 четвертей должны были выступать в поход «конно, людно и оружно». Как правило, бояре выступали в поход в сопровождении многих десятков таких слуг. В поместье военные слуги пользовались особым положением: им нередко выделяли отдельные дворы и «служную» пашню, которую они, по точному выражению писцовых книг, пахали «на себя». Этот слой кабальных людей нередко пополнялся за счет оскудевших служилых людей, покинувших свои запустевшие поместья и государеву службу.

Кабальная служба просуществовала как массовое явление по крайней мере 20—30 лет, прежде чем приказной аппарат приступил к разработке правовой основы нового института. Значительное влияние на законодательство о кабальных холопах оказали социальные движения 80—90-х годов, непосредственное участие в кото-

рых принимали кабальные и прочие холопы. В мае 1586 г. в Москве произошли крупные волнения, а спустя один-два месяца власти спешно обнародовали первое развернутое законодательное постановление о кабальных людях. Уложение 1586 г. ввело процедуру неукоснительной регистрации сделок на кабальных людей. Приказ Холопного суда в Москве и провинциальная администрация должны были впредь записывать кабальные сделки в особые книги с обязательным представлением копий в московский Казенный приказ⁶. Эта мера носила двойственный характер. Регистрация кабальных сделок, с одной стороны, укрепляла владельческие права феодала на кабальных людей, а с другой — вводила некоторые гарантии против злоупотреблений, угрожавших закабляемым людям. Обязательным условием кабальной сделки стало присутствие лица, взявшего на себя кабалу. Если выяснялось, что кабала взята принудительно, сделка объявлялась недействительной. Уложение 1586 г. получило непосредственное отражение в документации Разрядного приказа. В Разрядных книгах появилась запись о том, что с 1 июля 1586 г. «начели кабалы имат на служивые люди и в книги записывают»⁷. Разрядная запись не оставляет сомнения в том, какую прослойку имели в виду правительственные распоряжения, отданные на другой день после волнений. Власти старались успокоить оскудевшую служилую мелкоту, легко попадавшую в сети кабальной неволи.

Правительству удалось справиться с городскими движениями, но выступления низов не прекратились. В 1595—1596 гг. власти впервые направили в провинцию войска для по-

давления движения «разбоев». Год спустя правительство опубликовало развернутое Уложение о холопах. Скорее всего новое законодательство санкционировало сложившуюся практику. По служилой кабале должник отрабатывал во дворе господина не долг, а лишь проценты на сумму долга. Поэтому он не располагал реальной возможностью освободиться от кабальной зависимости путем выплаты долга. Уложение 1597 г. устранило формальную возможность освобождения кабального путем выплаты долга, обязав его «служить» владельцу кабалы до смерти последнего. Эта санкция воплотила в себе крепостнический дух законодательства конца XVI в. Она сблизила кабальную форму зависимости с холопской.

Но кабальный все же не был холопом в полном смысле слова. Его связывала с господином личная зависимость, которая прекращалась со смертью господина. В силу Уложения 1597 г. держатель кабалы не мог передать кабального своим наследникам вместе с прочим имуществом. Его власть не распространялась также и на детей кабального. И в этом случае власти лишь санкционировали практику освобождения холопов по смерти господина, сложившуюся в XIV—начале XVI в.⁸ Эта практика ускорила падение полного холопства, но не предотвратила стремительного развития служилой кабалы. Очевидно, сам по себе обычай роспуска дворни не имел решающего значения перед лицом более важных экономических факторов. Если помещики к концу XVI в. решительно отказались от эксплуатации на пашне труда холопов-страдников и заменили их «деловыми» кабальными людьми, то отсю-

да с неизбежностью следует, что такая замена обеспечивала им определенные экономические выгоды. Те же причины определили обращение помещиков к эксплуатации барщинного труда крестьян⁹.

Анализ новгородских писцовых книг показывает, что лишь в самых ранних описях московские писцы отмечали барщинные повинности крестьян на барских сенокосах и очень редко — на барской пашне. Во второй половине XVI в. программа описания была значительно упрощена, и писцы перестали фиксировать какие бы то ни было данные о барщине¹⁰. В результате в писцовых книгах образовался пробел, восполнить который помогает многочисленная родственная документация, а именно поместные «отдельные», ввозные, послушные грамоты, постановления Судебников и т. п.

Правовое положение крестьян к концу XV—XVI в. наиболее подробно определялось Судебником 1497 г. (ст. 57) и Судебником 1550 г. (ст. 88). И. И. Смирнов назвал статью 88 Судебника 1550 г. «комментированной» статьей первого Судебника. Дополнения и поправки, внесенные в Судебник 1550 г., имели, по его мнению, характер комментариев к «крестьянской» статье Судебника 1497 г. «Что касается вопроса о крестьянах, — пишет И. И. Смирнов, — то следует констатировать, что Судебник 1550 г. занимает здесь консервативную позицию... При всей исключительной важности этой статьи, по существу, она не дает почти ничего нового по сравнению со ст. 57 Судебника 1497 г.»¹¹. С таким мнением трудно согласиться, поскольку в ст. 88 есть новелла, в которой впервые регламентирова-

лась крестьянская барщинная повинность в связи с детализацией норм выхода крестьян в Юрьев день. Приведем целиком эту имеющую принципиальное значение новеллу ст. 88 Судебника 1550 г.: «А останется у которого крестьянина хлеб в земли, и как тот хлеб пожнет, и он с того хлеба или с стоячего даст боран да два алтына. А по кои места была его рожь в земли, и он подать цареву и великого князя платит со ржи; а боярского ему дела, за кем жил, не делати»¹². Освобождение от барщинных повинностей в пользу старого землевладельца было связано с тем, что крестьянин должен был делать «боярское дело» на нового господина, на земли которого он перешел.

Факт появления в общерусском законодательстве указания на барщину, или «боярское дело», нельзя считать случайным. Очевидно, это симптом экономических перемен, связанных с развитием отработочных форм ренты в середине XVI в. Судные дела 60-х годов XVI в., составленные в Новгороде на основании норм Судебника 1550 г., подтверждают этот вывод.

Помещик Плещеев в 1555 г. пожаловался в суд на помещика Русина Головачева: «Продал-деи ему тот Русин... с трех обож доход хлебной и денежной и дело на 8 лет, а взяли-деи у него 30 рублив московских денег наперед, да того-деи ему доходу и дела с трех обож не дадут, а денег ему 30 рублив не отдадут же». Итак, вместе с оброками Плещеев купил у Головачева право на использование отработок крестьян. В том же году помещики Бровцын и Воронин били челом на помещика Зезевитова, обвинив его в свозе крестьян не «по сро-

ку», без «отказу» и беспошлинно. Судьи распорядились вернуть крестьян и велели им «за Иваном Бровцыным да за Ворониным жити по нашему Уложению по Судебнику до срока, и на помещика дела делати и доход давати»¹³. Приведенные примеры показывают, что «дело» (барщина) становится реальной повинностью новгородских крестьян в середине XVI в.

Очень важно установить как можно точнее содержание термина «дело». Поскольку он употреблен в Судебнике и судных делах 50-х годов XVI в. применительно к крестьянам, то, следовательно, этим понятием обозначались в первую очередь земледельческие работы — косьба, пахота, молотьба и пр. Существовало выражение «делать землю». С 70-х годов XVI в. новгородские помещики повсеместно стали взимать особую плату «за дело» («за пашню», «за страду»). Очевидно, они могли ввести новый побор, неизвестный ранее, лишь после того, как барщина на пашне («дело», «страда», «пашня») получила более или менее широкое распространение. Среди поместной документации, дополняющей писцовые книги, исключительное значение имеют так называемые отдельные и послушные грамоты, определявшие взаимоотношения помещика с крестьянским населением поместья. Уже самые ранние «отдельные» грамоты на поместье (начала XVI в.) утверждали право помещика как на заведение барской запашки, так и на увеличение оброка: «А что ис тех обож Семен (помещик.— Р. С.) возмет себе или своим людем обож на пашню... а что прибавит на крестьян своего доходу, и он в том волен...»¹⁴ Эта формула получила даль-

нейшее развитие в «отдельных» грамотах 60—70-х годов XVI в. В них

КРАТКАЯ ФОРМУЛА

Чтобы крестьяне «пашню их (помещиков.— Р. С.) пахали и оброк им платили».

Итак, полная формула послушной грамоты недвусмысленно говорит о том, что крестьянин был обязан пахать помещичью пашню, где помещик «собе учинит»¹⁵. Изменения в формуляре «послушных» грамот отразили сдвиг, связанный с развитием барской запашки и появлением барщины.

Новые исследования по экономической истории Новгорода заставляют отказаться от вывода о том, что широкое развитие барщины привело к падению холопского труда в новгородском поместье. Однако было бы ошибкой отрицать барщину как значительное экономическое явление в истории новгородского поместья второй половины XVI в. Если в первой половине XVI в. новгородские помещики обрабатывали свою пашню почти исключительно холопским трудом, то к концу века наряду с холопами и кабальными людьми они широко эксплуатировали также труд барщинных крестьян. В конце XVI в. развитие барщины достигло такого уровня, когда значительные участки и наделы обрабатывались исключительно трудом барщинных крестьян. В Бежецкой пятине чисто барщинным способом обрабатывалась уже седьмая часть помещичьей пашни¹⁶. На прочей пашне помещики эксплуатировали

обязательства крестьян определялись двояким образом:

ПОЛНАЯ ФОРМУЛА

Чтобы крестьяне «пашню его (помещика.— Р. С.) пахали, где собе учинит, и оброк платили, чем вас (крестьян.— Р. С.) изоброчит».

как холопский труд, так и «комбинированный труд» — холопов и барщинных крестьян.

При оценке барщины не следует исходить из предположения, будто она могла развиваться преимущественно в рамках крупного хозяйства, товарное производство которого расширялось под воздействием внутреннего и отчасти внешнего рынка. В новгородских писцовых книгах конца XVI в. обрисовываются контуры совсем иного типа барщинного поместья — это мелкое помещичье хозяйство, сохранившее замкнутый натуральный характер и начавшее применять крестьянскую барщину на господской пашне. Конечно, при изучении новгородского поместья нельзя не учитывать общие особенности аграрного развития северо-западной окраины России. В силу особых природных условий и исторических традиций барщинная система даже в более поздний период никогда не получала здесь такого развития, как в черноземной полосе.

Зарождение барщины и формирование крепостничества в XVI в. были двумя сторонами единого процесса развития барщинно-крепостнической системы в рамках феодальной формации.

ПРАВЯЩИЙ КРУГ

Оппозиция была разгромлена, удельное княжество в Угличе ликвидировано. Острый политический кризис остался позади. Светской власти удалось преодолеть раздор с церковным руководством. Воспользовавшись визитом в Москву константинопольского (царьградского) патриарха Иеремии, правительство в 1589 г. учредило московское патриаршество. Патриарший престол занял Иов, один из самых рьяных сторонников Бориса. Для Годунова эта акция стала крупным политическим успехом. Покончив с оппозицией, Борис использовал благоприятную ситуацию, чтобы окончательно забрать в свои руки все нити управления. Он наводнил Боярскую думу своими родственниками и приверженцами.

Одно из первых мест в думе занял бывший опричник Д. И. Годунов. Боярство получили троюродные братья Бориса — Степан, Григорий и Иван, начинавшие свою карьеру в качестве рядовых новгородских помещиков¹. В чине окольничего в думе стал заседать Я. М. Годунов. За Годуновыми потянулись в думу их однокоренцы — «великие» Сабуровы и вовсе худародные Вельяминовы. Боярский чин был возвращен Б. Ю. Сабурову, долгие годы находившемуся в казанской ссылке. С титулом окольничего в думу вошли И. И. Сабуров (к 1585 г.), С. Ф. Сабуров (в 1591 г.), Д. И. Обиняков-Вельяминов (к 1593 г.)². В ведение семьи Годуновых перешли некоторые важнейшие приказные ведомства: Б. Ф. Годунов возглавил Конюшенный приказ, Г. В. Годунов — Большой дворец.

Положение Годунова в качестве правителя государства подкреплялось громадным личным состоянием. Вместе с должностью конюшего Борис получил от казны крупные земельные

и денежные пожалования. Несколько позже царь Федор пожаловал шурину в кормление («в путь») Важскую землю. В конце XVI в. русское Поморье относилось к числу самых процветающих областей России. Этим и объяснялся выбор Годунова. Уже в феврале 1585 г. в Важской земле распоряжался слуга Б. Годунова М. Косов. По словам Горсея, Важская земля перешла в наследственное владение Бориса и его семьи. Помимо земельной ренты Годунов получал разнообразные доходы с Твери, Рязани, Торжка, с московских бань и т. д. Сказочные богатства правителя ослепили современников. Согласно сведениям, опубликованным Горсеем в 1589 г., ежегодные доходы Годуновых составляли 175 тыс. руб., они могли выставить в поле 100 тыс. вооруженных воинов. Более осторожный и трезвый наблюдатель Джильс Флетчер исчислял доход правителя в 100 тыс. руб.³ Как бы ни были преувеличены эти сведения, остается непреложным факт, что всего за несколько лет Борис, обладавший посредственным состоянием, превратился в неслыханно богатого человека.

Свой успех Борис Годунов старался закрепить с помощью множества титулов. В феодальном обществе титулы весьма точно отражали положение того или иного лица в системе феодальной иерархии. Титулатура Бориса Годунова воспроизвела всю историю его восхождения к власти.

В Российском государстве дворяне незнатного происхождения не могли претендовать на высокие чины и звания. Бояре открыто противились притязаниям Бориса. Чтобы преодолеть аристократические препоны, Годунов решил добиться признания сна-

чала за рубежом, а потом на родине. Жившие в Москве иноземцы помогли правителю осуществить его замыслы. Горсей постарался внушить английскому двору мысль о необыкновенном могуществе Годунова. Так, он ознакомил Елизавету с частными письмами Бориса, лично ему адресованными. В вольном переводе услужливого англичанина титул Годунова звучал следующим образом: «От Бориса Федоровича, волей божьею правителя знаменитой державы всея России», «от наместника всея России и царств Казанского и Астраханского, главного советника (канцлера)». Накануне решительного столкновения с Испанией Елизавета была заинтересована в союзе с Россией, поэтому ее ответ правителю мог удовлетворить самое пылкое честолюбие. Королева назвала Бориса «пресветлым княже и любимым кузеном»⁴.

В Вене тайная дипломатия принесла Борису не меньший успех, чем в Лондоне. Доверенный эмиссар Лука Паули помог ему вступить в личную переписку с Габсбургами и подсказал австрийцам титулатуру правителя. Братья императора адресовали свои письма «навышнему тайному думному всея Русские земли, навышнему моршалку тому светлейшему (!), нашему оприченному любительному Борису Федоровичу Годунову». Годунов постарался узаконить свои личные переговоры с австрийским двором и придать им официальное значение. Прибывший в Москву австрийский посол Н. Варкоч в апреле 1589 г. получил приглашение посетить его дворец. Церемония приема как две капли воды походила на царскую аудиенцию. Во дворе, от ворот до крыльца, стояла стража, в зале собрались

дворяне Бориса «в платье золотном и в чепях золотных». Послы Н. Варкоч и Л. Паули целовали руку Борису и вручили ему послания императора⁵.

После аудиенции Годунов запросил царя и думу, следует ли ему ответить на обращение австрийцев. Боярская дума подтвердила принятое годом ранее решение, санкционировавшее право Годунова на самостоятельные сношения с окрестными государствами. 7 августа 1588 г. царь Федор приговорил «с бояры», что Б. Ф. Годунову в Крым «грамоты писати пригоже, то его царскому имени к чести и к прибавлению»⁶. Приговоры 1588 и 1589 гг. установили круг «великих государей», с которым мог поддерживать переписку Борис. В числе их значились «цесарь и шпанский король» (австрийские и испанские Габсбурги), английская королева Елизавета, персидский шах, бухарский эмир и крымский хан. «Против их грамот,— гласил приговор,— от ко-

нюшего и боярина Бориса Федоровича Годунова — писати грамоты в Посольском приказе», и все его «ссылки» с теми великими государями заносить в посольские книги с государевыми грамотами⁷. Примечательно, что Борису не дозволялось вести личную переписку лишь со Швецией и Речью Посполитой, стоявшими в то время на пороге войны с Россией.

Решение Боярской думы по поводу внешнеполитических сношений Бориса подтверждало его значение в качестве фактического главы правительства.

Борис давно добивался титула «высшего содержателя всего царства» — соправителя царя. Но его претензии, по-видимому, не встречали сочувствия в стенах Посольского приказа, где по поводу титула Бориса шла скрытая борьба. В 1591 г. в приказ поступили две грамоты к Годунову от Н. Варкоча. Титул Годунова был переведен следующим образом:

ГРАМОТА ОТ ДЕКАБРЯ 1590 г.

«Пресветлову и многомужному милостивому пану Борису Федоровичу», великого государя «шурина и навышнему справце всех великих государств»⁸.

Первый перевод, судя по особенностям стиля, вероятнее всего, принадлежал толмачу-поляку. Обычно при ведении австрийских дел Посольский приказ прибегал к услугам бывшего шляхтича Я. Заборовского, который, как известно, пользовался доверием и покровительством Годунова¹⁰. Если Заборовский точно перевел титул, сочиненный Н. Варкочем, то переводчики А. Я. Щелкалова, искажив текст Варкоча, отнесли титул

ГРАМОТА ОТ МАРТА 1591 г.

«Тому пресветлову и высокородному государю, Борису Федоровичу Годунову, вельможнейшего государя... шурина и навышнему здержателю и наместнику царств Казанского и Астраханского»⁹.

«содержателя» не ко всему царству, а лишь к Казани и Астрахани.

Как бы ни величали Бориса иноземные государи, Посольский приказ строго, без малейших отклонений придерживался его официального титула¹¹. Изгнание из Боярской думы открытых противников Годунова и крупные внешнеполитические успехи изменили ситуацию. По случаю поражения татар под стенами Москвы в 1591 г. Борис был возведен в ранг

царского слуги. Царские дипломаты за рубежом так разъясняли значение этого титула: «То имя честнее всех бояр, а дается то имя от государя за многие службы». Со времени Ивана III только три лица удостоились этого титула: князь С. И. Рязанский и двое удельных князей Воротынских. Согласно заявлению Посольского приказа, Борис получил титул слуги «за многие его службы и землестроения и за летошний царев (ханский.— Р. С.) приход»¹².

Хотя Борису удалось объединить два высших боярских чина — конюшего и царского слуги, знать по-прежнему не считала его равней себе. Во время татарского нашествия в 1591 г. царь адресовал указы в армию боярам Ф. И. Мстиславскому и Б. Ф. Годунову с товарищами. Но главные воеводы заявили протест против предоставления правителю такого местнического преимущества. Они настаивали на том, чтобы донесения царю шли от имени Мстиславского «с товарищи», без упоминания имени Бориса, «глухо»¹³. За подобную строптивость Федор наложил на бояр словесную опалу. На большее он был неспособен. Претензии Годуновых не нашли поддержки даже у ближайших их соратников по дворовой службе — князей Трубецких, которые сами не могли претендовать на первые места. Боярин Ф. М. Трубецкой заместничал с Годуновыми в период войны со шведами в 1592 г., за что после возвращения в Москву был посажен под домашний арест¹⁴.

Отставка А. Я. Щелкалова окончательно упрочила единоличную власть Бориса Годунова. Никто не мог более противиться его домогательствам. Новый «печатник»

В. Я. Щелкалов в феврале 1595 г., во время аудиенции в Кремле в честь персидских послов, обнародовал окончательный титул Бориса: «По милосердию бог ему, государю (царю Федору.— Р. С.), дал такова ж дородна и разумна шюрина и правителя, слугу и конюшего боярина, и дворового воеводу, и содержателя великих государств царства Казанского и Астраханского Бориса Федоровича»¹⁵.

Титул правителя не имел прецедента в русской истории. Никто до Бориса не смел назвать себя правителем при московских «самодержцах». Даже знаменитый Адашев, пользовавшийся громадным влиянием при молодом Грозном, не помышлял о нем. Смысл громких и звучных титулов Годунова был понятен всем: хотя он объявил себя соправителем царя, но Федор Иванович был у него в полном послушании.

Писатели, пережившие трагедию «смутного времени», были склонны идеализировать последнего законного самодержца. Они придавали Федору, по меткому замечанию В. О. Ключевского, привычный и любимый облик: «...в их глазах он был блаженным на престоле»¹⁶. По словам одного московского автора, Федор «благоуродив баше от чрева матери своя и ни о чем попечения не имея... токмо о душевном спасении помышляя...»¹⁷. Некоторые восторженные апологеты царя Федора даже наделяли его пророческим даром, хотя и не очень явным и незаметным для неосведомленных людей: «...яко и пророческа дара часть, аще и не зело явленне, чо довлении сведят»¹⁸. В действительности Федор, будучи слабоумным, не мог быть пророком.

Царь Федор Иванович мало чем походил на своего царственного отца. По словам современников, близко наблюдавших последнего государя из династии Калиты, Федор отличался болезненностью, слабым телосложением, нетвердой походкой. В 30 лет он производил впечатление человека недеятельного и тяжелого. Нос у него ястребиный, голос тихий и противный, на лице, поражавшем своей бледностью, постоянно бродила улыбка. Царь «прост и слабоумен,— отмечал английский посол,— но весьма любезен и хорош в обращении, тих, милостив, мало способен к делам политическим и до крайности суеверен»¹⁹. Еще резче об умственных способностях Федора отзывался папский нунций А. Поссевино, который говорил, что его умственное ничтожество граничило с идиотизмом, почти с безумием. «Простоту» царя Федора отмечали и русские источники. «Сей же благ и препрост и милостив»,— писал новгородский летописец. Из иностранцев наиболее осторожным в оценках был Я. Маржарет, но и по его словам, Федор был весьма недалекого ума, нередко сам трезвонил на колокольне и большую часть времени проводил в церкви²⁰.

Федор плохо подходил для роли наследника грозного царя. Даже исполнение внешних ритуалов и участие в придворных церемониях давались ему с трудом. Однажды на официальном приеме английского посла Федор стал креститься и громко заплакал. (Ему передали отзыв посла о его персоне: «Не царем бы ему быть, а монахом»²¹.)

Ничтожество Федора едва не погубило дело, начатое его предшественниками. Разрушение сильной го-

сударственной власти казалось неминуемым. Но разгром боярской оппозиции и сосредоточение власти в руках Годунова затормозили начавшийся было процесс и привели к возрождению централизаторских тенденций. Итогом была знаменательная перемена в официальном титуле царя. В письмах и устно царь Иван охотно именовал себя самодержцем, но только при его преемнике царский титул приобрел свой законченный вид: «царь и великий князь Федор Иванович, всея Руси самодержец»²². Усвоение нового титула было в наименьшей мере связано с личными достижениями царя Федора. Как раз наоборот. Глава монархии получил титул, указывавший на его неограниченную власть, в то самое время, когда могущественный правитель окончательно лишил его возможности оказывать влияние на дела управления. Однако изменение в царском титуле явилось симптомом серьезных перемен в политической ситуации. Полоса исторического развития, связанная с аристократической реакцией, осталась позади. Формирование самодержавной формы правления завершилось.

Труды и заботы управления тяготили Федора, и он искал спасения в религии. Каждый день он подолгу молился, простаивал у обедни, раз в неделю ездил на богомолье в ближние монастыри²³. «Тело же убо свое повсегда удручаше церковными пении, и дневными правилами, и всенощными бденими, и воздержанием, и постом...»²⁴— писали московские современники о Федоре. Но наряду с благочестием Федор унаследовал от отца и пристрастие к диким забавам и кровавым потехам. Более всего при-

влекали Федора медвежьими бои. Вооруженный рогатиной охотник отбивался, как мог, от дикого медведя в круге, обнесенном стеной, из которого некуда было бежать. Потеха нередко заканчивалась трагически для «гладиатора»²⁵.

Борис Годунов был полной противоположностью царю Федору. Он, бесспорно, обладал качествами выдающегося политического деятеля. Современники единодушно отмечали его острый и живой ум. Наделенный от природы хорошими способностями, Борис, по-видимому, был одним из лучших ораторов своего времени. Дневник датских послов, посетивших Москву в 1602 г., сохранил удивительные образцы его красноречия. Но у современников сложилось впечатление, будто он был человеком необразованным и даже неграмотным. Так, Джером Горсей, многие годы пользовавшийся дружбой правителя, утверждал, что Борис склонен к чернокнижию, не учен, но быстрого ума, от природы красноречив и имеет звучный голос. Члены датского посольства в Москве в 1602 г. отмечали, что царские письма к герцогу писал под диктовку отца царевич Федор, «ибо сам царь не умел ни читать, ни писать». Их свидетельство подкрепляется заверениями дьяка Ивана Тимофеева, будто Борис смолоду и до конца дней своих не проходил стези буквенного учения «и, чудо, яко первый таков царь не книгочей нам бысть»²⁶.

Современники, однако, ошибались. Вопреки их уверениям, Борис был, несомненно, грамотным человеком. Сохранились собственноручные подписи Бориса на данных грамотах Ипатьевскому монастырю 7084 г.

(«Яз Борис... руку приложил») и 25 марта 7080 г. («Яз Борис село Присково с деревнями в Ыпацькой монастырь дал и руку приложил»)²⁷. После восшествия на престол Борис не подписывал грамот и предпочитал диктовать сыну свои письма не по причине безграмотности, а из уважения к древней московской традиции, в силу которой православные государи никогда не «рукоприкладствовали» наравне со своими подданными — холопами.

Отзывы современников о Борисе в первую очередь определялись их собственными симпатиями и антипатиями. Князь И. А. Хворостинин, сохранивший к нему тайную симпатию, упоминал о необразованности Бориса, но с похвалой отзывался о его природных дарованиях: «...аще и не научен сий писаниам и вещем книжным, но природное свойство целостно имея». Значительно строже судил о Годунове Авраамий Палицын, поплатившийся за участие в антигодуновской оппозиции заточением в монастырь. Подобно дьяку Ивану Тимофееву, он обвинил Бориса в незнании священного писания. Этим незнанием, по его мнению, объяснялись неблагоприятные дела правителя Российского государства: «Но аще и разумен бысть Борис в царских правлениях, но писания божественнаго не навик и того ради в братолюбии блажен бываше»²⁸.

Источники сохранили крайне противоречивые отзывы о личности и деяниях Годунова. Опираясь на них, В. О. Ключевский заключил, что Борис, несмотря на все свои таланты и добродетели, не внушал доверия современникам и они постоянно подозревали его в двуличии, бессерде-

чии и бессовестности²⁹. Про Бориса толковали, будто он отравил царя Ивана, убил царевича Дмитрия и царевну Федосью Федоровну, умертвил царя Федора и свою сестру царицу Ирину, сжил со свету жениха дочери; его подручные якобы подожгли Москву, а потом навели на столицу татар и т. д. На совести Годунова было несколько тайных казней. Его причастность к смерти прославленного воеводы И. П. Шуйского более чем вероятна. Но большинство обвинений против него носило фантастический характер. Факт остается фактом: воспитанник опричнины, Борис никогда не делал упор на политику открытого насилия.

Претензии Годунова на обладание короной возникли вопреки легендам сравнительно поздно. Переговоры относительно возможного брака Ирины Годуновой с одним из австрийских Габсбургов подтверждают это мнение.

Династические переговоры с венским двором получили новое направление с того момента, как в 1592 г. в царской семье родилась дочь царевны Федосья Федоровна. У правителя были свои виды насчет племянницы. Федосье едва исполнился год, а дядя уже хлопотал о ее будущем браке. В 1593 г. канцлер Щелкалов в доверительной беседе с австрийским послом Н. Варкочем передал австрийскому императору необычную просьбу. Согласно отчету посла, дьяк и некоторые другие советники царя Федора изъявили желание пригласить в Москву одного из австрийских принцев не старше четырнадцати — восемнадцати лет, с тем чтобы обучить его языку, обычаям и нравам страны, имея в виду престолонасле-

дие. Новый династический проект преследовал цель обеспечить трон царевне Федосье. По московским обычаям, женщина не могла царствовать самостоятельно. Именно поэтому правитель и намеревался выписать из Австрии отпрыска Габсбургского дома в качестве жениха для Федосьи.

Династические переговоры с австрийцами имели важный внешнеполитический аспект. Они должны были облегчить заключение союза с Австрией, которому московская дипломатия отводила важное место в своих планах.

В нарушение ритуала посольской службы Щелкалов посетил посла Варкоча на его подворье и беседовал с ним с глазу на глаз добрых два часа. Со слезами на глазах он убеждал посла, что является искренним союзником Австрии, и клялся, что будет верно служить императору. Канцлер неоднократно подчеркивал, что выполняет поручение Годунова, но в то же время старался создать впечатление, будто главным творцом австрийского проекта является он сам. Как бы мимоходом Щелкалов заметил: «Наши великие государи на благо христианского мира начали возделывать вместе пашню; Борис Федорович, ты и я — страдники и сеятели. Ежели мы усердно будем возделывать землю, бог нам поможет, чтобы быстро возшло и произрастало то, что мы посеяли. А мы, работники, сообща пожнем с божьей помощью плоды здесь, на земле, и там — в другой жизни»³⁰. Называя Бориса «страдником» и ровней себе и малознатному послу, А. Я. Щелкалов невольно обнаружил свое истинное отношение к притязаниям

соправителя на обладание высшей властью.

Проект передачи московского трона царевне Федосье и одному из габсбургских принцев был одинаково приемлемым и для Годунова, и для Щелкалова. Первый рассчитывал играть при дворе племянницы такую же роль, как и при дворе сестры. Второй полагал, что австрийский царь не сможет управлять незнакомой страной без его помощи. Но Федосья оказалась нежизнеспособным ребенком и умерла в двухлетнем возрасте³¹. С ее кончиной рухнул проект династического компромисса, и Борис поспешил отделаться от слишком влиятельного дьяка.

С. Ф. Платонов полагал, что карьеру Щелкалова погубило участие в прогабсбургской интриге, скомпрометировавшее его в глазах Бориса³². Но такое предположение неосновательно. В тайных переговорах с австрийцами Щелкалов выступал не против Годунова, а заодно с ним. Конфликт между Борисом и Щелкаловым нарастал исподволь, в течение многих лет, но до поры до времени правитель не мог обойтись без услуг главы приказной иерархии.

Современники характеризовали канцлера Щелкалова как человека, превосходившего разумом других москвитов и отличавшегося к тому же пронырством и лукавством. Дьяк обладал удивительной работоспособностью. Не зная покоя ни днем ни ночью, он работал как мул. В первые годы правления Борис был не прочь польстить Щелкалову и говаривал, что ему прилично было бы служить самому Александру Македонскому, но и весь мир был бы для него слишком мал³³. Щелкалов обладал боль-

шим опытом в делах управления и не знал себе равных в искусстве политических интриг. Писатель «смутного времени» дьяк Иван Тимофеев считал Щелкалова наставником Бориса, научившим его «одолевать благородных»³⁴. В самом деле, поддержка Щелкалова сыграла исключительную роль в момент столкновения Годунова с регентами. Не удивительно, что в первые годы совместного правления Борис заискивал перед худародным канцлером и даже называл его отцом. Для «родословного» дворянина, каким был Годунов, большего унижения трудно было придумать.

Время отставки «великого» дьяка можно определить довольно точно. В апреле 1594 г., во время приема крымского гонца, он в последний раз исполнял обязанности главы Посольского приказа. 30 июля того же года очередной гонец вручил грамоты его брату, Василию Щелкалову³⁵.

Обстоятельства отставки А. Я. Щелкалова в точности неизвестны. Джером Горсей утверждал, что «дьявольской и ненавистной жизни дьяка был положен самый несчастный конец»³⁶. Что скрывалось за эпитафией раздраженного человека — смертельного врага Щелкалова, трудно сказать.

Дьяк Иван Тимофеев, многие годы служивший в подчинении у Щелкалова, знал больше Горсея. Но он составил свои записки на склоне лет и многое забыл. Судьба младшего из братьев Щелкаловых явно заслонила в его глазах судьбу старшего. Когда Борис достиг царства, повествует Тимофеев, «клятву же преступив двобратном (Щелкаловым.— Р. С.) и, кроме убийства (т. е. не убивал их.— Р. С.), зло сотворити возможе... обо-

их, яко же зверь некий обратився навспясть, зубы своими угрызну, многолетно бесчестным... житием живот их продолжив, изнури и отнятием имения лишив»³⁷. Из рассказа Тимофеева следует, что отставка А. Я. Щелкалова сопровождалась опалой и конфискацией имущества. Против версии об опале А. Я. Щелкалова как будто свидетельствует тот факт, что его место в думе и в приказах занял В. Я. Щелкалов, его родной брат, который к июню 1597 г. получил думный чин печатника³⁸. Впрочем, надо учитывать, что в правление Бориса опалы, как правило, носили персональный характер³⁹. После отставки Андрей Щелкалов прожил еще несколько лет. В 7105 (1596—1597) г. он отказал в Боголюбов монастырь село Сурвоцкое: «А к отписи в Андреево место Щелкалова отец его духовный Пречистые Введенския, что за торгом, поп Федор руку приложил»⁴⁰.

С падением А. Я. Щелкалова власть в государстве сосредоточилась в руках правителя Бориса Годунова.

Смерть царевны Федосьи расколола правящий кружок, к которому помимо Годуновых и Щелкаловых принадлежали еще и Романовы. Родня царя Федора — Годуновы и Романовы, объединившись вокруг трона, преодолели династический кризис, сопутствовавший утверждению у власти недееспособного сына Грозного. Старший из сыновей Никиты Романовича, Федор, сделал блестящую карьеру еще в то время, когда «завещательный союз» между опекуном Н. Р. Юрьевым и Б. Ф. Годуновым сохранял силу.

Двоюродного брата царя, Ф. Н. Романова, знали в Москве как кра-

савца и щеголя, человека обходительного и любезного⁴¹. Смолоду Федор Никитич любил псовую охоту. Близко знавшие боярина люди утверждали, что ему был не чужд интерес к западной культуре и европейским новшествам. Принятый в доме боярина англичанин Д. Горсей составил для него славянскими буквами и латинскими словами и фразами род грамматики, которая доставляла ему большое удовольствие⁴².

В соответствии с традицией высший думный чин могли получить лишь люди почтенного возраста. Поскольку Ф. Н. Романов попал в думу, будучи молодым человеком, он не сразу вошел в число начальных бояр думы. В списке двора царя Федора 1588—1589 гг. имя Ф. Н. Романова значится одиннадцатым. В то время он уступал «местами» Мстиславскому, Трубецким, Годуновым и Скопину-Шуйскому⁴³. Однако в самом конце 1589 г., во время похода на Нарву, Ф. Н. Романов получил высокий пост второго дворового воеводы⁴⁴. Спустя три года в дипломатических документах Ф. Н. Романов уже фигурировал как один из главных руководителей ближней думы. В 1593 г. грамоты к польской Раде подписали трое ближних бояр — Ф. И. Мстиславский, Б. Ф. Годунов и Ф. Н. Романов⁴⁵.

Союз Годуновых с Никитичами сохранялся, по-видимому, до смерти царевны Федосьи в 1594 г. Местнические дела, служившие своего рода барометром политических бурь, очень точно зафиксировали момент, когда влияние Никитичей резко пошло на убыль.

Когда 28 марта 1596 г. Разрядный приказ назначил Ф. Н. Романова вторым воеводой полка правой руки,

со всех сторон посыпались местнические возражения. Первым отказался служить с ним Петр Шереметев, дальний родственник Романовых. Но он слишком поспешил. 13 апреля царь Федор велел заковать Петра Шереметева в колодки, вывезти в телеге за посад и послать на службу. Позже челобитчика посадили в тюрьму за дерзость. Но наказание Шереметева не произвело впечатления на других воевод — князей В. К. Черкасского и Ф. А. Ноготкова-Оболенского. Не обладая ни думными чинами, ни заслугами, они наперебой стремились потягаться с двоюродным братом царя. На приеме во дворце князь Ф. А. Ноготков дерзко заявил, что «мочно ему быть больши боярина Федора Никитича, дяди Данила да отца ево Никиты Романовичей Юрьевых». Даже у кроткого царя Федора челобитье Ноготкова вызвало раздражение: «...Данила и Никита были матери нашей братья, мне дяди; и дядь моих... давно не стало; и ты чево дядь моих, Данила и Микиту, мертвых бесчестишь?» Челобитчик попал в московскую тюрьму «на пять ден». Отсидев в тюрьме, Ноготков выехал на службу. Но назначение Ф. Н. Романова, несмотря на заступничество самого царя, было отменено. «...Потому что,— значилось в книгах Разрядного приказа,— государь то по Разрядам сыскал, что князю Федору Ноготкову не доведетца менши быть боярина Федора Микитича Романова»⁴⁶.

Поражение Романовых было очевидным. Разрядный приказ получил предписание составить новую роспись, по которой воевода Ф. А. Ноготков был повышен несколькими рангами (второй воевода сторожево-

го полка стал вторым воеводой полка левой руки), а место второго воеводы полка правой руки Ф. Н. Романов уступил С. В. Годунову. Новые воеводские назначения показали, что вдохновителями местнической интриги против Романовых были Годуновы.

Со смертью царевны Федосьи отпала кандидатура на трон, приемлемая как для Годуновых, так и для Романовых. Вопрос «Кто из ближайших родственников бездетного царя возьмет после него корону?» оставался открытым.

Среди прежних союзников Годунова наибольшим политическим опытом и авторитетом обладал Б. Я. Бельский. Разделавшись со Мстиславским и Шуйским, Борис не спешил с возвращением Бельского из деревенской ссылки. Судя по дворовому списку 1588—1589 гг., регент в то время еще находился «в деревне». Лишь к 1591 г. он получил наконец возможность вернуться в столицу⁴⁷.

Ссылка не умерила честолюбия Бельского. Он пережил всех прочих опекунов царя Федора, и, следовательно, к нему должны были перейти все те полномочия, которыми Грозный наделил регентский совет. Близкое родство с семьей Годунова давало Бельскому еще один шанс на самое высокое положение в правительстве. Но надежды оружничего не сбылись. Служебные назначения, полученные Бельским после возвращения в столицу, никак не соответствовали его регентским полномочиям. В 1596 г. Разрядный приказ послал окольных, думных дворян и воевод «дозирать» засечную черту на южной окраине государства. Как значилось в Разрядных книгах, «пятую засеку

дозирал оружницей Богдан Яковлевич Бельской»⁴⁸.

Бывший покровитель Годунова не скрывал своего недовольства. Со временем он стал одним из самых опасных противников Бориса.

Сокрушив открытую оппозицию в среде правящего боярства, Годунов прекратил репрессивную политику и стал добиваться примирения с аристократией. В связи с рождением наследницы в царской семье московские власти объявили о прощении всех заключенных, включая тех, «кои мятеж творили о безчадии благоверных царицы»⁴⁹. Общая политическая амнистия имела исключительно важное значение. Напомним, что в соборном приговоре о разводе царя с Ириной Годуновой участвовали влиятельнейшие столичные чины.

В обстановке углублявшегося раскола в высшем правящем кружке Борис Годунов старался найти опору в среде правящего боярства. В итоге правительство возобновило пожалования высших думных чинов.

После опалы вернулись в думу бояре Василий и Дмитрий Ивановичи Шуйские. Первый из них в 1591 г. возглавил расследование обстоятельств гибели царевича Дмитрия в Угличе. К 1597—1598 гг. боярство получили младшие братья князя Василия — Александр и Иван Ивановичи Шуйские⁵⁰.

Наряду с Шуйскими свои позиции в Боярской думе восстановили их младшие сородичи — князья Ростовские. Князь П. С. Лобанов стал в 1587 г. окольничим, Т. И. Буйносов получил чин думного дворянина⁵¹. Для князей Ростовских, полностью изгнанных из Боярской думы в годы опричного террора, возвращение в

думу было крупнейшим политическим успехом.

Ярославский княжеский дом представляли в думе бояре Троекуров, Сицкий, Шестунов и окольничие И. В. Гагин и Д. И. Хворостинин. При Борисе наибольшего успеха достигла младшая поросль ярославских князей: Д. И. Хворостинин был пожалован в бояре, к 1593 г. И. А. Хворостинин стал окольничим⁵².

Вслед за суздальской знатью свои позиции в думе усилила знать литовского происхождения — Куракины и Голицыны. Старейший боярин князь Г. А. Куракин вернулся из Казани в столицу в 1587 г.⁵³ Боярские чины получили сначала И. И. Голицын (к 1592 г.), а затем А. И. Голицын (к 1597 г.) и А. П. Куракин (к 1598 г.)⁵⁴.

После долгого перерыва вернулся на службу удельный князь И. М. Воротынский. Он стал главным воеводой Казанского края (1594 г.)⁵⁵.

Думных и служебных назначений старомосковская знать получила значительно меньше, чем княжеская. Тем не менее в Боярскую думу вернулись Морозовы и Плещеевы, выбывшие из думы еще при Грозном. Окольничими стали М. Г. Салтыков-Морозов (1590 г.) и Н. И. Очин-Плещеев (1591 г.)⁵⁶.

Добиваясь примирения со столичной знатью, правитель в то же время стремился снискать популярность среди провинциального дворянства. 30 мая 1596 г. власти издали указ о прощении всех уклонявшихся от государственной службы землевладельцев («нетчиков»). Те дети боярские, которые «в нетях» лишились поместий, получили право на «старые поместные оклады». Служилым лю-

дям возвращали прежние поместья, либо их испомещали на пустых землях в тех уездах, «отколе хто служил, где хто приищет». Власти специально подчеркивали, что эта мера проведена «для печалования слуги... и конюшего и боярина Бориса Федоровича Годунова».

Весной 1597 г. московские власти произвели раздачу денежного жалованья по городам «дворяном и детям

боярским — всем без выбору»⁵⁷. С казной в провинцию выехали доверенные люди Годунова: окольничий С. Ф. Сабуров — на Оку в полки, П. И. Буйносов и И. П. Татищев — в Новгород и Псков, окольничий И. В. Гагин — в Рязань.

Царь Федор еще был жив, а неизбежная династическая борьба уже определяла все правительственные распоряжения.

ЗЕМСКИЙ СОБОР 1598 г.

Социальные и политические сдвиги XVI в. изменили структуру господствующих феодальных сословий и формы государственного управления. Значительное влияние на эволюцию государственного строя оказали земские соборы, появление которых было связано с развитием Русского государства в направлении сословно-представительной монархии. Проблема соборов в последние годы привлекала пристальное внимание историков. Благодаря разысканиям М. Н. Тихомирова, С. О. Шмидта, В. И. Корецкого были получены данные о неизвестных ранее соборах¹. Открытия вызвали оживленную дискуссию². Ее участники отметили, что в соборной практике XVI в. исключительное место занимает избирательный собор Бориса Годунова 1598 г. Указав на участие в этом соборе дворян из «выбора», М. Н. Тихомиров назвал его самым представительным из соборов XVI в. «Соборная практика,— писал М. Н. Тихомиров,— уже в конце XVI в. знала созыв выборных из разных концов России»³. Вывод М. Н. Тихомирова встретил возражения в литературе. Исследование истории служилого сословия обнаружило тот факт, что в XVI в. власти периодически комплектовали для несения столичной службы так называемый *выбор из городов*, включавший «лучших» провинциальных дворян. Поэтому на соборах второй половины XVI в. дворянский «выбор» присутствовал не как подлинно выборный элемент, а в силу своего должностного положения⁴.

Автор специального исследования о соборе 1598 г. С. П. Мордовина исследовала в источниковедческом плане основной документ собора — так называемую утвержденную грамоту об избрании на трон Бориса

Годунова. Отметив наличие двух экземпляров и вариантов грамоты, С. П. Мордовина отнесла их к июлю — 1 августа 1598 г. «В 1598 г., — пишет С. П. Мордовина, — были составлены два экземпляра избирательной грамоты: черновой вариант грамоты, или один из ее экземпляров, подписан в июле, другой утвержден 1 августа». Известно, что власти распорядились изготовить два экземпляра утвержденной грамоты: один был передан на хранение в царскую казну, другой — в сокровищницу патриарха. Это обстоятельство, по мнению С. П. Мордовиной, дает ключ к истории текста. Различия двух вариантов грамоты объясняются «их происхождением от первого (патриаршего) и второго (царского) экземпляров»⁵.

Прежде всего следует подвергнуть проверке даты, обозначенные в избирательной документации Бориса Годунова. Без точной датировки источника невозможно объяснить историю двух редакций утвержденной грамоты.

Ранняя редакция избирательной грамоты Бориса Годунова представлена так называемым списком И. А. Навроцкого, опубликованным в конце XVIII в.⁶ При составлении копии документа переписчику не удалось прочесть ряд мест, но их немного. В целом копия выполнена с большой тщательностью и — что особенно важно — на основании оригинала. Разбирая подписи, копиист пометил: «Подлинная грамота подписана на обороте тако», а затем прокомментировал подпись патриарха: «Писано уставом крупно» — и далее: «...а больше сих духовных персон на сей грамоте ничьих подписок нет...»⁷ Терминология комментария не оставляет

сомнения в том, что копия была снята квалифицированным переписчиком XVIII в.

Грамота, представленная списком Навроцкого, — сложный по своему составу документ. Основной ее текст завершает концовка, традиционная с точки зрения формуляра соборного приговора: «А у сей утвержденной грамоты были...» Ниже следует обширная приписка. В некоторых существенных моментах приписка повторяет содержание основного текста. Главный текст и приписка завершаются буквально совпадающими формулами верного служения Борису и проклятиями в адрес «ослушников». Значительную часть основного текста занимают обширные списки участников собора. В приписке этот перечень имен тщательно прокомментирован. Объясняя отсутствие в перечне некоторых духовных лиц, составители приписки заметили, что казанский митрополит «быша в то время (!) в своей митрополии», а имя рязанского архиепископа «не написано ж, понеже в то время» на том престоле «не бысть архиепископа»⁸. Употребление прошедшего времени в комментарии, несомненно, говорит о том, что он появился много позже, чем основной текст грамоты.

Когда был составлен основной текст грамоты по списку Навроцкого? Составители грамоты дали точные указания на этот счет. Они отметили, что 9 марта 1598 г. собор по предложению патриарха Иова постановил выработать документ об утверждении Бориса: «Да будет впредь неколебимо, как во утвержденной грамоте написано будет». Едва лишь Борис «сел» на царство 30 апреля 1598 г., как «сию утвержденную гра-

моту, по мале времени написавше, принесоша к Иову». Итак, собор приступил к работе над документом в марте и завершил работу в начале мая 1598 г. Сказанное объясняет, почему в избирательной грамоте Бориса день за днем описан ход избирательной борьбы с начала января до 30 апреля, но зато отсутствуют какие бы то ни было сведения об окончании кампании в мае — июле 1598 г. Авторы приписки поместили в конце ее: «Уложена и написана бысть сия соборная утвержденная грамота... лета 7106 июля в день...»⁹ В действительности основной текст грамоты был составлен в начале мая и лишь приписка появилась в июле.

После мая — июля политическая ситуация в стране претерпела большие перемены, которые вынудили Годуновых переработать утвержденную грамоту. Так возникла поздняя редакция грамоты, помеченная 1 августа. Значение этой даты исключительно велико. Считается, что 1 августа представительный собор вынес окончательное решение об избрании Бориса, следствием чего была его коронация через месяц. Прежде чем принять это традиционное представление, следует проверить дату, обозначенную в документе.

Поздняя редакция утвержденной грамоты представлена двумя основными списками: Соловецким и Строгановским. Первый из них (ГПБ, собр. Соловецк. мон., № 852/962) сохранился в составе рукописного сборника, составленного при жизни Бориса Годунова, в самом конце XVI — начале XVII в.¹⁰ Грамота окружена документами, вышедшими из патриаршей канцелярии, что указывает на вероятность ее происхож-

дения от патриаршего экземпляра. Строгановский список (ГПБ, О. IV. 17) был скопирован для Строгановых в их резиденции в Соль-Вычегодске в первой четверти XVII в.¹¹ В этом сборнике утвержденную грамоту сопровождают преимущественно документы царской канцелярии. Допустимо предположить, что Строгановский список служил копией царского экземпляра. Такое предположение подтверждается следующим фактом. В Строгановском списке можно прочесть: «...а у меньшие грамоты, что у патриарха в ризнице... печати». В Соловецкой грамоте тот же текст читается иначе: «...а у меньшие грамоты патриархова печат». Тексты Соловецкого и Строгановского списков в основном тождественны. Однако в перечнях участников собора и их подписях имеются расхождения. Так, стряпчий с ключом Кузьма Безобразов, не упомянутый в Соловецком списке, фигурирует в перечне и среди подписавшихся в Строгановской рукописи¹². Удостоверение царского списка, хранившегося в казне, очевидно, заняло больше времени, нежели удостоверение патриаршего списка, вложенного в раку святого в Успенском соборе. Не этим ли объясняется отсутствие в Соловецкой рукописи подписей окольничего М. Н. Романова и думного дьяка И. А. Нармацкого, стольника И. Н. Годунова, Т. Сабурова («во Жданово место Сабурова»), Г. Вельяминова, Ю. Татищева, Беяницы-Зюзина и Ф. Погожева? Все названные лица скрепили утвержденную грамоту по Строгановскому списку¹³.

Особое место занимает Плещеевский список утвержденной грамоты (ГБЛ, М. 737), сохранившийся в со-

ставе так называемой Плещеевской разрядной книги второй трети XVII в. Список впервые детально исследован С. П. Мордовиной. Перечень участников собора в Плещеевском списке не полный, а кроме того, он существенно расходится с перечнем Соловецкой редакции. Некоторые имена в нем пропущены, другие вставлены. Анализируя вставки, С. П. Мордовина обратила внимание на имена двух дворян, умерших до 1598 г., а также на имена нескольких лиц, не достигших совершеннолетия ко времени собора. Возможно, перечень Плещеевского списка был составлен в недрах Разрядного приказа как черновой документ, в дальнейшем подвергшийся уточнению и исправлениям. Плещеевский список замечателен тем, что наглядно показывает приемы, с помощью которых Разрядный приказ формировал списки участников собора. Приказные люди руководствовались, по-видимому, не личным составом участников собора, а служебными списками, данные которых частично устарели.

Плещеевский список не содержит никаких указаний на подписи. В Соловецкой рукописи список дворян отличается большей полнотой и точностью и имеются сведения о подписях. Уже В. О. Ключевский указал на серьезные расхождения между списочным составом собора 1598 г. и личными подписями. Он высказал предположение, что списки отражали состав собора по состоянию на февраль — март 1598 г., тогда как подписи соответствовали последней фазе собора — в августе 1598 г. С. П. Мордовина изучила служебные назначения членов собора и доказала, что в феврале — марте собор не

мог заседать в том составе, который обозначен в списках утвержденной грамоты. Не сомневаясь в достоверности даты (1 августа), С. П. Мордовина выдвинула гипотезу, согласно которой члены собора подписывали грамоту на протяжении нескольких месяцев, а власти окончательно отредактировали их списки и подписи после декабря 1598 г.¹⁴ Можно заметить, что такое предположение не разрешает трудностей, связанных с датировкой утвержденной грамоты. По традиции подписи проставлялись на обороте соборных приговоров. Поэтому любая попытка «перередактировать» их, поменять местами и т. п. неизбежно привела бы к порче документа, т. е. к необходимости заново составить грамоту и вновь подписать ее. Члены собора группировались по чинам в строго иерархическом порядке. Бояре ставили подписи вместе с боярами, стольники со стольниками и т. д. За Боярской думой признавали значение высшей «палаты» на любом соборе XVI в. Поэтому списки думных людей составлялись с особой тщательностью. Для датировки утвержденной грамоты эти списки имеют самое первостепенное значение. Основной факт состоит в том, что соборный приговор об избрании Бориса на трон отразил состав Боярской думы не на 1 августа 1598 г., а на январь 1599 г. При этом важно отметить, что в указанные месяцы в думе произошли большие перемены. По случаю коронации Борис раздал многим лицам думные титулы, и эти назначения учтены в утвержденной грамоте¹⁵. Новые бояре и окольные поименованы с теми чинами, которые пожаловал им Годунов, как в перечне членов собора, так и в «рукопри-

кладстве». В то же время в грамоте не зафиксированы назначения, произведенные после февраля 1599 г. Так, М. И. Татищев получил чин думного дворянина к февралю 1599 г., но это назначение не получило отражения в утвержденной грамоте: Татищев подписал ее в прежнем чине ясельничего¹⁶. П. В. Годунов стал окольным во второй половине 1599 г., а расписался в грамоте как дворянин¹⁷.

Приведенные факты позволяют сделать вывод, что работа над утвержденной грамотой Соловецкой редакции была завершена лишь в начале 1599 г. Наблюдения за списком дворян в грамоте подтверждают этот вывод. В перечень не попали князья И. Жирового-Засекин, Г. Волконский и Г. Ромодановский, отосланные из Москвы в провинцию на воеводство 14 сентября 1598 г. на место воевод А. Солнцева, М. Ноздреватого и А. Волконского. Эти последние, сдав дела, прибыли в столицу и были внесены в соборную грамоту. Воевода П. Ф. Басманов, посланный на воеводство в Чернигов с 11 октября 1598 г., был отпущен оттуда 18 декабря, благодаря чему он смог участвовать в соборе. Видный московский дворянин В. Б. Сукин, снаряженный послом в Швецию в декабре 1598 г., не попал в число участников Земского собора¹⁸.

С. П. Мордовина и А. Л. Станиславский отметили необычайное сходство перечней дворян утвержденной грамоты и московского «боярского» списка 1598—1599 гг. В соборном перечне упоминаются имена тех же самых стольников, дьяков, московских и «выборных» дворян, которые фигурируют в «боярском» списке. Это позволяет предположить, что «бояр-

ский список 1598—1599 гг. послужил одним из источников при составлении списков участников собора. Примечательно, что «боярский» список возник после 14 сентября и пополнялся в период между декабрем 1598 и апрелем 1599 г.¹⁹

В составе Строгановского сборника начала XVII в. вместе с утвержденной грамотой отложился документ, озаглавленный «Лествица о соборных властях, кои были в 107-м году на соборе у Иова патриарха на Москве»²⁰. Описанный в «Лествице» состав священного собора (имена иерархов, порядок их расположения) в основном совпадает со списком духовных чинов утвержденной грамоты по Соловецкому списку. Можно предположить, что «Лествица» была использована при составлении списков священного собора поздней утвержденной грамоты. Примечательно, что названные в «Лествице» чины заседали в Москве с Иовом в 7107 г., иначе говоря, никак не ранее сентября 1598 г.

Можно заметить существенные расхождения в списках духовенства в Соловецкой грамоте (и «Лествице») и грамоте Навроцкого. Первую и вторую редакции утвержденной грамоты, очевидно, разделяло немалое время, в течение которого сменились игумены в Симоновском, Новоспасском, Калязинском, Рождественском Владимирском, Угрешском и Ферапонтовом монастырях²¹. Среди епископов в Соловецкой грамоте впервые упомянут корельский епископ, отсутствовавший в грамоте Навроцкого. П. М. Строев принял на веру показание «Нового летописца» XVII в. насчет образования Корельского епископства в 1593 г. Но в своей работе

он сделал оговорку, из которой следует, что две церковные рукописи называли 1599 г. в качестве даты назначения епископа Сильвестра в Корелу.

Летописная дата явно ошибочна: шведы вернули Корелу русским никак не ранее 1597 г. Следовательно, более достоверной надо признать вторую дату, названную П. М. Строевым. Теперь становится понятным, почему указание на Корельское епископство отсутствовало в списках майской редакции утвержденной грамоты 1598 г. В то время Сильвестр еще не был поставлен в Корелу. В 1599 г. вопрос о новом епископстве был решен, и Сильвестр смог поставить подпись на вновь составленной утвержденной грамоте 1599 г.²²

Приведенные факты позволяют отвергнуть дату, помеченную в списке Соловецкой редакции. В действительности утвержденная грамота была составлена не 1 августа 1598 г., а в начале 1599 г. Можно предположительно указать на цели и мотивы включения в текст документа подложной даты. Власти не желали признать, что соборный приговор об избрании Годунова был составлен задним числом, спустя много месяцев после его коронации. Поскольку люди XVI в. обладали традиционным складом мышления, они всегда обращались к прецедентам. Для составителей утвержденной грамоты прецедентом служило «избрание» Федора. Федор короновался ровно через месяц после того, как Земский собор «избрал» его царем. Следуя этому образцу, канцелярия снабдила соборный приговор об избрании Бориса датой 1 августа, чтобы доказать, что коронация Бориса состоялась как раз

через месяц после его соборного избрания.

Выявление подлога в избирательной документации Бориса поднимает вопрос о степени ее достоверности. Предварительная критика источника дает возможность рассмотреть историю избирательного собора по существу.

В последние годы жизни Федор полностью устранился от дел управления. Он оказался первым из московских государей, умершим без завещания. Не ясно, помешал ли ему правитель, или по своему умственному убожеству он и не настаивал на необходимости «совершить» духовную. В последние часы жизни, когда приближенные просили Федора назвать имя преемника, он по обыкновению сослался на волю божью²³. Будущее жены тревожило слабоумного царя больше, чем будущее трона. В ходе избирательной борьбы Годуновы выступили с утверждением, будто Федор «учинил» после себя на царстве Ирину Годунову²⁴. Показания современников начисто опровергают эту ложь. Очевидец последних лет Федора засвидетельствовал, что царь «не повеле ей (жене.— Р. С.) царствовать, но повеле ей принять иноческий образ». «Како ей жить, и о том у нас уложено»,— объявил он патриарху и боярам. Аналогичные сведения имеются в «Сказании о смерти царя Федора и воцарении Бориса», составленном, по-видимому, еще при жизни Годунова и включенном в один из списков Разрядных книг пространной редакции. Автор «Сказания» повествует, что Федор приказал жене после его «живота» удалиться «от мирского жития» и принять «ангельский образ». Ирина

была готова последовать приказу «благоуродивого» мужа и дала обещание постричься в монахини, которое засвидетельствовано патриаршей канцелярией и Посольским приказом²⁵.

Борис прекрасно понимал, что пострижение сестры-царицы уменьшит его шансы на избрание, и потому вопреки воле Федора пытался учредить правление царицы. В силу традиций Русского государства присяга вдове царице была делом неслыханным, поэтому современники восприняли ее как временную и чрезвычайную меру. После смерти Федора, повествует автор Пискаревского летописца, царица Ирина приняла власть «на малое время, покамест бог царство строит от всех мятежей и царя даст». По обычаю, церемонией присяги могли руководить лишь начальные бояре. Власть и тут отступили от правил. «Царский синклит» (дума) целовал крест Ирине по велению не начальных бояр, а «изрядного правителя» Бориса Годунова. Принимал присягу боярин И. В. Годунов²⁶.

Вслед за столицей к присяге была приведена провинция: крест «целовавшая вся земля Расийского государства», — свидетельствует автор Пискаревского летописца. 18 (28) февраля 1598 г. некий немецкий агент направил из Пскова подробное донесение об избирательной борьбе в России. Его фактические показания имеют большую ценность. Агент получил возможность ознакомиться с текстом присяги, обнародованным в провинции. По его словам, присяга обязывала жителей пограничной крепости не поддаваться полякам и шведам и хранить верность православной вере, патриарху, царице Ирине, ее брату

Борису Федоровичу, его сыну-наследнику и другим детям, которые когда-нибудь у него родятся²⁷. Жители Смоленска, вероятно, принесли аналогичную присягу в то же самое время. Литовские лазутчики, побывавшие в Смоленске в первых числах февраля, донесли, что в тамошних церквях служили службу «за великую княгиню царицу и сына». Не разобравшись, что речь шла о сыне Бориса Годунова, они высказали нелепое предположение о беременности царицы Ирины²⁸.

Современники понимали, какие цели преследовала январская присяга. По мнению телохранителя Бориса капитана Якова Маржарета, Годунов только старался создать впечатление, что задумал «возвести на престол свою сестру, вдову покойного Федора (вопреки государственным законам)», а на самом деле он «начал домогаться короны» для себя. Важные подробности можно обнаружить на страницах церковного сборника XVI в. На протяжении 1598 г. владелец сборника сделал пять записей о событиях, непосредственным очевидцем которых он был. Его сведения отличаются исключительной точностью, вплоть до указания дня и часа. Первая из записей свидетельствует, что царь Федор скончался 7 января, в седьмом часу ночи, и «того же лета и того же месяца воцарился Борис Федорович, января 12, час 2-й дня, в четверг»²⁹. Приведенная запись позволяет судить о том, как восприняли современники присягу бояр и населения столицы Борису и Ирине Годуновым.

В провинции реагировали на присягу совершенно так же, как и в столице. Немецкий агент писал из Пско-

ва в середине февраля: «Со всех сторон в Псков постоянно приходят письма, что помещики, горожане и крестьяне уже вынуждены были присягнуть новому великому князю, но некоторые от нее уклонились; простолюдины весьма недовольны Годуновым и его шайкой, которую он поставил во главе людей при принесении присяги». В Пскове утверждали, что присяга на имя правителя не имела законной силы, поскольку в столице «важнейшие не захотели признать Годунова великим князем». Примечательно, что московский очевидец событий 12 января вскоре убедился в том, что неверно истолковал их, и вычеркнул строки о «воцарении» Бориса³⁰.

Современников возмущала бесцеремонная поспешность, с которой Борис рвался к трону и старался учредить правление вдовы царицы. При жизни Федора имя Ирины нередко называли подле имени ее мужа, после его смерти вдову охотно именовали «великой государыней». Но такое звание было не равнозначно царскому титулу. До Лжедмитрия и после него цариц не только не короновали, но и не допускали к участию в царском венчании. На коронации Федора Ирина Годунова не присутствовала. Ей позволили наблюдать за церемонией из окошка светлицы³¹. Не будучи коронованной особой, Годунова не могла ни обладать властью, ни передать ее своему брату.

Православный люд был изумлен, услышав в церквах многолетие царице. Летописцы отметили этот факт как неслыханное новшество. «А первое богомолие [было] за нее, государыню,— записал один из них,— прежде того ни за которых цариц и великих

кнеинь бога не молили ни в охтенях, ни в многолетье». Дьяк Иван Тимофеев пояснял, что до Бориса многолетие пели за одних только царствующих особ и первопастырей, а Борис велел петь ему многолетие вместе с женой. До Марии Скуратовой такой же чести сподобилась одна Ирина. Как истинно православный человек, Тимофеев назвал такое нововведение бесстыдством, нападением на святую церковь. Его гнев разделяли многие современники³².

Правление Ирины и Бориса Годуновых продержалось недолго. На третий день после присяги царица объявила о своем пострижении в присутствии многочисленной толпы. На площади перед дворцом, повествует официоз, собрался весь «многочеловечный народ царствующего града Москвы и всеа Русския земли с женами, и с детьми, и с сущими младенцы». Годуновская канцелярия старалась изобразить дело так, будто толпа в порыве верноподданнических чувств слезно просила вдову принять царство. Однако неофициальные наблюдатели отмечали, что после смерти Федора в России сложилось напряженное положение. В Москве «из-за нового царствования возникла великая смута», произошло «великое замешательство», «по всей стране было беспокойно». И. Масса в таких выражениях описал беспорядки по случаю смерти Федора: «Простой народ, всегда в этой стране готовый к волнению, во множестве столпился около Кремля, шумел и вызывал царицу»; та вышла на Красное крыльцо, «дабы избежать великого несчастья и возмущения», и объявила, что хочет исполнить «волю покойного царя и свое обещание о постриже-

нии». Из донесения австрийского дипломата М. Шилля, получившего информацию о московских происшествиях в сентябре 1598 г., следует, что вдова отказалась от власти в пользу Боярской думы. «У вас есть князья и бояре,— заявила она,— пусть они начальствуют и правят вами»³³. Заявление Годуновой отвечало политическим чаяниям бояр и скорее всего было сделано по их указке. В толпе, заполнившей дворцовую площадь, были не только сторонники, но и противники правителя. Царица живо помнила народные возмущения, происшедшие при воцарении ее мужа, и опасалась их повторения.

Согласно записям Разрядного приказа, 15 января Ирина Годунова, «оставя Российское царство московское, поехала с Москвы в Новодевичий монастырь». В обстановке междоусобицы руководство Боярской думы и столичные чины взяли на себя инициативу созыва избирательного Земского собора. После смерти Федора, записал московский летописец, «града Москвы бояре и все воинство всего царства Московского, всякие люди от всех градов и весей збираху людей и посылаху к Москве на избрание царское»³⁴.

Наиболее подробные сведения о начальном этапе деятельности собора включает в себе так называемое «Соборное определение об избрании Бориса Годунова» — самый ранний избирательный документ, отложившийся в составе Строгановского сборника начала XVII в. Определение начинается с указания на то, что после смерти Федора решено было, «по правилом сшедшимся собором, поставляти... царя». Это решение принимали «по благословению» патриарха

Иова, митрополита Варлаама Новгородского и Гермогена Казанского, «по челобитию государевых бояр, князя Федора Ивановича Мстиславского, и всех государевых бояр, и окольничих, и всего царского синклиту, и всех... воевод, и дворян, и стольников, и стряпчих, и жильцов, и дьяков, и детей боярских, и голов стрелецких, и сотников стрелецких, и всяких служилых людей, и гостей, и торговых людей, и черных людей, и всего многобесчисленного народного христианства от коней до коней всех государств Российского царствия»³⁵.

По поводу царских похорон в Москве собралось все высшее духовенство, много знати и дворян, что, очевидно, облегчило принятие согласованного решения о созыве избирательного собора. Решение поддержали, с одной стороны, правитель и патриарх, а с другой — глава Боярской думы князь Ф. И. Мстиславский, митрополит Гермоген и другие лица. Обсуждался, кажется, и вопрос о нормах представительства от городов. По словам Я. Маржарета, Борис «хотел надлежащим образом [vouloit denement] созвать государственные чины [les Etats], т. е. от каждого города по 8 или 10 человек, дабы вся страна единодушно обсудила, кого возвести на трон...». Письмо немецкого агента из Пскова подтверждает тот факт, что уже в январе 1598 г. правительство предприняло практические шаги к созыву собора и требовало из провинции для участия в выборах нового царя именитых бояр, воевод и высших духовных лиц. Но затем всех приглашенных задержали в пути: Годунов перекрыл дороги и велел пропускать в столицу только своих доброжелателей³⁶.

лѣлюдемъ споймѣтѣа . ꙗкоже присажетъ
 мужи семѣ , и ли женѣ его . по днѣмъ
 дѣтъ смртѣи .

въ сѣлженіа къ землѣи тои . ноужа по
 въ томъ вѣтѣстѣи чьмѣнѣ . бѣижен
 бѣи , и позыснѣа . и мужь прѣни по
 бѣи . дажен пелнѣи бѣи . бѣи же
 скотѣи по чѣи . и скотѣи по дѣи . и прѣи

Б^ѣж^ѣно^ѣ тѣ^ѣх^хъ^хъ^хъ^х (трашна) в^все^в
илнаго в^видо^ддѣ^дла^лщаго прѣз^п
да^дща до^дб^дт^тен^нч^ч пр^пист^тх^хн^нем^м
в^впре^пд^длиц^ли и прѣд^дот^тх^хи^ише и д^дел^л
л^лб^бн^нч^чи^и д^дт^тч^чи^и х^хд^дд^дел^ли^и ч^чст^та^а
до^дб^дд^джа^а на^н пр^пт^тл^лх^хер^рх^хд^ди^ит^т
т^тем^мб^б прѣд^дб^бт^тн^нм^мб^б и е^ед^ди^ин^но^ор^ро^он^н
м^мб^бс^сд^до^ои^ил^лб^бн^ном^мб^б т^тѣ^ѣм^мб^бн^ни^иш^шк^кт^т
и^иб^бх^хр^рт^том^мб^б и^иу^уж^жт^тд^дѣ^ѣн^нн^нм^мб^б.
и^идо^ди^идо^дт^тд^до^ор^ра^аш^ши^им^мб^бс^сво^ои^им^мб^бд^дх^х
И^им^мдо^дб^бв^вс^сд^дѣ^ѣл^ли^ич^ча^ат^тс^ся^я Е^ед^ди^ин^но^о
с^св^вѣ^ѣт^тн^на^ад^ди^ин^нс^ср^ра^ад^дѣ^ѣн^нн^на^ат^тр^ри^иц^ца^а
н^но^ов^вѣ^ѣт^тд^дѣ^ѣн^нн^на^а и^ир^ра^ад^дн^но^от^тн^на^а и^ир^р
н^но^ос^сп^пр^рт^тл^лн^на^а и^ир^ра^ад^дн^но^ос^сл^лн^нн^на^а
и^ир^ра^ад^дн^но^ос^сд^дѣ^ѣт^тн^на^а и^ир^ра^ад^дн^но^од^дѣ^ѣ

Начало утвержденной грамоты об избрании Бориса Годунова

(Соль-Вычегодский список. Начало XVII в.). ГПБ

Исходо в сою а дилитомбство
праинникова / воее юни мбство
спасею юни соной истарини до аби
юни мбство на утороцнх юни мбство
Юрбина сою в сою мбство перодома
Ленина / воее юни мбство (спрб
теею юни мбство па мбство до
цееюца / до ю мбство нодееюца
воее юни мбство Лянициеюни
та мбство мах / а мбство до цееюца
мбство с ходо / воее мбство
ни мбство уеи мбство полбюни мбство
воее юни мбство / воее полбюни мбство
прибыл воее юни мбство до юни
ца мбство / воее полбюни мбство

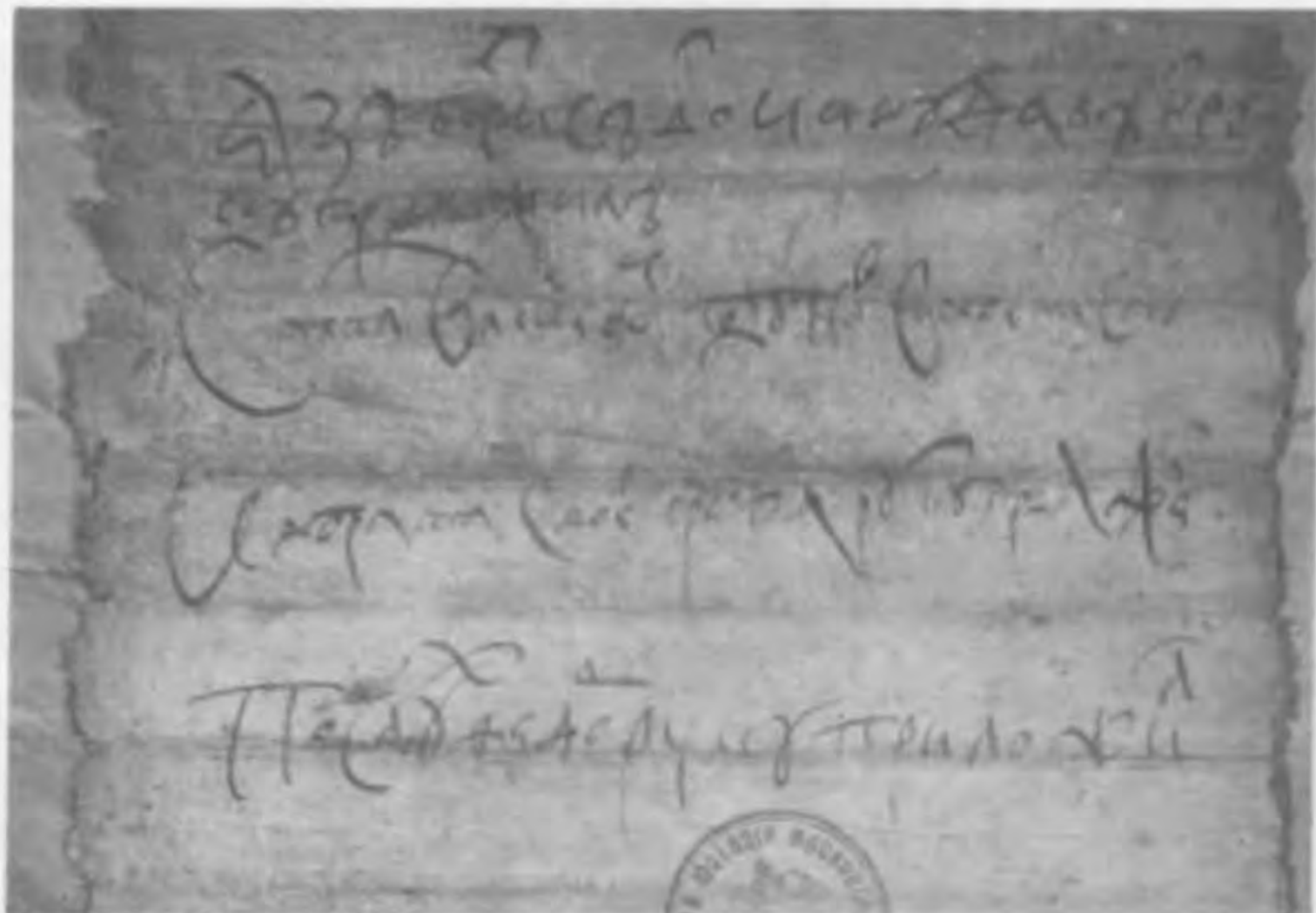

Братина золотая с чернью. XVII в.

Красная государственная печать на документе XVI в. ЦГАДА

вчешѣи сѣо кнѣзю и вѣнѣ тѣмъ раи
нѣ. вѣдѣмъ прѣтѣе бѣцы чюдотворѣ
кирилѣ вѣкладѣ. н. рѣблѣ дѣнетъ.
да шѣ бразѣвъ и кнѣтъ и платѣ
на. н. же рѣблѣ. и вѣтъ го по нѣ
данѣ. р. рѣблѣ. и затѣмъ да нѣ
кнѣзю и вѣнѣ войноцѣхъ и ѣтъ, на
писанъ всенанѣи сѣтъ. а кѣмъ по
нѣмъ и кормитѣи на прѣстѣвлѣнѣе
ѣго. нѣмъ бѣрѣ вѣ. ^{ан} ~~Сѣ~~. до кѣмъ леи мо
настѣмъ бѣрѣ стѣойтѣтъ.
Лѣтъ. ~~Зрѣи~~. ~~Бѣ~~ бѣрина кнѣзѣмъ
и лѣмъ фѣдѣоровнѣмъ и кѣмъ тѣи кнѣмъ
ни елѣна пѣтровна. да сѣмъ на нѣхъ
бѣмъ рѣина кнѣзѣмъ мѣхѣмъ и лѣмъ вѣсѣмъ
внѣмъ и кнѣмъ тѣи а лѣмъ хѣмъ дѣмъ вѣсѣмъ
дѣмъ лѣмъ по кнѣмъ сѣмъ вѣсѣмъ лѣмъ бѣдѣмъ
дѣмъ по кнѣмъ зѣмъ мѣхѣмъ и лѣмъ вѣсѣмъ
вѣдѣмъ прѣтѣе бѣцы. кирилѣ чюдѣ
тѣмъ вѣмъ сѣмъ. р. Золотѣмъ затѣмъ

Подпись Бориса Годунова. Грамота XVI в. ЦГАДА

Наградной золотой Бориса Годунова в 1 червонец
(лицевая и оборотная сторона). Эрмитаж

Портрет Бориса Годунова. XVII в. Частная коллекция

В ходе подготовки к собору сторонники правителя разработали проект «Соборного определения» об избрании Бориса на трон. Составление этого документа обычно относят к марту 1598 г.³⁷ Представляется возможным уточнить эту дату. Проект соборного приговора не упоминает о шествии в Новодевичий монастырь к царице Ирине. Очевидно, он возник до 17—21 февраля. Как это ни парадоксально, но в черновике «Соборного определения» в отличие от всей прочей избирательной документации Годунова вообще не упоминается имя Ирины. Этот факт может иметь лишь одно объяснение: по-видимому, «Соборное определение» появилось на свет сразу после пострижения Годуновой, 15 января 1598 г. Черновой проект отразил, как в зеркале, ту полосу избирательной кампании Бориса, когда попытка учредить правление вдовы потерпела сокрушительный провал и пострижение царицы, казалось бы, навсегда покончило с ее политической карьерой в Московском государстве.

Центральное место в «Соборном определении» занимает пункт о присяге членов собора, который гласит: «И по сему избранию (на соборе.— Р. С.) служить нам ему, государю своему царю... Борису Федоровичу... и на том им, государем своим, и души свои даем, все крест целуем от мала и до велика»³⁸.

Годуновский проект постановления не был, однако, утвержден и подписан членами Земского собора. Очевидно, кандидатура правителя не получила на соборе единодушной поддержки. При жизни Федора Годунов умел добиваться повиновения высшей знати. После смерти царя бояре пере-

стали скрывать свою неприязнь к временщику. Аристократия и слышать не желала о передаче ему короны. Ее непреклонность подкреплялась вековыми традициями. В феодальные головы плохо укладывалась мысль об избрании в цари не слишком знатного дворянина. Никто не сомневался в том, что на троне может сидеть лишь наследник «царского корени». Ближайшими родственниками московского дома были князья Рюриковичи, среди которых первенствовали «принцы крови» Шуйские. Калита вел род от Александра Невского, Шуйские — от его старшего брата. Знать помнила это даже при Грозном. По некоторым сведениям, князья Шуйские надеялись завладеть опустевшим тронном и деятельно интриговали против Бориса. После смерти Федора, утверждал «Новый летописец», патриарх и власти, «со всей землею советовав», решили посадить на царство Бориса, «князи же Шуйские едины ево не хотяху на царство»³⁹.

«Новый летописец» возник в окружении Филарета Романова, и, по меткому замечанию С. Ф. Платонова, имя Шуйского было вставлено в эту летопись лишь для отвода глаз. В действительности главными противниками Годунова были не Шуйские, а Романовы. Княжеская знать склонилась голову под тяжестью опричного террора, а гонения Годунова довершили дело. Шуйские не осмелились выступить с открытыми притязаниями на корону и предпочли выждать исход борьбы. С января 1598 г. в Литву стали поступать сведения о том, что в Москве определились четыре главных претендента: Ф. И. Мстиславский, Ф. Н. Романов, Б. Я. Бель-

ский и Б. Ф. Годунов⁴⁰. Шуйских среди них не было.

Знаменитый любимец Грозного Б. Я. Бельский явился в Москву «со множество народа». Но его шансы на избрание были столь же невелики, как и шансы Ф. И. Мстиславского. В жилах Мстиславского текла королевская кровь, он был праправнуком Ивана III и занимал пост главы Боярской думы. Но среди коренной русской знати литовские выходцы Мстиславские не имели престижа.

Самыми серьезными претендентами на корону были Борис Годунов и Федор Романов. Как правитель, Годунов обладал более прочными политическими позициями, но он не состоял в кровном родстве с династией и поэтому не имел никаких прав на престол. Проект соборного решения, подготовленный Годуновыми, показывает, каким образом они рассчитывали преодолеть это формальное препятствие. Авторы проекта старались убедить членов Земского собора, будто на Борисе «бысть обоих царей вкупе благословение», ибо уже Иван IV «приказал» своему любимцу сына Федора «и царство», а затем Федор «вручил» ему «царство свое»⁴¹.

Агитация Годуновых, по-видимому, не имела успеха. Более того, по всей стране распространились слухи, начисто опровергавшие ложь по поводу завещания Федора. По сведениям литовских лазутчиков, полученным в самом начале февраля 1598 г., Федор отказался назначить Бориса своим преемником. «Ты не можешь быть великим князем, разве только тебя выберут по общему соглашению, но сомневаюсь, чтобы тебя избрали, потому что ты происходишь от подлого

народа», — якобы сказал царь Борис и указал на Федора Романова, «предполагая, что скорее изберут его». В конце января литовцы дознались, что из четырех претендентов «больше всего сторонников» у Федора Романова, «как родственника великого князя». В начале февраля лазутчики подтвердили, что в Москве «действительно... думают скоро избрать великого князя, но ни на кого не указывают, только на князя Федора Романовича: все воеводы и думные бояре согласны избрать его...»⁴².

Агитация в пользу Ф. Н. Романова имела успех не только потому, что он доводился двоюродным братом царю Федору. У Романовых было много родни и приверженцев в Боярской думе и среди столичных дворян (бояре Черкасские, Шестуновы, Сицкие, Репнины, Карповы и пр.).

На стороне Бориса, по сведениям литовской разведки, выступали «меньшие бояре», т. е. младшие члены Боярской думы, и дворяне, а также стрельцы и «чернь». Но ни стрельцы, ни народ, по феодальным канонам, не имели права голоса в таком деле, как избрание царя.

Избирательная борьба в Москве вступила в решающую стадию. За рубеж проникли слухи о том, что противники Бориса открыто обвинили его в измене «своим государям», убийстве Дмитрия Угличского и отравлении царя Федора. Среди общего замешательства Ф. Н. Романов схватился за нож и бросился на Бориса, но «остальные удержали его». В середине февраля в Литву поступила новая информация, подтвердившая, что в Москве думные бояре, воеводы, стрельцы, чернь «никак не могут помириться» и избрать царя: «между

ними великое разногласие и озлобление»⁴³. Очень скоро дело дошло до формального раскола избирательного собора. Из-за открытых нападок Романовых правитель перестал ездить в думу и укрылся на своем дворе, куда стали съезжаться «на совет» его приверженцы. Шуйские пытались взять на себя роль миротворцев. Свояк правителя Д. И. Шуйский выступил перед боярами с призывом не избирать царя в отсутствие Годунова и его сторонников. Но посредничество Шуйских не достигло цели. Правителю пришлось покинуть свое кремлевское подворье и искать убежища в хорошо укрепленном Новодевичьем монастыре.

Вопреки официальным легендам отъезд правителя был вынужденным шагом. Годунов потерпел поражение на избирательном Земском соборе. Кроме того, агитация его противников резко осложнила положение в столице. По всему городу толковали, будто правитель отравил благочестивого царя Федора, чтобы завладеть короной. Трудно было придумать обвинение более тяжкое, чем цареубийство, и найти лучшее средство, чтобы поднять против Годунова посадские низы. Непосредственный участник избирательной борьбы дьяк Иван Тимофеев со всей определенностью писал о причинах, побудивших правителя покинуть столицу в критический момент. Годунов, по его словам, опасался в сердце своем, не поднимется ли против него вдруг восстание и не поспешит ли народ отомстить за смерть царя, подняв руку на его убийцу⁴⁴.

Отъезд Годунова из Кремля мог привести к его немедленной отставке с поста правителя, если бы Земский

собор продолжил свою работу. Однако на помощь правителю пришло руководство церкви. Патриарх Иов добился отсрочки выборов под предлогом, во-первых, 40-дневного траура по усопшему царю, а во-вторых, необходимости дожидаться, пока в Москву съедутся духовные чины и «всяких чинов, великих государств, многих городов служивые и всякие люди»⁴⁵.

Отъезд Годунова в Новодевичий монастырь знаменовал крутой поворот в его избирательной кампании. Сторонники правителя задались целью вновь опереться на авторитет постриженной царицы.

Официозные легенды гласили, что после пострижения вдова Федора приняла в монастыре «тихое и безмолвное иноческое житие». В жизни все было иначе. Еще до своего пострижения царица издала 8 января Указ о всеобщей и полной амнистии. Она приказала без всякого промедления выпустить из тюрем всех опальных изменников, татей, «разбойников» и прочих сидельцев. Указ царицы был исполнен — темницы и узилища «отверзты», но не во всех городах. Будучи в Новодевичьем монастыре, старица обратилась в Яренск и Вымские волости с облеченным в форму именного указа распоряжением о неукоснительном проведении амнистии. Библиотекарь А. Попов, скопировавший грамоту, утверждал, что подлинник был скреплен собственноручной подписью старицы, именовавшей себя «государыня царица и великая княгиня Александра Федоровна всеа Руси»⁴⁶.

Патриарх взялся убедить столицу в том, что Годунова, несмотря на пострижение, сохранила царский титул и все вытекающие из него полномо-

чия. Отправившись в Новодевичий монастырь, глава церкви обратился к Александре с упреком, что она удалась из мира, «царя в свое место не устроив никого». Во время многократных посещений монастыря патриарх убеждал Бориса вернуться к исполнению обязанностей правителя: «...буди нам милосердный государь и правитель благоприятный всего Российского государства». Согласно ранней редакции утвержденной грамоты, Годунов заявил патриарху, что он «с бояры радети и промышляти рад не токмо по-прежнему, но и свыше первого»⁴⁷.

В грамоте поздней редакции смысл речи правителя был полностью искажен. Борис якобы заявил о решении удалиться от дел и передать управление государством и радение о земских делах патриарху и боярам. Очевидно, Годунов, находясь за пределами столицы, не мог осуществлять функции правителя и был вынужден частично переложить их на главу церкви. Отныне «патриарх Иов Московский и всеа Руси» должен был решать местнические тяжбы и другие мирские дела. Он рассылал «от себя» грамоты с решением местнических

ФЕВРАЛЯ В 17 ДЕНЬ

Патриарх сзывает сыновей своих, митрополитов, «и весь освященный собор, и царских сигклит, и бояр, и христолюбивое воинство, и всяк возраст бесчисленных родов Российскаго государства»⁵⁰.

Поздний редактор старался оттенить тот факт, что Борис избрал «собор», и с этой целью он заменил неопределенное указание на «всяк возраст бесчисленных родов» точной росписью соборных чинов, включав-

споров в разные города. Однако знатные бояре отказывались повиноваться распоряжениям главы церкви, несмотря на то что он ссылался на указы постриженной царицы и боярские приговоры⁴⁸.

Вмешательство патриарха в политическую борьбу вызвало негодование боярской аристократии. Впоследствии Иов не мог без горечи вспомнить время, предшествовавшее избранию Годунова. В те дни, вспоминал патриарх, я впал «во многие скорби и печали» и на меня «нападе озлобление и клеветы, укоризны, рыдания и слезы, сия убо вся меня смиренного достигаша»⁴⁹.

Если Иов и преувеличивал, то самую малость.

17 февраля истекло время траура по Федору, и Москва тотчас же приступила к выборам царя. Патриарх созвал на своем подворье собор, который и принял решение об избрании на трон Бориса. Обе редакции утвержденной грамоты подчеркивают, что в избрании Годунова участвовали и духовные и светские чины. Но сравнение вариантов рассказа позволяет заметить следы редакционной правки:

ФЕВРАЛЯ В 17 ДЕНЬ

Патриарх «велел у себя быти на соборе сыновом своим, митрополитом... и всему освященному собору вселенскому, и бояром, и дворяном, и приказным и служилым людям, всему христолюбивому воинству, и гостем, и всем православным крестьяном всех городов Российского государства»⁵¹.

шей представителей «земли» — столичных «гостей».

Майская редакция утвержденной грамоты передает, что инициаторами избирательного собора 17 февраля были некие бояре, выступившие с

письменным «свидетельством» в пользу передачи трона Борису. Эта подробность подтверждается показанием дьяка Ивана Тимофеева, непосредственного участника избрания Бориса. Тимофеев не был приверженцем правителя, поэтому его мемуары можно использовать для проверки официозных источников. Как писал осведомленный дьяк, самые красноречивые почитатели Годунова не поленились встать на заре и явились к патриарху с писаной «хартией»⁵². Текст упомянутой хартии, по-видимому, был включен в состав майской утвержденной грамоты и таким образом сохранился до наших дней. Написанная в разгар избирательной борьбы, хартия, или «боярское свидетельство»,

СОБОРНОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ

Январь 1598 г.

«...победителя прегордаго и хвалящагося и сильна находца царя Крымскаго... и прегордых королей победителя, короля Польскаго и Свискаго, и их сродников... князей корунных и их по[д]ручников, и иже под их властью... иже от его высокопобедительных руки боятся Латынстии языцы и всяко бесерменская племени»⁵³.

Некоторые детали «хартии» 17 февраля выдают ее авторов. Упомянув о посещении годуновского двора Грозным, составитель документа добавляет: «...а с ним (царем.— Р. С.) мы, холопи его, были»⁵⁵. Визит носил неофициальный характер, и Ивана IV сопровождали только близкие ему люди. К 1598 г. большинство ближайших сподвижников Грозного либо умерло, либо оказалось в числе противников Бориса. Исключение составляли лишь немногие лица, в том числе постельничий Грозного Д. И. Годунов, бояре И. В. Годунов и С. И. Годунов,

может служить ярчайшим образцом предвыборной литературы. Биография «кандидата» расписана в «свидетельстве» самыми яркими красками. Не упущена ни одна деталь, которая могла бы подкрепить претензии Годунова на трон. Авторы «свидетельства» подчеркивали, что Борис с детства был «питаем» от царского стола, что царь Иван посетил его больного на дому и на пальцах показал, что Федор, Ирина и Борис равны для него как три перста.

Сличение «боярского свидетельства» с текстом январского проекта соборного приговора об избрании Бориса не оставляет сомнения в том, что авторами обоих документов были одни и те же лица.

ХАРТИЯ

17 февраля 1598 г.

«...победил прегордохвалящагося и сильно-находца царя Крымскаго и прегордых... победил короля Свейскаго и его сродников и князей корунных и иных подручников, иже под их властью... иже от его высокопобедительных руки боясь Латынстии языцы и всяко бесерменское земля»⁵⁴.

И. П. Татищев. Очевидно, этот круг бывших опричников и сочинил «хартию» в пользу избрания Бориса.

На январском соборе противники правителя без труда разоблачили вымыслы насчет завещания царя Федора. По этой причине составители «хартии» не осмелились повторить их. Эпизод с благословением от царя Ивана подвергся переработке, отразившей новый этап избирательной борьбы (см. прим.⁵⁶ и ⁵⁷ на стр. 134).

В итоге обсуждения 17 февраля избирательный Земский собор, созванный патриархом, вынес решение организовать шествие к старице

РЕЧЬ ИВАНА IV К БОРИСУ

«Тебе предаю с богом сего сына моего... по его преставлении тебе приказываю и царство сие»⁵⁶.

Александре, с тем чтобы просить ее усадить на царство правителя.

Утвержденная грамота сообщает о единодушном избрании Бориса, но ее показания решительно расходятся с неофициальными данными. В то время как Годуновы собрали собор на патриаршем дворе, Боярская дума провела заседание в Кремлевском дворце. В ходе совещания бояре приняли важное решение, содержание которого передал в своем донесении австрийский посланник М. Шиль, посетивший Москву в сентябре 1598 г. По словам Шилья, едва истекло время траура, бояре собрались во дворце и после прений обратились к народу с предложением принести присягу на имя думы. Лучший оратор думы дьяк В. Я. Щелкалов дважды выходил на Красное крыльцо и настойчиво убеждал толпу, что присяга постриженной царице утратила силу и теперь единственный выход — целовать крест боярам⁵⁸.

Достоверность известия М. Шилья подтверждается источником более раннего происхождения — донесением неизвестного лица из Польши в Англию, датированным июлем 1598 г. и полученным в Англии 3-го августа того же года. Ссылаясь на письма польского гонца из Москвы, автор донесения сообщал, что «супруга покойного великого князя (в Москве. — Р. С.) поставила на управление княжеством своего брата Бориса до тех пор, пока не будет поставлен настоящий князь. Канцлер, наоборот, перед сословиями провозгласил, что Борис

«Тебе приказываю душу свою, и сына своего Федора Ивановича, и дочь свою Ирину, и все царство наше великаго Российскаго государства»⁵⁷.

еще не утвержден в качестве великого князя и знатные москвиты ему противятся; даже некоторые утверждают, что Бориса следует убить»⁵⁹.

Информация австрийского и польского происхождения совпадает в самом существенном пункте. Против избрания Бориса выступил дьяк В. Я. Щелкалов, за спиной которого стояли «знатные господа» — руководство Боярской думы. Обращение думы, однако, не вызвало воодушевления в народе. Попытка ввести в стране боярское правление провалилась.

В XVI в. ни один Земский собор не функционировал без участия Боярской думы, составлявшей своего рода «верхнюю палату» собора. Низшие соборные чины — представители дворян, приказной бюрократии и посада — могли конституировать свое совещание как государственный орган, только присоединившись к Боярской думе. Именно так учреждался избирательный собор, который начал действовать в январе 1598 г. Однако 17 февраля дума и собор распались на два противостоявших друг другу лагеря. К одному принадлежали Ф. И. Мстиславский, братья Романовы и их родня (Б. К. Черкасский, Ф. Д. Шестунов, И. В. Сицкий), князь И. И. Голицын, оружничий Б. Я. Бельский, печатник В. Я. Щелкалов; к другому — Д. И. Годунов, С. В. и И. В. Годуновы, князь И. В. Гагин, С. Ф. Сабуров, Я. М. Годунов, А. П. Клешнин, думный дворянин И. П. Татищев и др.

Старшие бояре, заседавшие в тра-

диционном помещении Боярской думы во дворце, имели полномочия для руководства избирательным собором. Но их не поддержали добрая половина «младших» бояр и руководство церкви. По донесениям литовской разведки, на стороне Годуновых выступили также стрелецкие командиры и «чернь»⁶⁰. Стрелецкие войска несли охрану Кремля, и их поддержка имела весьма существенное значение для годуновского собора. Раскол в верхах создал новую ситуацию в столице. Противоборствующие партии были вынуждены искать поддержку у той самой «черни», которая в обычной ситуации не могла участвовать в царском избрании.

Для думы едва ли не основная трудность состояла в том, что «великие» бояре, решительно отказавшиеся признать права Бориса на трон, никак не могли преодолеть собственные разногласия. Братья Романовы, хотя и унаследовали от отца популярность имени, не смогли сплотить оппозицию. Проект учреждения в стране боярского правления свидетельствовал о том, что ни Романовы, ни Мстиславский не собрали в думе большинства голосов. Отклонение популярных кандидатов и разногласия обрекли думу на бессилие.

Боярскому руководству не удалось заручиться поддержкой столичного населения. Годуновский собор действовал более успешно. 20 февраля его руководители организовали шествие к Борису и Александре в Новодевичий монастырь. Годунов благосклонно выслушал речи соборных чинов, но на предложение занять трон ответил отказом. Со слезами на глазах правитель клялся, что никогда не мыслил посягнуть на «превысочай-

ший царский чин». Мотивы отказа Бориса от короны можно понять. Он хотел покончить с клеветой насчет цареубийства. Чтобы вернее достичь этой цели, Борис распустил слух о своем скором пострижении в монахи. Под влиянием умелой агитации настроение столицы стало меняться.

Патриарх и члены собора постарались использовать наметившийся успех. Они с удвоенной энергией взялись за подготовку новой манифестации. Церковь пустила в ход весь свой авторитет. По распоряжению патриарха столичные церкви открыли двери перед прихожанами с вечера 20 февраля до утра следующего дня. Ночное богослужение привлекло множество народа. Наутро духовенство вынесло из храмов самые почитаемые иконы и со всей «святостью» двинулось крестным ходом в Новодевичий⁶¹. Расчет оказался правильным. Приверженцам Бориса удалось увлечь за собой внушительную толпу.

После смерти Бориса недоброжелатели, пытаясь очернить его избирательную кампанию, утверждали, будто годуновская администрация насильно согнала народ на Новодевичье поле и специально назначенные приставы следили за тем, чтобы он с великим усердием вопил и «слезы точил», а уклонявшихся били по шее. Все эти меры, по словам летописца, были призваны поколебать праведную старицу Александру, отказавшую брату в благословении⁶². Последнее замечание обнаруживает и малую осведомленность, и полное пренебрежение к истине автора памфлета на Бориса.

Очевидец событий дьяк Иван Тимофеев, отнюдь не принадлежавший к числу его почитателей, ни словом

не упомянул о штрафах и приставах⁶³. Зато он видел, как Борис, выйдя на паперть, обернул шею тканым платком и подал знак, что скорее удавится, чем согласится принять корону. Этот жест, замечает дьяк, произвел большое впечатление на толпу. Тимофеев запомнил на всю жизнь оглушительные крики народа, приветствовавшего правителя. Дьяк отметил, что более всех старались «средние люди и меньшие», кричавшие «нелепо с воплем многим... не в чин»⁶⁴. Борис смог наконец пожать плоды многодневных усилий. Общий клич создавал видимость всенародного избрания. Поначалу казавшийся непреклонным, правитель расчетливо выждал минуту и великодушно объявил толпе о своем согласии принять корону. Не теряя времени, патриарх повел правителя в ближайший монастырский собор и нарек его на царство.

Самое раннее по времени описание наречения Бориса на царство содержится в патриаршей грамоте от 15 марта и наказе Посольского приказа от 16—17 марта 1598 г. Авторы этих документов стремились обосновать тезис о преемственности передачи власти. Согласно посольскому наказу, старица Ирина благословила брата «по приказу» царя Федора. В патриаршей грамоте этот недостоверный штрих отсутствует. По свидетельству Иова, царица от своего имени повелела брату «быти на своих государствах». Обе версии акцентировали внимание на соборном характере избрания. Иов подчеркивал, что в «молебнии» царицы участвовали священный собор, «боляре», «христоролюбивое воинство» и «всенародное множество». Посольские дьяки утверждали, что Борис принял корону по прошению

патриарха и всего священного вселенского собора и «за многими прозбами бояр, и окольничих, и князей, и воевод, и дворян, и приказных людей, всяких служилых людей всех городов Московского государства и всего народа христианского множества людей»⁶⁵.

Поздние летописцы сохранили предание о том, что во время шествия в Новодевичий монастырь переговоры с Борисом вели соборные чины. Церковники первыми высказали мнение в пользу избрания Бориса и угрозили, что затворят церкви и положат свои посохи, если их ходатайство будет отклонено. Их поддержали бояре, заявившие: «А мы именоватися бояры не станем», т. е. не будем управлять государством, если Борис не примет корону. Последними высказались дворяне. Они заявили, что в случае отказа Бориса от короны они перестанут служить и биться с неприятелями «и в земле будет кровопролитие». Летописные известия позволили В. И. Буганову и В. И. Корецкому высказать предположение, что избирательный Земский собор продолжал свою деятельность во время манифестации на Новодевичьем поле⁶⁶. Если это предположение справедливо, то тогда следует признать, что избирательный годуновский собор приобрел характер подлинно Земского собора, широко представлявшего различные слои столичного населения, или «земщины».

Манифестация 21 февраля сыграла важную роль в ходе избирательной борьбы. Вероятность введения в стране боярского правления уменьшилась, тогда как позиции приверженцев Годунова окрепли. Чтобы сломить сопротивление знати, прави-

тель должен был искать непосредственной поддержки у столичного посадского населения. Однако одолеть бояр было не так-то легко.

26 февраля правитель покинул свое убежище и отправился в Москву. Столица была готова к торжественному приему. Народ встречал Бориса на поле за стенами города. Те, кто был победнее, несли хлеб и соль. Бояре и купцы явились с золочеными кубками, соболями и другими дорогими подарками, подобающими «царскому величеству». Правитель отказался принять дары, кроме хлеба с солью, и милостиво позвал всех к царскому столу. В Кремле патриарх проводил Годунова в Успенский собор и там благословил его «на царство». По замыслу сторонников Бориса служба в соборе должна была окончательно утвердить его на троне. Присутствовавшие «здоровались» правителя на «скифетроцарствия превзятии». Однако к концу дня стало ясно, что торжественная церемония не достигла цели. Годунов долго совещался с патриархом с глазу на глаз, после чего объявил о намерении предаться посту и вернулся из Кремля в Новодевичий. Согласно версии майской грамоты, Борис покинул Кремль под предлогом, что его сестра «бысть в велицей болезни»⁶⁷.

Поздний редактор вычеркнул ссылку на болезнь и внес в текст исправление, из которого следовало, что Годунов ездил к сестре до беседы с патриархом и, таким образом, его отъезд в Новодевичий был заранее согласован с инокиней-царицей. После возвращения в Кремль ничто, казалось бы, не мешало Борису немедленно въехать в царский дворец. Редактор 1599 г. именно так и попытался изо-

бразить дело. Он внес в текст утвержденной грамоты указание на то, что в свой февральский приезд Борис «иде в свои царские палаты». В более достоверном отчете майской редакции грамоты ничего подобного не было⁶⁸. Вместо переселения в Кремлевский дворец правитель вторично удалился в Новодевичий. Постигшая его неудача может иметь лишь одно объяснение: очевидно, новый царь не мог утвердиться на троне без присяги в Боярской думе. После «наречения» в Успенском соборе Годунов ждал верноподданнического ходатайства со стороны официального руководства думы, но его, судя по всему, не последовало.

В начале марта 1598 г. патриарх вновь созвал соборные чины на своем подворье. Майская утвержденная грамота сообщала, что на мартовском совещании Иов обратился с речью «к бояром, и дворяном, и приказным людем», а затем «ко всему сигкли-ту — бояром, и окольничим, и князем, и воеводам, и дворяном, и выборным, и лучшим детем боярским». Позднего редактора этот рассказ не удовлетворил. Он попытался представить дело так, будто мартовское совещание, как и февральское, имело более широкий круг представительства. С этой целью он дополнил текст майской грамоты указанием на то, что патриарх держал речь «ко всем бояром, и дворяном, и приказным и служилым людем, и гостем»⁶⁹. Так одним росчерком пера редактор 1599 г. сделал московских гостей — представителей третьего сословия — участниками мартовского собора.

Опираясь на постановление мартовского собора, патриарх 15 марта направил провинциальным епископам

окружное послание с повелением созвать в главных соборах духовенство, дворян, стрельцов, посадских людей и зачитать им грамоту об «избрании» Бориса, а затем петь многолетие царице старице Александре (на всякий случай ее имя ставили первым) и Борису во всех церквах «по три дни со звоном». Следом за посланцами патриарха в провинцию выехали эмиссары правителя. Особое внимание патриарх и Годуновы уделили Казанскому краю, где позиции правителя были непрочными. На воеводстве в Казани сидел удельный князь Воротынский, давний противник Бориса. Архиепископскую кафедру занимал Гермоген. Представителем Бориса в Казань выехал боярин князь Ф. И. Хворостинин. Он должен был нейтрализовать влияние Воротынского и привести к кресту казанских дворян, торговых и прочих людей. В Смоленск, Псков и Новгород выехали окольный князь И. В. Гагин, окольный С. Ф. Сабуров и думный дворянин князь П. И. Буйносов-Ростовский⁷⁰. Эмиссары Бориса явились в провинцию не с пустыми руками. Раздача денежного жалованья дворянам стала немаловажным аргументом в избирательной борьбе.

В течение марта правитель оставался в Новодевичьем монастыре, но все чаще наезжал в свою «вотчину». Во время наездов он «с бояры своими о всяких земских делах и о ратных делах советоваше со всяцем великим прилежанием и, разсуждая люди... добре управляше». Это показание майской грамоты полностью согласуется с фактами. Так, известно, что 19 марта Борис вместе с патриархом и боярами утвердил приговор о временной отмене местничества в вой-

сках, расположенных на крымской границе. В тот же день бояре «по государеву указу» разрешили накопившиеся к тому времени местнические тяжбы. 22 марта Борис утвердил решение об отдаче на оброк земли Антониеву-Сийскому монастырю на Двине и т. д.⁷¹

После некоторого перерыва Борис вернулся к исполнению функций главы государства, что не могло не сказаться на деятельности всего приказного аппарата. Руководителям приказов, не желавшим лишиться своих постов, волей-неволей приходилось обращаться за решением дел к некоронованному царю. В марте на сторону Бориса перешел государственный печатник и главный думный дьяк В. Я. Щелкалов.

Успехи правителя гальванизировали оппозицию. Ведущие бояре осознали, что дальнейшее промедление окончательно погубит их дело. Выступление оппозиции возглавил последний законный душеприказчик царя Ивана Богдан Бельский, которому удалось примирить претендентов на трон и уговорить их действовать сообща. Известия об этом проникли за рубеж. Литовские лазутчики донесли, что в апреле «некоторые князья и думные бояре, особенно же князь Бельский во главе их и Федор Никитич со своим братом, и немало других, однако не все, стали советовать между собой, не желая признать Годунова великим князем, а хотели выбрать некоего Симеона»⁷². Романовы согласились поддержать кандидатуру Симеона, потому что утратили надежду на собственное избрание. Примечательно, что среди инициаторов выступления не было официального главы думы князя

Ф. И. Мстиславского. Руководители оппозиции, однако, могли рассчитывать на его сочувствие: Симеон был шурином Мстиславского.

Крещеный татарский хан Симеон по прихоти Грозного занимал некогда московский трон, а затем был объявлен великим князем Тверским. После смерти Грозного Годунов свел служилого «царя» с тверского княжения, и он прозябал в деревенской глуши в полном забвении. «Царская кровь» и благословение Ивана IV давали Симеону большие преимущества перед худородным Борисом. Симеон понадобился боярам, чтобы воспрепятствовать коронации правителя. Сам по себе этот чужеродец не пользовался и тенью авторитета. Знать рассчитывала сделать его послушной игрушкой в своих руках. Ее цель по-прежнему сводилась к установлению боярского правления, правда на этот раз посредством подставного лица.

Чтобы нейтрализовать боярскую интригу, руководители Земского собора решили организовать новое шествие к старице Александре. В сопровождении верных бояр патриарх явился в Новодевичий монастырь и настойчиво просил Бориса, не мешкая, переехать в Кремль и сесть «на своем государстве». В знак полной покорности просители стали перед ним на колени и «лица на землю положиша». В ответ Годунов неожиданно объявил об отказе от трона: «царские власти паки отрицаешся со слезами и на престоле не хотяше сидети»⁷³. «Отречение» Бориса следует, по-видимому, связать с новыми осложнениями в его взаимоотношениях с влиятельными боярскими кругами. При редактировании утвержденной грамоты в 1599 г. царская канцеля-

рия старательно вычеркнула все сведения об «отречении».

Новая акция правителя отвечала заранее составленному сценарию. Она позволила патриарху вновь обратиться к царице-инокине за указом. Старица Александра без промедления «повелела» брату ехать в Кремль и короноваться. Свой указ Годунова облекла в самые недвусмысленные выражения. «Приспе время обещися тебе в порфиру царскую», — заявила она брату. Новый ход годуновской партии был хорошо рассчитан. Поскольку патриарх не мог короновать претендента без согласия всей Боярской думы (а между тем некоторые влиятельные руководители думы продолжали упорствовать), необходимый боярский приговор был заменен указом постриженной царицы.

30 апреля правитель во второй раз торжественно въехал в Кремль⁷⁴. Церемония повторилась во всех подробностях. За Неглинной Бориса ждали духовенство и народ. Правитель выслушал службу в Успенском соборе, а затем водворился в царских палатах. Очевидец переселения Бориса записал: «Апреля в 30-й день поселился во дворце вместе с царицей и чадами»⁷⁵. Пока нареченный царь не утвердился в Кремле, положение его оставалось двусмысленным. Переезд в царский дворец покончил с неопределенным положением.

Борис не осмелился применить санкции против влиятельных членов Боярской думы, но постарался ловким маневром связать им руки.

С начала марта Москву наводнили слухи о больших военных приготовлениях в Крыму, направленных против России. 1 апреля Разрядный приказ объявил, что хан идет на Русь

«часа того». Сведения оказались недостоверными. Тем не менее 20 апреля Разряд вновь поведал, что Крымская орда «идет на государевы украины»⁷⁶. Татары готовились к походу в Венгрию. Однако возможность их внезапного вторжения нельзя было исключить полностью. Впрочем, если бы угрозы нападения и вовсе не существовало, Годунову было выгодно ее выдумать. В условиях военной опасности правитель рассчитывал сыграть роль спасителя отечества и добиться полного послушания от бояр. 20 апреля Годунов заявил, что сам лично возглавит поход на татар. В начале мая военные силы были собраны, а бояр поставили перед выбором: либо занять высшие командные посты в армии, либо отказаться от участия в обороне границ и навлечь на себя обвинения в измене. В такой ситуации руководство Боярской думы было вынуждено капитулировать. Борис добился своей цели.

По замыслу инициаторов апрельского шествия Борис должен был короноваться тотчас после переезда в Кремль. Поход против татар помешал осуществлению их планов. Отсрочка с коронацией тревожила сторонников Годунова, и они решили завершить работу над утвержденной грамотой об избрании Бориса на трон. Основной идейный замысел нового документа состоял в том, чтобы изобразить воцарение правителя как свершившийся факт. 30 апреля патриарх возложил на Бориса крест Петра Чудотворца. Возложение креста, писали авторы грамоты, и «есть

начало царского государева венчания и скифетродержания». Таким образом, составители грамоты предлагали рассматривать церемонию в Успенском соборе как предварительную коронацию Бориса. В том же духе они интерпретировали и переезд правителя в царский дворец, когда тот «сяде на царском своем престоле»⁷⁷.

В текст майской утвержденной грамоты после некоторой редакционной переработки была включена вся многочисленная прогoduновская документация, составленная в процессе деятельности избирательного Земского собора.

Январский черновой текст «Соборного определения» послужил основой при составлении введения утвержденной грамоты. Введение воспроизводило тезис о том, что Бориса благословили на царство два последних царя из законной династии. Составители утвержденной грамоты сохранили и дополнили исторические примеры, описывавшие избрание на царство Давида, Иосифа, Михаила и пр., но при этом старательно вычеркнули все указания на незнатное происхождение древних персонажей. Обширный текст: «Любезно же чтуще... творяй в вас дух святой...» — был перенесен в новую грамоту без изменений⁷⁸.

Авторы январского «определения» несколько преждевременно описали сцену единодушного избрания Бориса на соборе. Она пришлась по вкусу составителям майской грамоты, и они воспроизвели ее целиком, отнеся к более позднему времени:

Чины «вси, аки едиными усты велегласно вопияху на много час, глаголюще: «Бориса Федоровича хотим!»»⁷⁹

Чины «велегласно, яко едиными усты глаголаху... бити челом... Борису Федоровичу... и весь многочисленный народ велегласно вопияху на много час...»⁸⁰.

Патриаршая канцелярия включила в утвержденную грамоту текст «хартии», зачитанный на избирательном соборе 17 февраля, а также использовала текст окружной грамоты патриарха об избрании Бориса от 15 марта (апрельские «моления» в Новодевичьем монастыре) и посольский наказ 16—17 марта 1598 г. (описание «моления» царицы после ее пострижения)⁸¹.

После того как работа над утвержденной грамотой была завершена, ее текст зачитали на священном соборе, а затем, как значилось в документе, патриарх и епископы к «грамоте руки свои приложили и печати свои привесили... а бояре, и окольные, и дворяне, и диаки думные руки ж свои приложили»⁸². Было бы наивным принять это свидетельство источника за чистую монету. Формула подписания (в прошедшем времени) была вполне уместна в проекте документа, предназначавшегося для формальной заверки. Но был ли осуществлен проект на самом деле?

Архивариусы, осматривавшие и скопировавшие текст майской грамоты, засвидетельствовали, что на документе не было печатей, а стояли лишь подписи духовных лиц. Светские чины не подписали утвержденную грамоту. Патриаршая канцелярия не смогла составить даже списки мирских членов собора, которых следовало привлечь для «рукоприкладства». Причины отсутствия на утвержденной грамоте боярских подписей можно объяснить. Текст документа был написан и принесен к патриарху «по мале времени» после переезда Бориса в Кремль, иначе говоря, вскоре после 30 апреля. Между тем почти все члены думы покинули Москву 7 мая в

связи с военной опасностью — походом против татар.

Анализ текста утвержденной грамоты обнаруживает один поразительный факт. Составители документа намеревались собрать подписи у бояр, окольных, дворян и дьяков думных, т. е. только у членов Боярской думы. Следовательно, в мае власти не считали необходимым вновь созывать низшие и наиболее многочисленные курии Земского собора, включавшие недумных дьяков, детей боярских, приказных людей и гостей, для заверки документа. Стало быть, утвержденную грамоту предполагалось скрепить не как соборный приговор, а как постановление Боярской думы и духовенства.

Отдав приказ о сборе под Москвой всего дворянского ополчения, Борис в начале мая выехал к полкам на Оку. Русской армии не пришлось отражать неприятельское нашествие, тем не менее она пробыла на Оке два месяца. Это время Годунов использовал, чтобы завоевать на свою сторону симпатии всей массы уездных дворян, детей боярских и ратных людей. Дворян щедро потчевали за «царским столом», а затем им раздали денежное жалованье. Серпуховский поход стал важным этапом в избирательной кампании Бориса Годунова. Шум военных приготовлений помог заглушить голос оппозиции. Раз подчинившись правителю, бояре в своих неизбежных местнических счетах должны были прибегать к его суду, а это было равнозначно признанию за ним царского ранга. Борис поступил очень умно, постаравшись удовлетворить самолюбие своих главных противников. Все они получили самые высокие посты в армии.

Во время серпуховского похода Борис исполнял функции самодержца в полном объеме. В мае он подтвердил жалованную грамоту новгородского Юрьева монастыря, отписал деревеньку у другого монастыря под Серпуховом и т. д. Это было время и первых дипломатических признаний. В мае английская королева Елизавета официально поздравила Годунова с восшествием на престол. В том же месяце ливонские «державцы» признали за Борисом царский титул. В июне полномочные крымские послы вели переговоры с Борисом как с царем⁸³. Не позднее июля польский король Сигизмунд III уведомил папского нунция о том, что «Борис назначен правителем Московии как великий князь». При дворе ссылались на письмо королевского гонца А. Вирского из Москвы, в котором сообщалось, что Борис уже стал правителем и усмирил противников. Вместе с тем в Речь Посполитую поступили сведения, что «супруга покойного великого князя поставила на управление княжеством своего брата Бориса до тех пор, пока не будет поставлен настоящий князь»⁸⁴.

Неблагоприятная информация заключала в себе лишь долю истины. Без коронации избрание Бориса на трон не было делом законченным. Но решающий этап борьбы за власть был уже позади. Успех Бориса объяснялся тем, что его политика отвечала чаяниям и нуждам феодального дворянства. В серпуховском лагере правитель добился того, что его признали царем как столичные дворяне, так и вся масса уездного дворянства. Провинциальная служилая мелкота составляла подавляющую массу господствующего сословия. Ее энтузи-

азм помог Борису преодолеть колебания в среде столичного дворянства, почти в полном составе участвовавшего в серпуховском походе. Как только провинция сыграла отведенную ей роль, она должна была вновь уйти в тень.

С окончанием серпуховского похода правитель немедленно распустил по домам «детей боярских всех московских городов» и ратных людей, а всем столичным чинам — «боярам, и окольничим, и приказным людям, и столникам, и стряпчим, и жилцем, и дворянам болшим, и дворянам из городов» — указал идти к Москве⁸⁵. Возвращение высших дворянских чинов в столицу создало потенциальную возможность для возобновления работы представительного Земского собора. Однако трудно сказать, в какой мере власти ею воспользовались⁸⁶. Предположение о том, что летом 1598 г. деятельность избирательного собора вступила в решающую фазу, опирается главным образом на дату 1 августа в тексте утвержденной грамоты последней редакции. Но подложность этой даты выяснена выше.

Патриарх Иов ждал возвращения Бориса Годунова из серпуховского похода и тщательно готовился к этому торжественному моменту. К июлю патриаршая канцелярия завершила сбор подписей под текстом майской грамоты. Помимо иерархов, традиционно входивших в священный собор, грамоту скрепило многочисленное «несоборное» духовенство: 30 протопопов и игуменов из церквей и второстепенных монастырей столицы и 30 игуменов из провинциальных монастырьков и пустыней. В июле канцелярия сочла необходимым прокомментировать майские списки, чтобы

оправдать как чрезмерное расширение духовного собора, так и отсутствие на нем некоторых видных иерархов — архиепископа Гермогена и его главных архимандритов — казанского и свияжского. В официальной иерархии Гермоген считался третьим лицом после патриарха, а его архимандриты числились в списке десяти главных настоятелей России. Чтобы объяснить их отсутствие в майском списке, редакторы пояснили, что казанские церковники в то время были заняты «великими церковными потребностями и земскими делами» и поэтому не смогли явиться в столицу для царского избрания⁸⁷. Оправдания патриаршей канцелярии никого не могли убедить. Более того, они с полной очевидностью доказывали, что патриарх в течение длительного времени не допускал Гермогена и его людей в столицу. Недостаточно авторитетный Иов, полностью подчинившийся церковью видам правителя, опасался, что Гермоген, человек непреклонный и влиятельный, возглавит оппозицию против Годунова.

В обычных условиях власти никогда не собирали Священный собор и думу в полном составе, а довольствовались созывом особо доверенных лиц и тех, кто оказывался под рукой в столице. Точно так же не все участники соборов собственноручно скрепляли соборные постановления. Однако царское избрание было делом экстраординарным, и поэтому власти собрали под списком из 115 лиц 126 подписей. Списочный состав «вселенского» собора заметно расходился с подписями. Заверка утвержденной грамоты растянулась на много месяцев. Только этим можно объяснить, что документ подписали два

игумена псковского Святогорского монастыря (старый игумен Исая, названный в списке, и его преемник игумен Игнатий), а также два игумена новгородского Вязецкого монастыря (игумен Закхей и «новой игумен Закхей»). Разумеется, смена властей в далеких монастырях не могла произойти мгновенно.

Провинциальные церковники заверяли утвержденную грамоту по мере приезда в Москву. Со столичным духовенством дело обстояло иначе. Казалось бы, нет ничего проще, как собрать подписи старцев, находившихся под рукой, даже в самом Кремле. На деле подписи и в этом случае расходились со списочным составом. Вряд ли эти расхождения были случайными, как может показаться на первый взгляд. Притч Успенского собора, верный патриарху Иову, участвовал в многократных церемониях наречения Бориса на царство. Не удивительно, что пятеро главных священников собора попали в списки и приложили руку к грамоте. Зато семейный храм царя Федора, Благовещенье, был представлен в списке только двумя иерархами, причем ни один из них не поставил своей подписи под грамотой. Благовещенский протопоп обычно исполнял роль царского духовника. Отсутствие его подписи трудно объяснить. Из десяти столичных протопопов четверо не подписали майскую грамоту. В ряде случаев руки приложили не те лица, которые были поименованы в перечне.

На основании приписки к тексту утвержденной грамоты можно заключить, что в июле патриаршая канцелярия вернулась к проекту подписания документа светскими чинами.

Свидетельством тому служат следующие строки приписки: к «сей... грамоте патриарх... и епископы руки свои приложили... а бояре руки ж свои приложили, а архимандриты... и честные соборные старцы, и протопопы, и дворяне, и приказные люди руки свои приложили...»⁸⁸. В традиционной соборной документации духовные и светские чины всегда писались раздельно. И в основном тексте майской грамоты формула подписания грамоты соборными чинами строго соответствовала протоколу. Однако составители приписки второпях грубо нарушили традицию, смешав светскую и духовную «лествицы» чинов. В результате бояре оказались записанными под епископами, а дворяне и приказные — после протопопов. В жизни бояре и дворяне никогда бы не потерпели такого унижения.

Проект подписания утвержденной грамоты членами думы не был осуществлен ни в мае, ни в июле. В дни серпуховского похода Борис окончательно добился повиновения от боярского руководства. Последние препоны к присяге в думе и коронации пали. Надобность в особой утвержденной грамоте, казалось бы, отпала.

Вековой обычай предписывал проводить присягу в зале заседания высшего государственного органа — Боярской думы. Церемонией могли руководить только старшие бояре. Дума цепко держалась за старину. Но Борис не посчитался с традицией и велел целовать себе крест не в думе, где у него было слишком много противников, а в церкви, где распоряжался преданный Иов.

Москва целовала крест царю «в пору жатвы», т. е. в конце июля — августе. Участник церемонии Иван

Тимофеев рассказывает, что собравшиеся в Успенском соборе москвичи громко выкрикивали слова присяги, так что от их воплей не слышно было молитв и приходилось затыкать уши. По словам дьяка, население собралось в соборе потому, что боялось послушаться грозного предписания⁸⁹. Текст летней присяги содержал пространственный перечень обязательств поданных по отношению к «богоизбранному» царю. Подданные обещали «ни думати, ни мыслити, ни семьитись, ни дружитись, ни ссылатись с царем Семионом» и немедленно выдавать Борису всех, кто попытается «посадити Семиона на Московское государство». Летняя присяга положила конец планам оппозиции относительно передачи трона «царю» Симеону.

Вступая на трон, Борис был крайне угнетен возможностью тайных злоумышлений недоброжелателей. Казалось, он, предугадывая грядущие потрясения, старался оградить от них себя и свою семью. Присягавшие принимали обязательство «не соединяться на всякое лихо и скопом и заговором (на Годуновых.— Р. С.) не приходити». Новые пункты присяги призваны были убедить всех, что новый царь намерен водворить в стране порядок и справедливость. Чиновники клялись, что будут судить без посулов «в правду»⁹⁰.

Подготавливая почву для коронации, власти 1 сентября организовали еще одно торжественное шествие в Новодевичий монастырь с участием духовенства, бояр, гостей, приказных людей и жителей столицы. Борис, заранее прибывший в монастырь, милостиво согласился венчаться царским венцом «по древнему обычаю»⁹¹. Два дня спустя Годунов короновался в

Пир. А. Олеарий. ГПБ

Успенском соборе в Кремле. По этому случаю многие знатные лица получили высшие думные чины. В числе удостоенных особых милостей были Романовы и Бельский. Бояре получили гарантии против возобновления казней. Государь дал обет не проливать крови в течение пяти лет.

По случаю «воцарения» Борис удостоил своих подданных многих милостей. Наибольшие преимущества получило, без сомнения, дворянство. Согласно заявлениям Посольского приказа, царь пожаловал всяких служилых людей своей царской казной: «на один год вдруг три жалованья велел дать». Ряд временных податных льгот получило население посадов. Так, 15 сентября 1598 г. правительство «отарханило» новгородский по-

сад, сложив «денежные всякие доходы» со дворов, с торгов и мелких промыслов. Разоренная дотла Корела, только что возвратившаяся в состав Русского государства, получила льготу от всяких податей на десять лет. Льготы частично распространились и на другие категории населения. В Сибири власти пожаловали сибирских людей, сложив с них ясак на 7108 (1599/1600) г.⁹²

После коронации положение Годунова на первых порах оставалось неустойчивым. В начале января 1599 г. в Польше и Ливонии упорно циркулировали слухи о том, что новый царь убит своими боярами. Король Сигизмунд III получил известия об этом сразу из нескольких источников. Из Орши ему сообщали, что Годуно-

Царский кабак. XVII в. А. Олеарий. ГПБ

ва убил «некий царек» (Симеон — ?). Из Вильны доносили, будто во время аудиенции в Кремлевском дворце Борис ударил посохом одного из Никитичей (Романовых), за что тот поколол его ножом⁹³. Сведения оказались недостоверными, но в них слышался отзвук продолжавшихся раздоров между Годуновым и знатью.

Политическая ситуация в Москве была лишена стабильности, и в Кремле вновь вспомнили об «утвержденной грамоте». Майская грамота включала документы, составленные в разгар избирательной борьбы. Некоторые из них (например, «хартия» в пользу Бориса) имели характер предвыборных памфлетов. Не удивительно, что они окончательно устарели после коронации Годунова. Царской

канцелярии пришлось немало потрудиться, чтобы составить новый текст «утвержденной грамоты», радикально отличавшийся от старого.

В дни избирательной кампании сторонники Бориса старались убедить народ, будто сам Грозный, а затем Федор благословили его на царство. Со временем Посольский приказ отказался от этой версии, по крайней мере в своих разъяснениях, адресованных союзникам. В январе 1599 г. русские дипломаты сообщили венскому двору, что Борис Годунов «учинился» на государстве «по благословению великой государыни сестры нашей царицы и великие княгини Александры и по челобитью и по прошению святейшего Иова патриарха, и всего вселенского собора, и всех

чинов всяких людей государства нашего»⁹⁴. Посольская версия получила отражение в последней редакции утвержденной грамоты.

Из майской грамоты следовало, что царь Федор, умирая, приказал Борису свою душу, свою супругу и «все свои великие государства Российского царствия». Отредактированный текст гласил, что Федор приказал свою душу «отцу своему и богомольцу» патриарху Иову и «шурина своему царскому». Авторы майской грамоты «цитировали» следующее предсмертное обращение Ивана IV к Годунову: «Тебе приказываю душу свою, и сына своего Федора Ивановича, и дочь свою Ирину, и все царство наше великаго Российского государства». Согласно новой редакции, царь заявил любимцу: «Тебе приказываю сына своего Федора и богом дарованную дочь свою Ирину, ты же соблюди их от всяких зол»⁹⁵.

После завершения работы над утвержденной грамотой власти собрали членов Земского собора, которые скрепили документ своими подписями. Очевидно, церемонии подписания соборного приговора предшествовало ознакомление участников собора с текстом вновь подготовленного документа. Имеются некоторые косвенные данные, подтверждающие предположение о возобновлении деятельности Земского собора в начале 1599 г. Согласно опубликованным перечням иммунитетных грамот, Б. Ф. Годунов подтвердил ряд жалованных и прочих монастырских грамот в следующей последовательности: в мае 1598 г. — 1, в июне — 2, в августе — 5, в сентябре — 10, в октябре — 3, в ноябре — 8, в декабре — 2; в январе 1599 г. — 10, в феврале — 11, в мар-

те — 10, в апреле — 2, в августе — 4⁹⁶. Заверка грамот требовала присутствия духовных лиц в Москве. Наибольшее количество заверок падает на сентябрь 1598 г., когда церковники съехались в Москву для участия в коронации Бориса, а также на январь—март 1599 г., время предполагаемого собора. Перемены в составе Земского собора на последнем этапе его деятельности сводились к следующему. Функционировавший до коронации «вселенский» собор был распущен и уступил место священному собору в его традиционном составе. Несоборные иерархи были исключены из перечня утвержденной грамоты, и лишь некоторым из них в виде исключения разрешили подписать документ. Патриаршая канцелярия не скрывала причин, побудивших ее аннулировать подписи членов собора на тексте майской грамоты. Старые списки, пояснила канцелярия, были написаны по памяти, «а не по степенным книгам уложению», которые не удосужились разыскать в архиве, поскольку утвержденную грамоту составляли второпях. Церковные власти сделали в июле приписку к тексту грамоты, косвенно воспрепятствовавшую духовным чинам использовать майские списки в своих местнических спорах. «И впредь им (духовным иерархам.— Р. С.) о местех,— гласила приписка,— как царь государь и великий князь Борис Федорович всея Руси укажет»⁹⁷.

Последнее замечание объясняет, почему в мае патриаршая канцелярия не смогла составить списки светских членов собора. Главным камнем преткновения были местнические порядки. Любая неточность в расположении имен могла повлечь вереницу

Представление скоморохов. А. Олеарий. ГПБ

местнических тяжб. Без привлечения Разрядного приказа задача не могла быть решена. Лишь с помощью разрядной документации власти могли составить такие списки членов собора, которые не нарушили бы сложной системы местнических отношений. В то же время учли бы перемены, связанные с утверждением новой династии. Наличие особой редакции перечня участников собора, сохранившейся в составе Плещеевской разрядной книги, свидетельствует о том, что Разрядный приказ, возможно, не сразу решил стоявшую перед ним задачу.

Оценивая деятельность собора 1599 г., не следует упускать из виду, что он был созван уже после того, как Борис прочно «сел» на царство. По существу члены собора не обсуждали вопрос, кого избрать на трон. У них не было выбора. Деятельность собора свелась к тому, что его участники заслушали текст утвержденной грамоты и поставили подписи на документе, не слишком точно излагавшем историю воцарения Годунова. Подписание грамоты заняло продолжительное время, и властям не удалось добиться соответствия между перечнем и подписями членов собора. Можно насчитать много десятков

случаев, когда лица из списочного состава не участвовали в «рукоприкладстве». Зато другие лица, не фигурировавшие в списках членов собора, скрепили грамоту подписями. Во многих случаях один человек расписывался за другого либо сразу за два — четыре лица. Трудно решить, кто из них присутствовал на соборе в самом деле, а кто расписался на соборном приговоре задним числом.

Утвержденная грамота 1599 г. имела значение своего рода поручной записи. Ее списки четко очерчивают тот круг лиц, от которых Борис требовал особых доказательств лояльности. К нему принадлежали помимо высших духовных иерархов боярство и столичная знать.

Деятельностью ранних избирательных соборов руководили Годуновы и их сторонники. На послекоронационном соборе Боярская дума присутствовала почти в полном составе. Пропуск некоторых имен в списках носил, по-видимому, случайный характер. В перечне отсутствовали как известные противники Годунова (князь А. П. Куракин, Голицыны), так и его рьяные приверженцы (Ф. И. Хворостинин). Не будучи поименованы в перечне участников собора, почти все эти лица, включая Куракина, Голицыных, И. И. Шуйского и Хворостинина, со временем поставили свои подписи на тексте утвержденной грамоты⁹⁸.

Помимо думных чинов власти пригласили на собор значительную часть столичного дворянства, высшие дворцовые чины, стольников, стряпчих, «жильцов», приказную бюрократию, стрелецких голов. Цвет столичной знати и служилые верхи были представлены на соборе с наиболь-

шей полнотой. Они решительно преобладали в составе служилых курий собора. Что касается провинциального дворянства, то некоторое представительство на соборе получили прежде всего его верхи, организованные в так называемый выбор из городов. В целом «выбор» насчитывал примерно 800 человек от 51 города, и его члены периодически несли службу в столице. Ко времени собора в Москве находилось немногим более 100 дворян из «выбора», от одного до девяти представителей от 35 городов. Из их числа власти пригласили на собор менее половины — 45 человек, от одного до четырех представителей от 21 города⁹⁹. Отметив несоответствие между группами «выборных» дворян на местах и их представительством на соборе, С. П. Мордовина отвергла самую возможность каких-либо регламентированных выборов или вызова на Земский собор «делегатов» от местных дворянских обществ.

Такая точка зрения представляется не вполне верной. Дело в том, что от внимания С. П. Мордовиной ускользнули подписи некоторых провинциальных детей боярских, затерявшиеся среди подписей столичных посадских людей в самом конце грамоты. Эти дети боярские отнюдь не принадлежали к московскому «выбору» и на служебной лестнице стояли невысоко. На грамоте можно прочесть подписи «Второго Тыртова во всей Шеломянские пятины место», Никиты Львова «и в Воцкие пятины место», Варшуты Дивова «и во всех ржевич место», Ондreja Ивашева «и во всех белян место»¹⁰⁰. Шелонский помещик Второй Федоров Тыртов «спешно служил в последние годы

Ливонской войны и был известен в своей местности»¹⁰¹. Подобно Тыртову, Никита Львов, Варфоломей (Варшута) Константинович Дивов и Андрей Ивашов также принадлежали к разряду провинциальных служилых людей. Их участие в Земском соборе не было запланировано заранее: власти не включили ни одного из них в список приглашенных на собор. Тем не менее они смогли поставить свои подписи под утвержденной грамотой. В отличие от всех прочих дворян, подписывавшихся только за себя, названные дети боярские выступали не от своего только имени, но от имени всех служилых людей своего уезда. Почему именно эти лица были избраны в качестве представителей уездов и какие полномочия они получили от своих уездных помещиков, сказать трудно.

Новгородские помещики составляли одну из самых влиятельных корпораций тогдашнего дворянства. Подписи представителей новгородских пятин, а также белян и ржевич удостоверяли участие в царском избрании служилых людей тех земель Северо-Запада, которые не имели представителей в составе московского «двора».

Поздний Земский собор не искал поддержки у «всенародного множества». Тем не менее самое широкое представительство на нем получили верхи столичного посада — богатые купцы и посадская администрация. В списках собора значились 22 гостя и 2 гостиных старосты (все они, за единственным исключением, поставили свои подписи на грамоте), а также 14 соцких, возглавлявших тяглые «черные» сотни Москвы. За многих соцких подписи поставили рядовые

тяглецы из состава посада. Присутствие «черных» тяглых людей придавало этому собору подлинно земский характер.

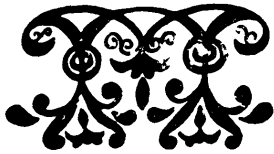
В ходе избирательной борьбы Земский собор многократно менял свои формы и состав. Ранний январский собор 1598 г. носил, по-видимому, традиционный характер и включал Боярскую думу, высшее духовенство, представителей дворян и т. д. Раскол в думе вынудил руководителей избирательного собора обратиться за поддержкой к столичному посадскому населению. Соборная практика вышла из рамок традиции. Наличная документация позволяет составить точ-

ное представление о Земском соборе, созванном властями в январе 1599 г. Представительность этого собора не вызывает сомнений. В соответствии с традицией большинство его членов были назначены правительством, но на нем присутствовали также представители уездного дворянства и столичного посада.

Соборы 1598—1599 гг. сыграли важную роль в истории сословно-представительных учреждений в России. Они явились переходной ступенькой от первых соборных совещаний середины XVI в. к более представительным и полномочным соборам начала XVII в.

ЗАКРЕПОЩЕНИЕ КРЕСТЬЯН

Основной законодательный материал конца XVI в. сравнительно хорошо сохранился до наших дней. Имеется много десятков приговоров и указов того времени, посвященных не только первостепенным, но и маловажным сюжетам. Среди самых значительных законов определенно отсутствует лишь один, оказавший неизмеримое влияние на весь ход экономического развития России. Это указ о закрепощении крестьян. Законодательство по крестьянскому вопросу последовательно прослеживается с конца XV в. до Соборного уложения 9 марта 1607 г., но в этой цепи недостает самого важного звена — закона об отмене Юрьева дня. Отмеченный парадоксальный факт получил различное истолкование в историографии.

Сторонники «указной» теории считали, что указ о закрепощении крестьян был со временем утерян. В. Н. Татищев датировал неразысканный указ 1592 г.¹ Теорию «указного» прикрепления разделяли такие историки, как Н. М. Карамзин, С. М. Соловьев, Н. И. Костомаров, В. И. Сергеевич. Законодательное прикрепление крестьян к земле, по мнению С. М. Соловьева, было проведено ради общегосударственной пользы ввиду обширности и малонаселенности территории России, недостатка рабочих рук на землях помещиков, обеспечивавших оборону страны².

Критиками теории «указного» закрепощения крестьян выступили М. П. Погодин, В. О. Ключевский, М. А. Дьяконов, П. М. Милюков. Названные историки отрицали значение правительственных распоряжений в деле установления крепостного права и сформулировали теорию «безуказного» закрепощения русско-

го крестьянства. В. О. Ключевский усматривал экономические истоки закрепощения в крестьянской задолженности, чрезвычайно усилившейся во второй половине XVI в. По мнению В. О. Ключевского, долговая зависимость сближала великорусского крестьянина с кабальным холопом и лишала его права выхода в Юрьев день. Крестьянин прикреплялся не к земле, а к личности землевладельца. Государство заботилось лишь о том, чтобы процесс закрепощения не нарушал крестьянского тягла и не ущемлял интересов казны. Крепостное право, утверждал В. О. Ключевский, было создано не государством, а только при его участии³. М. А. Дьяконов, исследуя положение различных категорий сельского населения Московской Руси, уделил особое внимание категории «старожильцев», в возникновении которой, по его мнению, существенную роль сыграла задолженность крестьян⁴. Теория «безуказного» закрепощения обрела законченность, когда П. М. Милюков сформулировал три основных фактора закрепощения: прикрепление крестьян к тяглу, «старожильство» и рост крестьянской задолженности⁵.

Благодаря авторитету В. О. Ключевского и П. М. Милюкова тезис о «безуказном» закрепощении стал доминировать в дореволюционной историографии. Дискуссия между сторонниками и противниками «безуказной» теории получила новое направление после открытия материалов о заповедных годах⁶. Однако первые попытки истолковать данные о заповедных годах в теоретическом плане оказались не слишком удачными⁷. Сторонник «безуказной» теории М. А. Дьяконов в специальной рабо-

те «Заповедные и выходные лета» подтвердил сделанный ранее вывод о том, что крестьянский выход и правила перехода, установленные Судебником 1550 г., отмирали без законодательной отмены. М. А. Дьяконов считал, что в начале 90-х годов XVI в. общим законом оставалась статья Судебника о крестьянском выходе, а следовательно, правила о заповедных летах имели лишь частное, или местное, применение: действие общего закона о Юрьеве дне временно отменялось для отдельных лиц по особым пожалованиям и для отдельных местностей специальными распоряжениями⁸.

В советской историографии проблема заповедных лет была детально исследована в трудах Б. Д. Грекова, С. Б. Веселовского, В. И. Корещуко. Конкретный ход закрепощения Б. Д. Греков представлял следующим образом. При Иване Грозном, в самом начале 80-х годов XVI в., правительство издало Указ о заповедных годах, в силу которого крестьяне лишились права выхода в Юрьев день⁹. С. Б. Веселовский согласился с выводом Б. Д. Грекова, но высказал предположение, что при Грозном заповедные годы действовали в пределах ограниченной территории¹⁰. По Б. Д. Грекову, заповедные годы сразу приобрели значение общегосударственной меры.

Архивные находки последних лет расширили поле наблюдений. В итоге многолетних разысканий В. И. Корещукий обнаружил документы с прямой ссылкой на царский указ о заповедии крестьянского выхода. Однако вновь открытые источники называют автором указа об отмене Юрьева дня не Ивана IV, а царя

Федора. Открытие В. И. Корецкого стало важной вехой в изучении проблемы закрепощения и неизбежно привело к возобновлению дискуссии. В центре обсуждения оказались следующие вопросы: существовал ли один или было два указа о закрепощении крестьян? Чем заповедные годы Ивана IV отличались от заповедных лет царя Федора? На какой территории действовал указ о заповедных годах, т. е. имел ли он всеобщий или локальный характер?

Пока текст указа не разыскан, любые суждения о нем будут иметь характер гипотезы. Значение же гипотезы определяется тем, насколько хорошо она согласуется со всеми имеющимися фактами и источниками. В основу теории заповедных лет положен крайне ограниченный круг источников. Это несколько поместных грамот Деревской пятины и приходно-расходные книги Иосифо-Волоколамского монастыря 80-х годов XVI в.¹¹ Названные документы требуют всесторонней критической проверки.

Комплекс источников, непосредственно упоминающих о действии заповедных лет в 80-х годах, исчерпывается восемью разрозненными грамотами из делопроизводственных документов Деревской пятины Новгородской земли. Все восемь грамот составлены в одном Едровском стане Деревской пятины и характеризуют положение лишь в четырех поместьях. Между тем в пятине насчитывалось несколько станов и несколько сот поместных владений.

Грамоты позволяют установить, что в 1588—1589 гг. три едровских помещика требовали возвращения в свои поместья крестьян, ушедших от

них в заповедные 7090—7096 гг. На этом основополагающем факте и строится вся традиционная хронология заповедных лет. Коль скоро источники называют первым заповедным годом 7090-й, то, очевидно, «заповедь» была введена не позднее этой даты царствовавшим в то время Иваном Грозным.

Д. Я. Самоквасов при публикации обнаруженных им едровских грамот отметил интересное хронологическое совпадение. В грамотах 7090 год фигурирует в качестве даты первого заповедного года. В том же самом году государевы писцы произвели описание Деревской пятины. В этом внешнем совпадении Д. Я. Самоквасов усмотрел прямую причинную связь¹². Аналогичную точку зрения высказал В. И. Корецкий. По его мнению, введение заповедных лет и отмена Юрьева дня в пределах Деревской пятины были непосредственно связаны с составлением писцовых книг этой пятины в конце 1581 (7090) г.¹³

Наблюдение Д. Я. Самоквасова включает в себе очевидную ошибку. На едровских книгах действительно имеется помета «7090 г.». Однако она вовсе не свидетельствует о том, что описание Деревской пятины началось в сентябре — декабре 1581 (7090) г., т. е. в период предполагаемой отмены Юрьева дня. (По правилам Судебника, крестьяне могли покинуть своих помещиков в течение двух недель на Юрьев день — 26 ноября.) Осенью и зимой 1581 (7090) г. польские и шведские войска производили непрерывные нападения на Деревскую пятину и смежные с ней новгородские земли. Проводить описание на театре военных действий было опасно и бес-

полезно. В феврале 1582 (7090) г. Россия заключила мир с Речью Посполитой. Лишь после этого правительство получило возможность послать писцов в Деревскую пятину, чтобы выяснить масштабы разорения Новгородской земли¹⁴. Скорее всего деревские писцы приступили к работе с наступлением лета 1582 г.

Историки использовали в своих построениях датировку деревской писцовой книги, но никогда не обращались к ее показаниям по существу. Этот факт кажется парадоксальным, если принять во внимание, что описание Едровского стана 1582 г. является единственным источником, позволяющим подвергнуть критической проверке показания едровских поместных грамот конца 80-х годов, содержащих указания на заповедные годы.

Если доверять свидетельству едровских грамот, режим заповедных лет определенно начал действовать с 7090 г., по крайней мере в пределах небольших поместных владений двух деревских дворян — Ивана Непейцына и князя Богдана Кропоткина.

В 1588 г. Непейцын затеял тяжбу с соседним монастырем. Он требовал возвратить ему крестьян Ваську и Трешку Гавриловых на том основании, что «они збежали в заповедные годы 90-м году из-за Ивана из-за Непейцына из деревни с Крутца, а Иван был на государеве службе в Лялицах». По разрядным книгам можно установить, что Непейцын ходил к Лялицам и бился там со шведами в феврале 1582 (7090) г.¹⁵

Случилось так, что в том же году, когда от Непейцына ушли его крестьяне, в поместье явились «большие писцы». В составленных ими писцо-

вых книгах 7090 г. значится: «За Иваном за Амиревым, сыном Непейцына, село Крутец на реке Мсте, а в нем двор помещиков да 2 двора людских, пашни паханные 5 четей, а перелогу 15 четей в поле, а в дву потому ж... в живущем полобжи, а впусе полторы обжи»¹⁶.

Если бы режим заповедных лет был действительно введен в пределах Едровского стана с осени 1581 (7090) г., то писцы, явившиеся в поместье Непейцына, должны были бы выяснить и записать имена по крайней мере тех крестьян, которые вышли из поместья в текущем заповедном году и нарушили только что изданный указ. Но писцы только поместили за Непейцыным десяток пустых крестьянских дворов без указания имен бывших владельцев и времени, когда они покинули свои дворы. В частности, они не упомянули о крестьянах Гавриловых, сбежавших из Крутца буквально накануне описания. Отсюда можно сделать вывод, что в период описания поместья Непейцына, в 1582 — 1583 гг., режим заповедных лет в пределах Едровского стана не действовал. Проверка обыскных грамот с помощью писцовых материалов не подтверждает, таким образом, традиционного взгляда на хронологию заповедных лет. В деревских книгах не удастся обнаружить следы действия указа 1581 г. о заповедных летах.

К аналогичным выводам приводит сравнительный анализ писцовых материалов и обысков поместья князя Б. И. Кропоткина, который в одно время с Непейцыным пытался вернуть 13 крестьян, ушедших с его земли (в том числе и из деревни Марьин Рядок) к соседним помещикам в заповедные годы. «Большие писцы»

описали Марьин Рядок на Березае в заповедном 1582 (7090) г.¹⁷ Это описание выполнено более тщательно и подробно, чем описание поместья Непейцына. Так, писцы выяснили и записали имена бывших владельцев 16 пустых тяглых дворов Марьина Рядка. Но и в этом случае текст писцовых книг не дает оснований утверждать, будто в момент описания здесь действовали заповедные годы. Если бы указ о запрете крестьянских переходов (применительно к Едровскому стану) был действительно издан осенью 1581 г., то писцы непременно бы указали, кто ушел из Марьина Рядка в текущем заповедном году, а кто — до введения «заповеди» — запрета крестьянских переходов.

Писцовые материалы имеют исключительное значение с точки зрения интерпретации обыскных грамот (в поместьях Непейцына и Кропоткина), упоминающих термин «заповедные годы». В деревских писцовых книгах нет даже намек на то, что режим заповедных лет был введен при Грозном, во время описания Едровского стана в 7090—7091 гг.

В значении писцовых книг как документа, утверждавшего права помещика на землю, крестьянские оброки и повинности, не приходится сомневаться. Между тем в наказе деревских писцов отсутствуют какие бы то ни было инструкции по поводу заповедных лет. Приемы «письма» не менялись в течение всего периода описания. Следовательно, в 1582—1583 гг. деревские писцы не получили никаких разъяснений относительно заповедных лет. Они фиксировали тяглое крестьянское население заповедной пятины, используя те же самые приемы, что и писцы всех ос-

тальных «незаповедных» новгородских пятин.

Проверка данных едровских грамот конца 80-х годов с помощью писцовых материалов начала 80-х годов колеблет привычное представление о действии заповедных лет с начала 80-х годов.

Другой источник, на котором базируется традиционная хронология заповедных лет, — приходно-расходные книги Иосифо-Волоколамского монастыря, введенные в научный оборот Н. Тимофеевым¹⁸. В построениях Б. Д. Грекова показаниям волоколамских книг отведено исключительно важное место¹⁹.

Книги Иосифо-Волоколамского монастыря зафиксировали множество крестьянских переходов в период с мая 1573 по сентябрь 1581 г. Максимальное число переходов приходится на 1579/80 г. Но с осени 1581 г. сведения о крестьянском выходе полностью исчезли со страниц монастырских книг. Этот факт Б. Д. Греков был склонен рассматривать как доказательство отмены Юрьева дня в начале 80-х годов. В. И. Корещкий признал значительность аргумента Б. Д. Грекова и пытался объяснить его с помощью гипотезы о распространении режима заповедных лет на вотчину Иосифо-Волоколамского монастыря в начале 80-х годов²⁰. Но обширная документация монастыря тех лет не знает термина «заповедные годы».

Попытаемся критически разобрать показания волоколамских книг. 7 сентября 1581 г. казначей занес на страницы приходно-расходных ведомостей последнюю запись о крестьянском переходе. В этот день монастырский приказчик сдал в казну полти-

ну, «взял выходу на крестьянине на Степанке на Овдокимове»²¹. Из приведенной записи следует, что Степан Евдокимов покинул Волоколамскую вотчину с явным нарушением срока — за полтора месяца до Юрьева дня. Так или иначе, но на страницах приходно-расходных книг Евдокимов фигурирует как последний монастыр-

ский крестьянин, заплативший монахам пожилое и воспользовавшийся правом перехода. Случай с крестьянином Евдокимовым следует признать исключительным. Массовые данные о крестьянских переходах исчезают со страниц волоколамских приходно-расходных книг после 16 марта 1580 г. (см. табл. 5).

Таблица 5

КРЕСТЬЯНСКИЕ ПЕРЕХОДЫ В ВОТЧИНАХ ИОСИФО-ВОЛОКОЛАМСКОГО МОНАСТЫРЯ²²

Крестьяне	1.V.1573— 29.IV.1574	26.VII.1575— 24.VII.1576	7.IV.1579— 29.III.1580	1.V.1581— 18.V.1582
Вышли из-за монастыря	24	13	76	1
Названы в монастырскую вотчину	24	10	20	
Перешли в пределах монастырской вотчины	2	2	—	
Итого	50	25	96	1

Как истолковать этот факт с точки зрения традиционной хронологии заповедных лет?

Б. Д. Греков полагал, что указ Грозного о заповедных летах стал действовать в 1581 г. Иначе говоря, 26 ноября 1581 г., когда наступил Юрьев день, крестьяне впервые не смогли воспользоваться правом перехода. Эта трактовка не дает ответа по крайней мере на два вопроса: почему крестьянские переходы (по материалам монастыря) прекратились за полтора года до введения в жизнь соответствующего закона? Почему монастырские власти прекратили все денежные операции по оплате и взысканию пожилго задолго до предполагаемого введения в их вотчинах заповедных лет?

При оценке показаний монастырских приходно-расходных книг исто-

рики Б. Д. Греков и В. И. Корецкий не учли одно важное обстоятельство. Монастыри вели учет наличного крестьянского населения своих вотчин с помощью специальной документации — писцовых книг. Приходно-расходные книги, будучи документами финансового назначения, не могли сколько-нибудь полно отразить перемены в составе вотчинного населения. Они фиксировали только те крестьянские переходы, которые были связаны с уплатой пожилго. Все случаи, не сопряженные с денежными расчетами (своз или выход без уплаты пожилго), в них попасть, естественно, не могли. Если в годы наибольшего разорения вотчин Иосифо-Волоколамского монастыря приходно-расходные книги не регистрировали ни одного случая выхода крестьян «без отказа», то это объясняется односто-

ронным характером и неполнотой источника.

В самом деле, к началу 90-х годов за монастырем числилось 888 пустых крестьянских вытей²³. На каждую выть приходилось по два-три и более крестьянских двора. Значит, в годы разорения монастырскую вотчину покинуло не меньше тысячи тяглых крестьян. Между тем приходно-расходные книги, составленные в годы наибольшего упадка, зафиксировали всего 114 случаев выхода крестьян из монастырских вотчин (см. табл. 5). Очевидно, разоренные крестьяне не могли платить пожилое в монастырскую казну и покидали монастырь «без отказа». На десятки переходов с соблюдением правил Судебника, отмеченных приходно-расходными книгами, приходились сотни случаев бегства крестьян и выхода их без уплаты пожилого. По мере нарастания кризиса случаи выхода в Юрьев день становились все более редкими. Сами монастырские власти сравнительно рано встали на путь нарушения правил Судебника. Первый случай такого рода формально засвидетельствован расходной книгой в записи от 15 февраля 1580 г. В этот день старцы выдали двум крестьянам деньги «на выход взаем», «а пошли те крестьяне... за монастырь из-за Ивана из-за Головленкова». Помещичьи крестьяне были свезены в монастырскую вотчину через десять недель после Юрьева дня²⁴. Начав с нарушения срока выхода (Юрьева дня), монастырские власти через некоторое время перестали соблюдать и другие правила крестьянских переходов, установленные царским Судебником. После 16 марта 1580 г. всякие сведения о крестьянских выходах исчезли

со страниц волоколамских книг. Свидетельствует ли этот факт об отмене Юрьева дня с весны — лета 1580 г. и о полном прекращении крестьянских переходов в пределах многочисленных волоколамских вотчин? Строго говоря, нет. Он говорит лишь о том, что монастырь прекратил с весны 1580 г. все соответствовавшие нормам Судебника денежные операции по взысканию и ссуде пожилого в своих вотчинах.

Критическое рассмотрение документов вынуждает отвести важнейший довод в пользу утвердившегося взгляда на хронологию заповедных лет.

Показания приходно-расходных книг, неполно и односторонне отражавших перемены в составе крестьянского населения, полезно дополнить показаниями документов, специально составленных с целью учета крестьянского населения. К их числу относятся писцовые книги, и в частности книги 1580 г. дворцовых владений князя Симеона Бекбулатовича Тверского. Сопоставление их с книгами Иосифо-Волоколамского монастыря представляется уместным, поскольку они составлялись в одно время и относятся к смежным или очень близким территориям. Тверские писцовые книги предоставляют в распоряжение исследователя уникальный материал по истории крестьянских выходов. Писцы описали почти два десятка дворцовых волостей и сел, разбросанных по разным концам Тверского и Микулинского уездов. В них числилось более 20 тыс. четвертей пашни в трех полях. К моменту описания более 70% этой площади запустело. Тем не менее в дворцовых волостях оставалось более 2 тыс. тяглых кре-

стьян. Писцы собрали точные данные об обстоятельствах перехода примерно 200 крестьян²⁵. В большинстве случаев крестьяне покидали своих землевладельцев в самые голодные зимние и весенние месяцы года — начиная с конца декабря и до мая (см. табл. 6—8). Юрьев день как срок выхода был соблюден только в 11 случаях²⁶.

Однако соблюдение Юрьева дня не всегда означало выполнение правил выхода по Судебнику. Подьячий А. Варламов вывез двух симеоновских крестьян «по сроке», но «безпошлинно и безотказно». Один крестьянин «вшел ново» в вотчину Симеона из-за помещика И. Головленкова «о Юрьеве дни о осеннем», но не известно, заплатил ли он своему

Таблица 6

ВЫХОДЫ И БЕГСТВО КРЕСТЬЯН ИЗ ТВЕРСКИХ ВОТЧИН СИМЕОНА²⁷

	1574/75 г.	1575/76 г.	1576/77 г.	1577/78 г.	1578/79 г.	1579/80 г.	Без даты	Всего *
Выход, своз и бегство	1	5	8	25	12	151	102	304
в том числе «сбежали безвестно»				4		4	46	54

* Не учитывались переходы крестьян внутри волости и появление новопорядчиков, как правило не датированные.

помещику пожилое. И только восемь крестьян выполнили все правила ст. 88 Судебника, т. е. вышли «по сроку» и «по отказу», с уплатой пожилого. Все они перешли из дворцовой волости Симеона в вотчину знаменитого боярина Н. Р. Юрьева²⁸. По существу приведенными примерами исчерпываются все случаи соблюдения крестьянами и землевладельцами норм Юрьева дня. В подавляющем большинстве случаев землевладельцы свозили крестьян не «по сроку» и «без отказа». Служилые люди Твери, Микулина и смежных уездов решительно встали на путь нарушения норм царского Судебника с 1579/80 г., когда законность Юрьева дня как единственного регулятора

крестьянских переходов не ставилась еще под сомнение властями²⁹.

Показания тверских писцовых книг Симеона и волоколамских приходно-расходных книг согласуются между собой и дополняют друг друга. Они говорят, что в момент наивысшего разорения страны, на рубеже 70—80-х годов, массовая передвижка крестьянского населения полностью нарушила старый порядок крестьянских переходов. Феодалы перестали соблюдать нормы Юрьева дня. Они в массовом порядке свозили и перезывали крестьян не в срок и без уплаты пожилого³⁰. Практически правила Юрьева дня утратили силу задолго до того, как в источниках появились первые све-

Таблица 7

СРОКИ КРЕСТЬЯНСКИХ ВЫХОДОВ В ТВЕРСКИХ ВОТЧИНАХ СИМЕОНА *

Время выхода	Количество выходов	Время выхода	Количество выходов
Юрьев день (26.XI)	11	Великий пост	88
«Не по сроку»	1	Николин день (9.V)	1
«Сее зимы»	4	«Сего лета»	2
Рождество (25.XII)	10	Петров день (29.VI)	2
Крещение (6.I)	5	Ильин день (20.VII)	3
Великий мясоед	62	Покров (1.X)	2

* Не учитывались переходы крестьян внутри волости и бегство «безвестно». В этих случаях писцы не обозначали месяц.

Таблица 8

КРЕСТЬЯНСКИЕ ПЕРЕХОДЫ В ТВЕРСКИХ ВОТЧИНАХ СИМЕОНА в 1575—1580 гг.

Форма перехода	За помещиков	За бояр, думных людей и знатных дворян	В церковные вотчины	В государственную во-лость	В дворцовые и прочие волости	Внутри волостей Симеона	Безвестно	Новоприходчики и новоприходы
«Вышли»	4	12	1*	—	—	42	—	45
«Вывезли»	134	7	13**	13	35***	—	—	—
«Выбежали»	17	11	3****	—	—	—	54*****	—
Всего	155	30	17	13	35	42	54	45

* Крестьянин вышел на посад.
 ** Из них 8 крестьян вышли за крупных духовных феодалов.
 *** Из них 2 человека вышли в мастеровые.
 **** Из них 2 крестьянина вышли за крупных духовных феодалов.
 ***** В том числе обнищали и «скитаются меж дворов» 8 человек.

дения о заповедных годах и об отмене Юрьева дня в законодательном порядке.

Проведенный анализ основных источников не подтверждает гипотезу о законодательной отмене Юрьева дня в начале 80-х годов. Особое значение имеет тот факт, что термин «заповедные годы» вообще не упоминается ни одним источником, датируемым первой половиной 80-х годов,

включая писцовые книги Деревской пятины 1582—1583 гг. и приходно-расходные книги знаменитого Иосифо-Волоколамского монастыря того же периода. Проверка помещичьих исков конца 80-х годов с помощью писцовой книги не подтверждает существование гипотетического указа об отмене Юрьева дня 1581 г. даже применительно к тем поместьям, владельцы которых в конце 80-х

годов ссылались на нормы заповедных лет.

Анализ ранних документальных источников следует дополнить исследованием более поздних источников о закрепощении крестьян, среди которых наиболее важное значение имеет летописное свидетельство, сохранившееся в составе так называемой Бельской летописи XVII в.³¹ Летописная статья об отмене Юрьева дня не имеет аналогий в летописном материале

УЛОЖЕНИЕ 1607 г.

«... при царе Иоанне Васильевиче... крестьяне выход имели вольный, а царь Федор Иоаннович... выход крестьяном заказал...»³³

Перед нами две версии. Согласно первой, выход запретил царь Федор, по другой — Иван Грозный. Какую из них можно признать достоверной?

Сопоставление Бельского летописца с Уложением 1607 г. говорит не в пользу летописца. Бельский летописец появился по крайней мере на четверть столетия позже, чем Уложение. Следовательно, не менее половины века отделяли время составления летописной статьи от предполагаемого времени установления заповедных лет.

Об авторе Бельской летописи достоверно ничего не известно. Предположительно он жил в районе г. Белой и был связан со служилыми людьми западных уездов³⁵. Заметка о «закрытье» царя Ивана носит литературный характер. В ней нет и намека на то, что ее автор использовал какие-нибудь документы о крестьянском закрепощении. В Уложении же 1607 г. содержится прямое указание на то, что его текст был составлен на

XVI—XVII вв., но вопрос о степени ее достоверности невозможно решить без тщательного анализа источника в целом. Необходимая же источниковедческая работа еще не проведена в полном объеме.

Прежде всего попытаемся сопоставить Бельский летописец с исторической справкой о ходе закрепощения крестьян, включенной в текст известного Уложения царя Василия Шуйского 1607 г.³²

БЕЛЬСКИЙ ЛЕТОПИСЕЦ

30-х годов XVII в.

«О апришнине. Того же года (7110) на зиму царь Борис Федорович... нарушил заклятье блаженные памяти царя Ивана Васильевича всеа Руси и дал христианом волю, выход между служилых людей»³⁴.

основании «доклада Поместной избы бояр и дьяков». Значит, Уложение возникло в стенах того самого приказа, который подготавливал и хранил все законы по крестьянскому вопросу. В компетентности авторов Уложения едва ли можно усомниться.

Уложение, составленное в разгар Крестьянской войны, было призвано убедить всех в незаконности возобновления крестьянских выходов при царе Борисе в 1601—1602 гг. и в необходимости полного запрета крестьянских переходов. Оно окончательно отменило Юрьев день и удлинило сроки сыска беглых крестьян до 15 лет. В этих условиях Поместный приказ, разумеется, использовал бы любую возможность, чтобы подкрепить собственные меры авторитетом «блаженной памяти» царя Ивана Васильевича. Но у поместных дьяков не было оснований сослаться на законодательство Грозного, и они должны были признать, что выход крестьянам «заказал» царь Федор

«по наговору Бориса Годунова». Историческое введение мало согласовалось с нижеследующими статьями Уложения. Отмеченное противоречие свидетельствует о том, что новый царь Василий Шуйский пытался разом и отмежеваться от непопулярной политики Бориса Годунова, и одновременно завершить его начинание.

Противоречивая версия Уложения уступает место простой схеме в Бельской летописи: царь Иван запретил выход, а Борис нарушил его «заклятье». Схема проста, но слишком тенденциозна по своему характеру. Поэтому приходится взять под сомнение позднюю летописную заметку и признать достоверность справки Поместного приказа 1607 г., утверждавшей, что при жизни Ивана IV крестьяне «выход имели вольный». Таким образом, и поздние источники о закрепощении опровергают гипотезу, согласно которой Юрьев день был отменен специальным указом Грозного в начале 80-х годов.

Первые точные и неопровержимые сведения о заповедных годах относятся не к началу, а ко второй половине 80-х годов, когда были составлены одна «отдельная» и восемь обыскных поместных грамот Едровского стана Деревской пятины. Чтобы уяснить значение и ценность этих видов документации, надо четко представить себе порядок новгородского делопроизводства. Исходным моментом любого дела о землях и крестьянах служила указная грамота московского Поместного приказа, составленная на основании иска помещика. Руководствуясь указной грамотой, дьяки Новгородской съезжей избы составляли наказ в пятину для проведения обыска, отписки или «отдела» по-

местья и т. д. После доставки обыскных, «отдельных» и прочих книг в Новгород дьяки принимали окончательное решение и выдавали новым владельцам послушные и ввозные грамоты.

Если указные, ввозные и послушные грамоты имели значение основной документации, заверенной компетентными властями, то обыски, «отделы» и прочие грамоты рассматривались как промежуточная делопроизводственная документация. Обыскные книги относились к разряду документов осведомительного характера. Они фиксировали затребованные судом свидетельские показания. Составляли их местные власти с участием духовенства. «Отдельные» книги оформлялись тем же способом, что и обыскные. «Отдел» поместий фактически (а часто и формально) был связан с проведением обыска наличного состава поместья и его населения. Этим объясняется, во-первых, присутствие при «отделе» тех же свидетелей (местных попов, старост, добрых волостных людей), которые участвовали в обыске, и, во-вторых, включение в «отдельные» книги ряда сведений обыскного характера. «Отдельные» книги не были актами удостоверительного характера в строгом смысле слова. «Отделы» служили новгородским дьякам документом, на основании которого они выписывали (при согласии истца) послушную и ввозную грамоту, закреплявшую права помещика на землю и крестьян³⁶.

Термин «заповедные годы» упоминается в «делах» четырех новгородских помещиков: Сомова, Непейцына, Кропоткина и Пестрикова. Вся основная документация этих «дел»,

включая исковые челобитные, решения и указные грамоты, утрачена. Сохранились лишь наименее ценные фрагменты в виде одного «отдела» и восьми обысков. Все эти документы носят осведомительный характер, чем и объясняется видимое отсутствие в них нормативного содержания. Сказанное объясняет, почему анализируемые документы не могут служить надежным основанием для решения проблемы закрепощения крестьян.

Тем не менее попытаемся проанализировать едровские грамоты с точки зрения теории заповедных лет. Самый ранний документ — «отдельная» книга помещика Б. Сомова. Содержание ее сводится к следующему. 12 июля 1585 г. едровские губные старосты отделили Сомову в поместье деревню Мошню. В ней числилось 13 крестьянских дворов, причем два двора и два полудвора пустовали. Губные старосты не только зафиксировали факт запустения тяглых дворов, но и записали в «отдельные» книги, что «с тих дворов, которые в деревни на Мошни пустые, [крестьяне.— Р. С.] разошлись в заповедные лета: в 90-м году, и в 91-м году, и в 92-м году, и в 93-м году...»³⁷.

При описании деревни Мошни в 1582—1583 (7090—7091) гг. писцы поместили бы пустые дворы или, самое большее, записали бы имена их старых владельцев. В 1585 (7093) г. отдельные не ограничились этим. Они записали имена семи тяглых крестьян и вдовы с двумя сыновьями и зафиксировали тот факт, что все они покинули Мошню в заповедные годы. Тем самым новый помещик как бы получал право «искать» ушедших из его владения крестьян. Но это

лишь предположение, поскольку не известно, обращался ли Сомов в суд по поводу ушедших крестьян и чем кончилось дело.

Обыскные грамоты дают больше сведений для суждения о заповедных годах. Все они относятся к более позднему времени. Поместья И. Непейцына и Б. Кропоткина обыскивали с 30 марта по 16 апреля 1588 г., поместье Т. Пестрикова — с 25 по 30 ноября 1589 г. При обыске первых двух поместий едровские губные старосты руководствовались наказом Новгородской съезжей избы («по государеве грамоти... отто государева дьяка от Семени Омелянова», «по грамоте за приписью дьяков Семейки Омелянова»). Поместье Пестрикова обыскивалось по наказу новгородских воевод и дьяков А. Арцыбашева и С. Омелянова. Поэтому, вероятно, и в этом случае автором наказа фактически был младший из дьяков³⁸.

Наказ новгородских дьяков в пятину обычно состоял из изложения царской указной грамоты (по иску помещика) и вопросов, руководствуясь которыми губные старосты должны были произвести обыск. В действительности губные старосты не придерживались трафарета: в одних случаях они подробно списывали с наказа исковую челобитную помещика, подлежавшую проверке, в других — кратко излагали иск в вопроснике, а иногда и вовсе опускали вопросник. Сошлемся на три последовательных обыска по иску помещика Т. Г. Пестрикова от 25, 27 и 30 ноября 1589 г. Первый подробно пересказывает помещичий иск и не упоминает о вопроснике. В двух других иск отдельно не излагается, а воспроизводится только вопросник.

ПЕРВЫЙ ОБЫСК

Исковая челобитная:

«И тих-де крестьян в прошлом 91-м году в мяское заговенье вывез ис того его поместья... сильно».

Отметим, что термин «заповедные годы» полностью отсутствует в изложении челобитной помещика Пестрикова, зато фигурирует в упомянутом вопроснике новгородского дьяка Семена Емельянова.

Наиболее точно вопросник из наказа Емельянова воспроизводится в книгах обыска поместья князя Б. И. Кропоткина. Его полный текст гласит: «Из-за княже Богдана княж Иванова сына Кропоткина крестьяне его в заповедные годы за детей боярских вышли ли, и будет вышли, и в котором году, и (кто) именем вышел,

ОБЫСК ПОМЕСТЬЯ

ЮРИЯ НЕЛЕДИНСКОГО. 1571 г.

«Хто имены дети боярские ис того Юрьевского поместья из деревень крестьян за себя в свои поместные деревни вывез, и о кою пору, о срои ли о Урьеве дни, с отказом ли или без отказу после сроку сильно...»

Различие приведенных текстов имеет кардинальное значение. Если вопросник 70-х годов уделяет основное внимание выяснению таких обстоятельств, как соблюдение (или нарушение) норм выхода в Юрьев день, то вопросник конца 80-х годов полностью игнорирует эти нормы. Изменение вопросника было вызвано, очевидно, тем, что едровские помещики получили право возвращать крестьян, вышедших в заповедные годы, независимо от того, ушли ли они «по сроку» и с «отказом» или нарушили нормы Юрьева дня.

Определенно известно, что трое

ВТОРОЙ И ТРЕТИЙ ОБЫСКИ

Вопросник дьяка:

«В прошлом в 91-м году... крестьян насильством... в заповедные годы вывез ли? И будет вывез, и сколь давно, и в каком году...?»³⁹

и с которые деревни, и за кого который крестьянин (вышел)?»⁴⁰

Приведенный текст не оставляет сомнений в том, что именно наказ дьяка Емельянова, точно формулировавший вопросы и программу обыска, послужил тем источником, из которого термин «заповедные годы» попал в едровские грамоты 1588—1589 гг.

Вопросник Емельянова конца 80-х годов существенным образом отличался от обыскных вопросников начала 70-х годов по поводу своза и выхода крестьян.

ОБЫСК ПОМЕСТЬЯ

КНЯЗЯ Б. И. КРОПОТКИНА. 1588 г.

«Крестьяне его в заповедные годы за детей боярских вышли ли, и будет вышли, и в котором году, и хто именем вышел, и с которые деревни, и за кого который крестьянин вышел»⁴¹.

деревских помещиков: Непейцын, Кропоткин и Пестриков — добивались возвращения крестьян, но, чем закончились их тяжбы, неизвестно.

Однако имеется вполне аналогичное дело о возврате крестьян деревского помещика Д. И. Языкова. Языков затеял тяжбу в то же самое время, что и трое названных выше помещиков. После долгих проволочек Новгородская приказная изба 31 марта 1591 г. постановила беглых крестьян «вывести з женами и з детми и со всеми их животы за Дружину за Языкова... в деревню Язиху в старьи их дворы, где хто жил наперед то-

го»⁴². Дело Языкова позволяет установить, что деревские помещики обладали реальной возможностью вернуть крестьян, ушедших от них в предыдущие годы. Подобное правило действовало не только в Деревской пятине, но и в других землях, например в Шелонской пятине.

Шелонский помещик В. Г. Скобельцын добился в 1591—1592 (7100) гг. возвращения четырех крестьян, свезенных из его поместья в дворцовую волость Вышгородского погоста. Скобельцын бил челом царю Федору, и тот «пожаловал» его и «велел тех крестьян отдать»⁴³. Очевидно, в Шелонской пятине применялись те же меры по возвращению крестьян старым землевладельцам, что и в Деревской пятине.

Следует заметить, что в делах Языкова и Скобельцына термин «заповедные годы» не фигурирует. Этот факт нельзя рассматривать как случайный. В самом деле, в решении дела Языкова участвовал уже известный по делу Пестрикова новгородский дьяк С. Емельянов. По его распоряжению едровский губной староста В. Мусин, ездивший ранее в поместья И. Непейцына и Б. Кропоткина, обыскал поместье Языкова и установил, что крестьяне «выбежали» из него в 1586—1587 гг. Эти годы были в Едровском стане, бесспорно, заповедными. Но обширная документация судного дела Языкова, включая окончательное постановление суда, не содержит ни одной ссылки на нормы заповедных лет.

Пропуск термина «заповедные годы» в судебных решениях служит аргументом против традиционного представления о том, что заповедный режим был введен специальным зако-

нодательным актом. Если бы норма заповедных лет стала формулой закона, судьи не преминули бы употребить ее в своих постановлениях.

Традиционная теория заповедных лет опирается на положение о том, что основное содержание заповедного указа сводится к формальной отмене права выхода крестьян в Юрьев день. Обращение к источнику, впервые четко сформулировавшему нормы «заповеди», а именно к жалованной грамоте городу Торопцу, составленной в московском Четвертном приказе, колеблет такое представление. В отличие от деревских грамот она представляет собой документ удостоверительного характера. Знаменательно, что термин «заповедные годы» употреблен здесь в контексте точно сформулированной юридической нормы.

Примерно в конце 1590 г. торопецкий посад добился окончательной отмены архаической формы управления — «кормления». По этому случаю городу Торопцу были пожалованы некоторые льготы. В частности, власти разрешили горожанам вернуть на посад старинных тяглых людей, покинувших свои дворы в заповедные годы: «И на пустые им места старинных своих тяглецов из-за князей, и из-за детей боярских, и из-за монастырей и из волостей, которые у них с посаду разошлись в заповедные лета, вывозить назад, на старинные их места, где хто жил наперед того, безоброчно и беспошлинно»⁴⁴.

Правильность чтения приведенного текста вызвала полемику в литературе. Издатель грамоты И. Побойнин внес искажение в текст вследствие неверной расстановки знаков препинания. Вставив запятую перед словами «в заповедные годы», он

изменил смысл постановления. Другой вариант чтения текста грамоты предложил С. Б. Веселовский⁴⁵. Со-

1588—1589 гг.

«... крестьяне его в заповедные годы вышли ли?»

Текст Торопецкой грамоты имеет исключительное значение для интерпретации понятия «заповедные годы». У В. И. Корецкого возникли сомнения относительно достоверности некоторых ее терминов. Поскольку грамота 7099 г. сохранилась в

ТЕКСТ ГРАМОТЫ

«... вывозить назад на старинные их места... безобзорно и беспошлинно».

Вводя в текст понятие «бессрочно», В. И. Корецкий сообщает источнику свою трактовку термина «заповедные годы», связанную исключительно с отменой норм и «сроков» Юрьева дня. Но предложенное исправление текста едва ли можно признать основательным.

Торопецкая грамота сформулировала нормы заповедных лет применительно к посадскому населению города Торопца. «Заповедь» затрагивала, очевидно, не только сельское, крестьянское, но и городское, посадское население. К горожанам Юрьев день никакого отношения не имел. Следовательно, содержание заповедных лет вовсе не сводилось к отмене Юрьева дня. Под их действие подпало все тяглое население страны — и крестьяне, и черные посадские люди. Общей целью введения режима заповедных лет было, по-видимому, возвращение тяглого населения в тягло. И в Торопецкой грамоте 7099 г., и в едровских грамотах 7096—7098 гг. можно проследить эту связь между

поставление грамоты с деревскими документами подтверждает правоту С. Б. Веселовского:

1590 г.

[Посадские люди], «которые у них с посаду разошлись в заповедные леты...»

поздней копии конца XVII в., В. И. Корецкий предположил, что при копировании в ее текст вкралась ошибка⁴⁶. По аналогии с Важской уставной грамотой 1552 г. он предложил «исправить» Торопецкую грамоту следующим образом:

НОВОЕ ПРОЧТЕНИЕ

«... вывозить назад на старинные их места... бессрочно и беспошлинно».

«заповедью» и запрещением выхода из тягла.

Знаменательно, что и в деревских поместных грамотах есть указания на то, что возврат крестьян прежним владельцам в рамках заповедных лет был связан не с общей отменой Юрьева дня, а с упорядочением тягла. Вопросник дьяка Емельянова (1588—1589 гг.) прямо предписывал губным старостам производить на месте дознание, «с которые деревни» (с каких тяглых участков) вышли крестьяне в заповедные годы. В соответствии с наказом старосты старались в первую очередь выяснить, какой ущерб с точки зрения тягла причинил выход крестьян и к каким выгодам для тягла приведет возврат их на старые наделы. Так, в поместье князя Б. И. Кропоткина старосты определенно зафиксировали тот факт, что его крестьяне «вышли в государевы заповедные годы с тяглые пашни, а у тех детей боярских, которые в сем обыску писаны, живут на пустых деревнях, а не на тяглых землях»⁴⁷.

В лавке. А. Олсари. ГПБ

Аналогичная ситуация сложилась в поместье Т. Г. Пестрикова. Получив владение, помещик не досчитался трех крестьян, вывезенных прежним помещиком Кропоткиным в заповедном 7091 (1582—1583) г. Пестриков пытался отсудить крестьян на том основании, что старый помещик сначала укрыл их от тягла, не записав в писцовые книги, а потом променял их вместе с землей зятю Борису Белеутову, за которым они также живут «не на тяглой земле, в захребетниках и в книгах за Борисом (помещиком.— Р. С.) не написаны»⁴⁸. По-видимому, главным аргументом челобитной Пестрикова была необходимость вернуть крестьян в тягло.

Деревский помещик Д. И. Языков, решив вернуть крестьян, бежавших от него в 1587—1590 гг., подал на имя царя челобитную грамоту, которую закончил указанием на то, что в тех беглых его «крестьянх учи-

нилось убытка и волокиты... во всяких твоих государевых податях в три года десять рублей московская с полтиною»⁴⁹.

Приведенные факты дают основание для иной трактовки проблемы заповедных лет. Заповедный режим, по-видимому, опирался не на специальное узаконение об отмене Юрьева дня, а на распоряжения об упорядочении системы тяглового обложения крестьян и посадских людей. Меры по возрождению тягла проводились с первых лет царствования Федора. Самые ранние сведения о них обнаружил Н. С. Чаев. В расходных книгах Антониево-Сийского монастыря имеется следующая запись за 1585 г.: «Месяца генваря в 6 день приезжал с Москвы в монастырь по царскому наказу и по росписи за приписью дьяка Ондreja Щелкалова государственной посланник Тимофей Кузьмин сын Шокуров из-за монастырей крестьян возити». Шокуров произвел тщательный обыск о чернососных крестьянах, вышедших в монастырские вотчины и заложившихся за монастырь, а затем стал вывозить их из-за монастыря и сажать на старые места в тягло. А. И. Копаневу удалось разыскать поручную запись крестьян Емецкого стана, составленную в связи с возвращением в 1585 г. «на государеву землю на тяглое место» трех крестьян, ранее заложившихся за Антониево-Сийский монастырь⁵⁰.

Имеются сведения, что 25 февраля 1586 г. посадские люди города Свияжска получили разрешение, «сыскав... вывести назад» и посадить в тягло всех посадских «жильцов», которые покинули тягло и заложились за монастыри и дворян⁵¹.

Постоялый двор. А. Гетерис. ГПБ

Сохранилась подписанная губными старостами Бежецкой пятины грамота от 1 марта 1587 г. об отказе «старых Березовских рядович на ряд на Березовской в старые их дворы з женами, з детми и со всеми их животы, где хто жил наперед сего». На основании наказа новгородских дьяков С. Фролова и С. Емельянова губные старосты разыскали и вернули 48 тяглецов-рядовичей на их старые тяглые места⁵².

В середине 90-х годов аналогичные меры проводились на посаде Соли Галицкой. Власти распорядились разыскать вышедших с посада тяглецов и «вывести на посад в старые их тяглые дворы, где хто наперед того жил»⁵³.

Описанные случаи «посадского строения» в Свияжске, Бежецкой пятине, Торопце и Соли Галицкой опирались как будто на одни и те же юридические нормы. Но понятие

«заповедные годы» употреблено только в одном документе — в Торопецкой грамоте 1590 г. Следовательно, употребление термина «заповедные годы» в документах «посадского строения» носило такой же случайный характер, как и в документах по крестьянским делам.

Как видно, понятие «заповедные годы» не приобрело устойчивого и всеобщего значения. Приказы редко и неохотно пользовались этим термином и чаще всего обходились без него. Объяснить это можно, по-видимому, тем, что нормы заповедных лет не стали формулой закона, иначе говоря, никакого специального указа о заповедных летах в виде мотивированного закона не существовало. Прикрепление к тяглу осуществлялось путем практических распоряжений.

Уже первые постановления правительства царя Федора о «тарханах» предвещали важные перемены в от-

Коломна. А. Олеарий. ГПБ

ношении тяглого населения посадов и деревень. Торговые посады служили одним из главных источников денежных поступлений в казну. В годы разорения они пострадали в значительно большей степени, чем сельские местности. Власти задались целью возродить платежеспособную посадскую общину с помощью мер, стеснявших выход из тягла. Приговор об отмене «тарханов» 1584 г. содержал статью, предписывавшую мирянам и духовенству «в закладчиках за собою торговых людей, с которых идет царские дани, как от священных, так и от мирских царского синклита, не держати»⁵⁴.

Интересы фиска продиктовали самую крупную акцию, проведенную правительством Годунова после отмены «тарханов», — общее описание земель. В поместной справке 1607 г. о ходе закрепощения крестьян сказано, что «при царе Иоанне Васильевиче... крестьяне выход имели вольный, а царь Федор Иоаннович, по нагово-

ру Бориса Годунова, не слушая совета старейших бояр, выход крестьяном заказал и, у кого колько тогда крестьян было, книги учинил...»⁵⁵. Свидетельство справки 1607 г. по поводу составления писцовых книг при Федоре хорошо согласуется с фактами. В самом деле, в последние годы жизни Грозного в стране не проводилось общее описание земель. Посылка писцов в новгородские пятины носила характер частной меры. Правительство задалось целью выяснить состояние окраины, наиболее пострадавшей от едва закончившейся войны.

Только при царе Федоре было произведено общее описание всех основных уездов страны. В течение 7093—7097 (1584—1588) гг. перепись охватила уезды центральные (Московский, Владимирский, Костромской, Суздальский, Нижегородский и т. д.), южные (Тульский, Алексинский, Белевский и др.), северные (Вологда, Белоозеро, Соль Вычегодская) и

западные (Великие Луки, позже Псков)⁵⁶.

Утверждение Поместного приказа по поводу «книг», закрепивших крестьян («у кого колико тогда крестьян было») за землевладельцами, обычно понимают в буквальном смысле — как воспрещение крестьянских выходов одновременно с проведением описи. В действительности ход закрепощения крестьян отличался, по-видимому, более сложным характером по сравнению с тем, как изображал дело Поместный приказ. Прежде всего приказ не мог подтвердить свою схему точным указанием на законодательство Федора по поводу крестьянского выхода. Не следует ли отсюда, что запрет выхода не был одномоментным актом, сопутствовавшим общей переписи?

В XVI в. правительство, преследуя фискальные цели, периодически проводило описание земель. В описании 80-х годов интересы фиска проступили еще резче, чем в предыду-

щих валовых описаниях. Поместный приказ исключил из программы переписи много сведений, не имевших прямого отношения к податному обложению. Общая перепись, предпринятая после завершения 25-летней разорительной войны, имела целью учесть все тяглое платежеспособное население, без чего невозможно было восстановить налоговую систему и привести в порядок расстроенные войной и разрухой государственные финансы. Цель оказалась труднодостижимой. Введенные в годы военного поражения чрезвычайные поборы оказались непосильными для обнищавших крестьян. Спасаясь от государевых податей, тяглецы либо укрывались на «тарханных» землях за спиной крупных землевладельцев, либо покидали старые поместья и садились у новых землевладельцев на неполные, дробные наделы. Традиционная тяглая единица — выть, или обжа, — подверглась в ходе разорения многократному дроблению. Если

Касимов. А. Олеарий. ГПБ

Нижний Новгород. А. Олеарий. ГПБ

прежде на выть приходились один, реже два-три двора, то теперь — от трех до восьми и более дворов⁵⁷. Переход крестьян от владельца к владельцу на более мелкие тяглые наделы и сокращение их запашки вели к резкому падению податных поступлений в казну.

Из-за массового бегства крестьян с тяглых земель писцовые книги устаревали еще до того, как Поместный приказ успевал их исправить и утвердить. Чтобы не допустить обесценения поземельных кадастров и стабилизировать доходы казны, власти старались воспрепятствовать бегству крестьян от тягла и предотвратить бесконечное дробление тяглых наделов. Аналогичные цели выдвигались в отношении тяглого населения посадов. Каким образом достигались подобные цели?

История «посадского строения» 80—90-х годов XVI в. свидетельствует, что инициатива обычно исходила от самих посадов, точнее, от влиятельных торгово-промышленных верхов, представлявших тяглую посадскую общину. Города обращались к правительству с ходатайством о возвращении «разошедшихся» тяглецов в старые тяглые дворы. А власти, преследуя фискальные цели, удовлетворяли их требования путем специальных распоряжений и пожалований. Меры подобного рода рассматривались как чрезвычайные, временные и имели вполне конкретный адрес.

Правительственная политика в крестьянском вопросе формировалась, по-видимому, точно так же. Правительство не осмелилось круто ломать освященную веками традицию. Но помещики давно перестали призна-

вать нормы Юрьева дня в качестве регулятора крестьянских переходов. Власти осторожно, исподволь санкционировали складывавшийся новый порядок и использовали его в интересах фиска. Общие законодательные установления о прикреплении крестьян к тяглу не издавались, вероятно, потому, что соответствующие распоряжения рассматривались как преходящие и временные. Однако отсутствие законодательства не мешало суду на практике удовлетворять дворянские иски о возвращении тяглых крестьян на старые наделы — сначала в единичных случаях, а затем и в массовом порядке.

В условиях, когда традиционный порядок крестьянских переходов разладился, общее валовое описание неизбежно приобрело ряд новых черт. Для правительства кадастр по-прежнему оставался главным образом фискальным документом. Помещики же усмотрели в нем аргумент, позволявший им «законно» удерживать крестьян, записанных за ними писцами: «у кого колико тогда крестьян было». Так можно интерпретировать справку Поместного приказа 1607 г.

о закрепощении крестьян и описании земель. При этом следует учесть ее полемическую направленность. Составление писцовых книг ускорило закрепощение крестьян не по причине «наговоров» Бориса Годунова, якобы повлекших за собой специальный указ царя Федора, а в силу того что феодалы земельладельцы нашли в поземельном описании удобную юридическую форму, санкционировавшую их крепостнические устремления.

Англичанин Д. Флетчер при посещении Москвы в конце 80-х годов обратил внимание на угнетенное положение низших сословий. Как правовед, Флетчера интересовало юридическое положение крестьян. Ему удалось собрать сведения о законе, или, точнее, порядке, устанавливавшем принадлежность каждого человека к сословию, «в котором состояли до него его предки». По утверждению Флетчера, как крестьян, так и горожан «держат в границах их сословия законами страны, так что сын мужика, ремесленника или земледельца всегда мужик, ремесленник и земледелец»⁵⁸. В типичной для Флетчера тираде по поводу порабо-

Глсбово (1615—1616 гг.). А. Гетерис. ГПБ

щенного положения народа в России, возможно, отразились сведения о мерах, с помощью которых русские власти возвращали в прежнее состояние вышедших из тягла ремесленников — горожан и мужиков⁵⁹.

Следует подчеркнуть, что меры по ограничению выходов тяглых крестьян носили характер временного урегулирования вплоть до начала 90-х годов. Можно указать на ряд случаев, когда крестьяне «выходили» из-за своих землевладельцев, невзирая на существование режима заповедных лет. Два таких случая зафиксировали писцы в ходе описания Романовского уезда в 1593—1594 гг. Так, пометив заброшенные крестьянские дворы, они записали: «Двор пуст Русинко Черново, вышел за Неупокою за Ушакова в 7099 году»; «Двор пуст Завьялки Семенова, вышел за Давида Ушакова в деревню в Кириловскую в 7100 году»⁶⁰.

Аналогичный случай был зафиксирован новгородскими писцами, дозорщиками Бежецкой пятины, не позднее лета 1594 г. При описании поместья Ю. Лупандина писцы установили следующий факт: «Дрв. Туемля, а в ней крестьян: дв. Рудачко Степанов, дв. Терешко Данилов, дв. Сенка Григорьев, дв. бобыль Сенка Олтуфьев, да два двора пустых, а в них жили Якушка Микифоров да Петрушка Васильев, а вывезены в сто во втором году Лисья монастыря в вотчину, в деревню в Заполик». Явившись в деревню Заполик, дозорщики нашли там свезенных крестьян: «Дрв. Заполик, что была пустошь Заполик, а стала та деревня в сто во втором году, а в ней крестьян: дв. Якушка Микифоров, дв. Петрушка Васильев, а вывезены те крестьяне

из-за Юрья Лупандина в сто во втором году по старине, пашни паханные крестьянские восемь чети с осминою в живущем обжа без полутрети обжи...»⁶¹ Записав свезенных крестьян за Лисьим монастырем, дозорщики тем самым признали *de facto* возможность своза крестьян «по старине» в 1594 (7102) г.

Несмотря на действие заповедных лет, крестьяне смогли перейти «по старине» от помещика к монастырю, а писцы (с должной оговоркой) записали их за новым землевладельцем. Не подтверждает ли этот факт вывод о том, что режим заповедных лет вплоть до начала 90-х годов не был подкреплён законодательной отменой Юрьева дня?

Большой комплекс документов Разрядного и Посольского приказов по городу Ельцу за 1592—1593 гг. свидетельствует, что ограничения выхода крестьян в южных уездах были связаны не с гипотетическим заповедным указом, а с податными мерами властей. В начале 90-х годов правительство пыталось привлечь крестьянское население южных уездов на казачью службу во вновь построенную крепость Елец. Сохранилась обширная переписка между Посольским приказом и елецкими воеводами по поводу весеннего набора 1592 г. Из нее следует, что на казачью службу привлекали крестьян, не обработавших тяглого надела, а сидевших на оброке, крестьянских «захребетников» — взрослых сыновей, племянников, зятьев дворовладельца, а изредка и самих тяглых крестьян. Последние случаи особенно интересны.

Тяглый крестьянин П. Д. Путятин вышел из-за тульского помещика В. Антонова с «отказом». Крестья-

нин М. Подольный ушел из поместья князя И. Хворостинина, заплатив его приказчику 40 алтын «за пожилое». Сама возможность выхода с «отказом» и «пожилым» доказывает, что правила Судебника о крестьянских переходах формально не были упразднены. Помещики, добиваясь возврата вышедших крестьян, не ссылались на законы, упразднившие Юрьев день. Судя по документам, действовавшие тогда нормы права предоставляли помещикам единственную мотивировку возврата крестьян с казачьей службы на законном основании — запустение тяглого надела. Так, помещик В. Антонов утверждал, будто ушедший от него крестьянин П. Д. Путятин не оставил «жильца» на «своем жеребье», отчего земля (тяглый надел) и двор его запустели. Со своей стороны крестьянин доказывал, что он оставил «в свое место» на тяглом «жеребье» замену — С. Ильина с двумя сыновьями. Крестьянин Хворостинина Подольный смог уйти в казаки только потому, что он «в свое... место... на тягло посадил Агутку Васильева, сына Шюбина»⁶².

Представляется принципиально важным вывод, что власти рассматривали выход крестьян на казачью службу как вполне законный только в тех случаях, когда он не наносил ущерба тяглу.

Правительственные распоряжения о наборе казаков из крестьянской среды вызвали сопротивление южных помещиков. Они пускали в ход любые средства, чтобы вернуть себе крестьян. Служилые люди буквально завалили Посольский приказ исками о возвращении беглецов. Ведомство А. Я. Щелкалова в ответ на требования служилых людей с наступлением

осени направило елецким воеводам инструкцию, разъяснявшую предыдущий указ. «И впредь бы есте,— писал приказ,— из-за детей боярских и ни из-за кого крестьян на Ельце в казаки... не имали, а прибирали бы есте на Елец... в казаки захребетников: от отцов — детей, [от] дядь — племянников, чтоб в их место на дворах и на пашне люди оставались, чтоб в том вперед смуты не было». Спустя пять месяцев дьяки направили в Елец новое предписание, согласно которому можно было набирать казаков «из вольн[ых] людей, а не из холопства и не с пашни»⁶³. Возглавляемый канцлером Щелкаловым приказ обладал большими полномочиями, но он не мог игнорировать интересы землевладельцев-дворян. Распоряжение не брать в казаки крестьян, а брать людей «не с пашни» окончательно лишило тяглецов права «выхода» в казаки даже при условии замены.

Помещики южных уездов решительно отказывались повиноваться правительственным распоряжениям насчет крестьян. Они силой утверждали свое право на личность крестьянина и его имущество. Переписка Посольского приказа не оставляет сомнения в том, что насилия над крестьянами совершались повсеместно и в массовом порядке. Крестьянские челобитные рисуют картину подлинного феодального разбоя землевладельцев. Помещики били и мучили крестьян, сажали их в «чепи» и в «железа» «на смерть», свозили к себе на двор, прятали крестьянских жен и детей, отбирали лошадей и коров, сошники и косы, хлеб в клетях и «земляной», грабили домашнюю рухлядь. Попытки крестьян найти управу у Щелкалова, как правило, оказывались безуспеш-

ными⁶⁴. Показательно, что в своих распоряжениях и инструкциях Посольский приказ четко разграничивал и противопоставлял понятия «вольные люди» и «крестьяне с пашни». При этом констатация «вольности» и «невольности» крестьян определялась исключительно интересами фиска. Сыновья тяглецов вольны были уходить в казаки без всяких формальностей, тогда как тяглецы не могли покинуть тяглый «жеребей».

Помещики усвоили все выгоды, вытекавшие для них из временного прикрепления крестьян к тяглу, но они рассматривали крестьянскую крепость не только и не столько с точки зрения тягла и интересов казны, сколько с точки зрения собственных интересов. Южные помещики поступали в отношении крестьян так, как если бы они были «крепки» земле.

Под напором дворянства Посольский приказ распорядился сыскать среди казаков и вернуть помещикам беглых крестьян. Подчиненные Щелкалова выражали беспокойство, как бы из-за набора крестьян в казаки «вперед смуты не было». Эти опасения имели веские основания⁶⁵.

В первой половине 90-х годов крепостническая политика вступила в новую фазу своего развития, свидетельством чего служит указная грамота 14 апреля 1592 г. Она исходила из московского приказа и была адресована на Двину. На грамоте стоит подпись А. Я. Щелкалова. Двинский акт замечателен тем, что он отразил не отдельный, и притом не второстепенный (как в деревских документах), момент тяжбы из-за крестьян, а все основные ее стадии — от исковой челобитной до решения московских судей.

Власти Никольского Корельского монастыря на Двине просили возвратить на старые тяглые наделы двух крестьян, «выбежавших» из монастырских деревень⁶⁶. Свой иск старцы мотивировали, с одной стороны, тем, что беглые крестьяне, записанные за монастырем последними писцами, сбежали «без отказу беспошлинно», а с другой — необходимостью вернуть их в тягло, поскольку запустение двух тяглых деревень принесет казне (и монастырю) более 20 руб. убытка в год⁶⁷.

Исходя из исковой челобитной, московские судьи, казалось бы, должны были выяснить, в самом ли деле крестьяне сбежали «без отказу беспошлинно». Однако они обошли этот вопрос молчанием и предписали путем обыска установить на месте следующее: «Те крестьяне наперед того за... монастырем живали ли?», «Крестьяне без отпуску выбежали ли?»

Очевидно, истцы и судьи подходили к делу с разных позиций. Монастырь не знал никакого общего закона об отмене Юрьева дня и обосновал свое требование о возвращении крестьян прежде всего ссылкой на нарушение беглецами правил выхода по царскому Судебнику («отказ» и выплата пожилого). Московские же дьяки проявили полное безразличие к факту нарушения норм Судебника. Они как будто забыли саму терминологию старого Судебника («отказ», «пошлины») и решительно заменили ее новой («отпуск») — крепостнического характера. (С «отпуском» могли покинуть своего землевладельца и крепостные в XVII в.) Примечательно, что ни старцы в исковой челобитной, ни судьи в своем постановлении вовсе не упоминают о заповед-

ных годах. В частности, судьи не требовали выяснить на месте, «выбежали ли» крестьяне в заповедном году.

Указная грамота на Двину была посвящена конкретному казусу — делу о двух беглых крестьянах — и заканчивалась судным решением по этому поводу. Но решение было дополнено особой статьей о свозе крестьян, формально не имевшей отношения к делу о бегстве крестьян⁶⁸. Вслед за предписанием о возвращении беглецов на монастырскую землю приказ оградил права монастыря на его крестьян такой формулой, обращенной к властям окрестных черносошных двинских волостей: «Да и вперед бы есте из Никольские вотчины крестьян в заповедные лета до нашего указа в наши в черные деревни не волозили, тем их Никольские вотчины не пустошили»⁶⁹.

В Двинской грамоте 1592 г. фигурируют те же самые заповедные годы, что и в деревских обысках 1588—1589 гг., и в Торопецкой грамоте 1590 г. Но в грамоте 1592 г. появляется один существенно новый момент. Старые заповедные лета имели в виду возрождение и поддержание тягла, каким оно было зафиксировано в документах второй половины 80-х годов (писцовых книгах и т. д.). Судя по Двинской грамоте, правительство признало необходимым распространить действие заповедных лет на неопределенно длительное время — «до государева указа».

Из меры временной заповедные годы стали превращаться в 90-х годах в меру постоянную. Но как это ни удивительно, правосознание 90-х годов не только не усвоило выработанное приказной практикой 80-х годов понятие «заповедные годы», но и

окончательно отбросило его. Двинская грамота 1592 г. — последний источник, упоминающий о заповедных летах. Источники последующего периода вовсе не знают этого термина. Как объяснить отмеченный факт? По видимому, система временных мер по прикреплению крестьян к тяглу оказалась недостаточно гибкой. Прежде всего она перестала соответствовать той цели, для которой была создана. Эта цель сводилась к поддержанию фискальной системы. Многие крестьяне, вышедшие в заповедные годы, успели отсидеть льготы у новых землевладельцев и превратились в исправных налогоплательщиков. Вторично срывать их с тяглового надела и переселять на прежнее местожительство значило нанести ущерб регулярным податным поступлениям. Чем продолжительнее оказывались сроки заповедных лет, тем менее способен был приказной аппарат распутать непрерывно разраставшийся клубок помещичьих тяжб из-за тяглецов. На деле правительственные распоряжения не могли прекратить начавшееся в годы разорения передвижение сельского населения.

Землевладельцы пускались во все тяжкие, чтобы заполучить в свои пустующие деревни соседских крестьян. Не удивительно, что приказы были завалены исками о крестьянах. При тогдашней волоките тяжбы между помещиками тянулись по многу лет. Они не только порождали глубокий разлад в господствующих сословиях, но и грозили дезорганизовать бюрократический аппарат управления. Чтобы разом покончить с нараставшими трудностями, правительство царя Федора было вынуждено ограничить давность исков о крестьянах

пятилетним сроком. Самая ранняя по времени ссылка на новое законодательство содержится в государевой грамоте за приписью А. Я. Щелкалова от 3 мая 1594 г., фигурирующей в судном деле по Обонежской пятине.

Названный источник чрезвычайно интересен сам по себе, так как позволяет наглядно представить приемы и формы издания важнейших постановлений по крестьянскому вопросу в правление Бориса Годунова.

В 1594 г. Новгородская съезжая изба разрешила тяжбу между помещиками А. Ф. Бухариным и П. Т. Арцыбашевым, используя прецедент — решение московского судьи А. Я. Щелкалова по аналогичному делу между помещиками С. Зиновьевым и С. Молевановым. В деле А. Ф. Бухарина содержится следующая справка о решении А. Я. Щелкалова: «Будет в Степанове челобитье Зиновьева написано, что ищет крестьян Остратка Иванова с товарищи на Степане на Молеванове за десять лет, и тем крестьянам велено жити за Степаном за Молевановым по-прежнему, а Степану Зиновьеву о тех крестьянах велено отказати, да и вперед бы всяким челобитчиком о крестьянском владенье и в вывозе давати суд и управу за пять лет, а старее пяти лет суда и управы в крестьянском вывозе и во владенье челобитчиком не давати и им отказывати по таким челобитьям»⁷⁰.

В. И. Корецкий усмотрел в приведенном отрывке ссылку на специальный указ царя Федора или по крайней мере на особую статью Уложения о крестьянах царя Федора, посвященную урочным годам. Однако сам факт ссылки в деле А. Ф. Бухарина на прецедент (решение по делу

С. Зиновьева) показывает, что Новгородская съезжая изба не получила из Москвы «памяти» с изложением закона о пятилетнем сроке подачи челобитных. Формула указной грамоты А. Я. Щелкалова: «...да и вперед бы всяким челобитчиком... давати суд и управу...» — свидетельствует, что новая юридическая норма возникла в текущей судебной практике московских приказов из обобщения вполне конкретных прецедентов. Она, по видимому, первоначально не была облечена в форму законодательного акта, прошедшего обязательное утверждение в Боярской думе.

Время издания первого распоряжения об урочных годах можно установить лишь предположительно. Новгородская съезжая изба, ежегодно разбиравшая множество тяжб из-за крестьян на основании московских указных грамот, впервые узнала о нем из грамоты от 3 мая 1594 г., на которую была вынуждена ссылаться в последующих своих решениях по аналогичным делам. Можно полагать, что разъяснения насчет нового закона были получены в Новгороде вскоре после издания самого закона.

Указ о пятилетних урочных годах покончил со старой системой заповедных лет. Напомним, что деревские помещики еще в конце 80-х годов имели возможность требовать возвращения крестьян, ушедших от них за семь-восемь лет до подачи иска. К середине 90-х годов в Новгороде накопилось 13 заповедных лет, причем помещик имел право искать своих тяглых крестьян до выходных лет, а практически неопределенно длительное время. С 1594 г. помещики могли возбуждать дела лишь о крестьянах, свезенных из их поместий

после 1588—1589 гг. Предыдущие заповедные годы (1581—1587) практически аннулировались. Вместе с ними было изъято из употребления и само понятие «заповедные лета», так и не успевшее приобрести универсальное значение.

Введение пятилетнего срока сыска крестьян знаменовало решительный поворот в ходе закрепощения. Чрезвычайные и временные меры стали превращаться в постоянно действующие установления. Сознание современников четко уловило и зафиксировало этот рубеж. Никольские монахи в 1592 г. жаловались, что их крестьяне сбежали от них «без откazu беспошлинно». Они не могли сослаться ни на какие новые законы царя Федора, воспрещавшие выход, и по старинке апеллировали к отжившим нормам царского Судебника. Прошло три года, и старцы Пантелеймонова монастыря в Деревской пятине смогли сослаться на «указ» Федора: «Ныне по нашему (царскому.— Р. С.) указу крестьяном и бобылем выходу нет»⁷¹. На основании приведенных слов В. И. Корецкий попытался реконструировать неразысканное Уложение царя Федора 1592 г., состоявшее, по его мнению, из многих пунктов и формально отменившее Юрьев день⁷². Однако имеющаяся фактическая база слишком узка для широких реконструкций.

Возможно, слова пантелеймоновских старцев не были цитатой из «указа» Федора, а носили обобщенный характер. Иначе говоря, они отразили тот перелом, который произошел в правосознании современников в связи с длительной практикой возвращения тяглых крестьян на их старые наделы в рамках общих финансо-

вых мероприятий правительства Годунова, а также в связи с ограничением в 1594 г. срока подачи исков о крестьянах четырьмя годами (урочные годы). Как бы то ни было, челобитная старцев 1595 г. обнаружила тот факт, что меры правительства по временному урегулированию тягла переросли первоначальные узкие рамки и вылились в общий запрет выхода и для крестьян, и для бобылей, которые не принадлежали к разряду тяглого населения. Бобыли не могли теперь покинуть землевладельца, потому что стали «крепки» земле. Таким образом, прикрепление сельского населения утратило исключительно фискальный характер.

Открытие В. И. Корецким новых документов по истории крестьянства положило конец давней полемике по вопросу об участии государства в прикреплении крестьян к земле. Можно считать окончательно установленным, что правительство царя Федора принимало самое непосредственное участие в отмене Юрьева дня. По мнению В. И. Корецкого, «указ царя Федора о запрещении крестьянского выхода, видимо, представлял собой настоящее уложение, регулирующее различные стороны взаимоотношений крестьян и феодалов, обобщающее и развивающее в новых условиях предшествующее законодательство по крестьянскому вопросу»⁷³. В. И. Корецкий как бы предлагает продолжить поиски утерянного текста, которые начаты были полтора века назад и пока не увенчались успехом.

Уложение царя Федора едва ли когда-либо будет разыскано. Опираясь на строго проверенные показания источников, можно лишь высказать

предположение, что и запрет крестьянских переходов в рамках заповедных лет, и пятилетние урочные годы были введены в жизнь посредством временных правительственных распоряжений, не облеченных в форму развернутого, мотивированного законодательного акта.

При Лжедмитрии I власти предприняли попытку систематизировать законы, изданные с начала 50-х годов XVI в. до 1 февраля 1606 г. В этих целях и был составлен Сводный Судебник 1606—1607 гг., включавший подробные разделы (грани) о крестьянах. Составители Судебника имели в своем распоряжении фонды Поместного приказа, из стен которого вышли все важнейшие постановления по крестьянскому вопросу. Тем не менее компетентные приказные правоведы не смогли найти никаких законодательных памятников царя Федора о крестьянах, за исключением одного лишь указа 1597 г. Если московские правоведы, систематизировавшие законодательство царя Федора, не обнаружили этот указ или уложение о крестьянах через 13 лет после его издания, имея под руками сохранные архивы, то это может иметь только одно объяснение: безуспешно разыскиваемый указ, по-видимому, никогда не был издан.

Отмена долгих заповедных лет и осуществление на практике норм пятилетних урочных лет первоначально не изменили взгляда на запрещение крестьянских выходов как на меру временную. Своеобразным свидетельством тому служит приговор старца Иосифо-Волоколамского монастыря Мисаила о монастырских крестьянах. Мисаил, в миру Михаил Андреевич Безнин, был человеком широко из-

вестным в тогдашнем русском обществе. Бывший воспитатель царевича Федора, он многие годы сидел в Боярской думе и лишь в 1586 г. вынужден был уйти в монастырь из-за происков Годунова. Очень скоро энергичный старец взял в свои руки дела одного из крупнейших монастырей страны. В 1595 г. Мисаил предписал приказчикам Иосифо-Волоколамского монастыря по «кабалам денег на крестьянах не имати, которые учнут за монастырем жити, а будет государь изволит крестьяном выходу быть, и которые крестьяня пойдут из-за монастыря, и на тех крестьянах по тем кабалам деньги имати... в казну в монастырскую»⁷⁴. Свое решение о невзыскании денег по кабалам старец Мисаил поставил в прямую зависимость от продления или отмены закона о запрещении выхода. Очевидно, он считал названный закон временным нововведением⁷⁵. Поскольку Безнин был практическим дельцом и знал настроения в правительственных кругах, его слова приобретают особое значение.

Трудно составить точное представление о тех политических разногласиях, которые возникли в думе в связи с подготовкой и изданием крепостнических законов. При Василии Шуйском руководители Поместного приказа утверждали, будто царь Федор запретил крестьянам переходы «по наговору Бориса Годунова, не слушая советов старейших бояр»⁷⁶. В подобном утверждении, вероятно, была доля истины.

Пока Годунов не стал полновластным правителем государства, меры в отношении крестьян носили половинчатый характер. Слабое, раздираемое внутренними противоречиями прави-

тельство царя Федора поначалу не обладало ни решимостью, ни средствами для радикального и окончательного разрешения крестьянского вопроса. Оно не могло ни отменить одним ударом нормы Судебника, ни восстановить Юрьев день в качестве регулятора крестьянских переходов. Только к середине 90-х годов Годунов добился более прочной политической стабилизации и под давлением дворянства приступил к окончательной ликвидации Юрьева дня.

Можно ли доверять утверждению Поместного приказа, будто старейшие бояре противодействовали крепостнической инициативе Бориса Годунова? Это утверждение носило явно полемический характер. Поместная справка была составлена при Шуйском в разгар Крестьянской войны, когда рискованность такой меры, как закрепощение крестьян, была слишком очевидной. Поместный приказ, одобряя действия старейших бояр, имел в виду вполне определенных лиц. При Федоре первыми боярами были будущий царь Василий Шуйский и его братья. Поместные дьяки не упустили случая похвалить их за прозорливость.

Отношение различных прослоек феодального класса к крестьянскому выходу было неодинаковым. Крупные землевладельцы обладали неизмеримо большими возможностями для того, чтобы удерживать своих крестьян и перезывать чужих с помощью подмоги и льгот. Для мелких помещиков невозможность сохранить крестьян грозила скорым разорением. Не удивительно, что идеи немедленного закрепощения крестьян встречали в их среде наиболее энергичную поддержку.

Но различия в отношении феодальных землевладельцев к Юрьеву дню нельзя преувеличивать. Противодействие старейших бояр Годунову носило главным образом политический характер. В действительности не советы старейших бояр, а позиция крестьянства, составлявшего громадное большинство населения страны, тормозила утверждение крепостнических законов. Настроения и действия крестьянских масс оказывали самое непосредственное влияние на развитие крепостного права.

Советские исследователи критически преодолели господствовавшую в буржуазной историографии концепцию «безуказного» закрепощения крестьян и пришли к важному выводу, что дворянское государство сыграло активную роль в установлении крепостного права. В настоящее время этот основополагающий тезис исследователями не оспаривается. Однако остается дискуссионным вопрос, в какие формы вылились первые крепостнические мероприятия государства.

Приведенный выше материал позволяет высказать предположение, что мероприятия, сформировавшие в общих контурах крепостнический режим, первоначально носили фискальный характер и потому не были и не могли быть облечены в форму развернутого законодательного акта. Запрет крестьянского выхода и фактическая отмена правил Судебника о Юрьеве дне явились не целью, а скорее косвенным результатом этих распоряжений.

Режим заповедных лет стал складываться во второй половине 80-х годов как система практических мер по возвращению крестьян и посадских

людей в тягло. Решительный шаг в сторону закрепощения крестьян был сделан спустя десятилетие, когда дворяне усвоили все выгоды, вытекавшие из правительственных мер по упорядочению тягла, и добились законодательного подтверждения нового порядка. Под давлением феодальных землевладельцев временная система прикрепления к тяглу стала перерастать в постоянную систему прикрепления к земле. Дворянская концепция прикрепления взяла верх над фискальной.

24 ноября 1597 г. правительство издало первый развернутый закон о закрепощении крестьян. По времени закон был приурочен к Юрьеву дню: он был издан за два дня до его наступления. Но пункт о формальном упразднении Юрьева дня в указе отсутствует. Старый порядок крестьянских переходов давно утратил практическую силу, и законодатели молчаливо исходили из этого факта. Закон 1597 г. утвердил реальность возникшего крепостного режима. В основу закона 1597 г. была положена норма о пятилетнем сыске крестьян, разработанная приказным ведомством Щелкалова и применявшаяся на практике в течение нескольких лет. Указ лишь дополнил распоряжения предыдущих лет подробно разработанным положением о сыске и возвращении крестьян. Отныне возвращению подлежали все вышедшие и свезенные крестьяне. Без такого де-

тального положения отмена Юрьева дня не могла быть осуществлена на практике в полном объеме. Вплоть до середины 90-х годов постановления по делам о крестьянах нередко содержали указание на то, что новые меры будут осуществляться «до государева указа», который возродит традиционный порядок вещей. Закон 1597 г. впервые санкционировал отмену Юрьева дня без ссылки на временный характер меры и возможные перемены.

Уложение 1597 г. значительно расширило крепостническую практику. Оно прикрепило к земле не только тяглых дворовладельцев, но и их детей и жен, ранее не подпадавших под действие заповедных лет. Любой переход крестьянина рассматривался отныне как бегство. Беглый подлежал возврату со всей семьей и имуществом⁷⁷.

Таким образом, гоудуновский указ стал крупнейшей вехой в развитии крепостного режима, отразив момент превращения чрезвычайных и временных мер в постоянно действующие нормы по всей стране.

Закрепощение крестьян стало крупнейшим продворянским мероприятием правительства Годунова. Указ консолидировал господствующий класс и упрочил положение Бориса Годунова как правителя. Но крестьянство не желало мириться с неслыханным насилием со стороны крепостнического государства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«Бунташным» временем называют обычно XVII в. На самом деле полоса массовых народных движений началась с середины 80-х годов XVI в. В тот период широкий размах получили городские движения. Несмотря на участие в них разнородных социальных сил, они носили в основном антифеодальный характер¹. Из-за скудости источников трудно составить даже примерное представление о социальной программе и требованиях различных прослоек населения, участвовавших в выступлениях. В источниках можно найти лишь косвенные указания на то, что в московских восстаниях середины 80-х годов впервые заявили о себе кабальные люди и холопы. Однако решающую роль в московских выступлениях играли посадские люди. Они составляли основную массу восставших. По авторитетному свидетельству очевидцев, в апрельском выступлении 1584 г. участвовало до 20 тыс. человек, едва ли не все взрослое население столицы². Активность посадских низов объяснялась тем, что они особенно остро ощущали на себе последствия «великого разорения» и налоговый гнет. В 1586 г. волнения в Москве повторились. Народ вновь заставил боярских правителей сидеть в осаде в Кремле.

Аналогичные выступления имели место и в провинции. Посадские люди Соли Вычегодской 22 октября 1586 г. восстали против именитых людей Строгановых. Захватив город и вооружившись пушкой и пищальями («снарядом»), они убили главу торго-

вого дома Семена Аникеевича Строганова, подвергли аресту его младших родственников, Никиту и Афанасия с племянниками, и хотели «всех из снаряду побити насмерть»³. Строгановы снискали ненависть посадских людей ростовщическими операциями, спекуляциями и беспощадной эксплуатацией городской бедноты на промыслах.

Волнения в Москве повторялись периодически. После неурожая и голода 1588 г. власти ввели в столице весной 1589 г. осадное положение. Спустя два года москвичи вновь увидели на улицах города вооруженные патрули.

Крупное восстание произошло в Угличе в мае 1591 г. Сохранность следственных материалов дает исследователю редкую возможность изучить в мельчайших деталях анатомию городских движений конца XVI в. В угличском восстании участвовали, с одной стороны, дворяне Нагие, а с другой — «молодые» посадские люди, беднота, бурлаки («казаки») с волжских пристаней. Народ расправился с главой угличской администрации дьяком М. Битяговским не только потому, что его подстрекали Нагие. Фигура государева дьяка олицетворяла для народных масс всю систему феодального гнета. Перед лицом разбушевавшейся народной стихии дворяне испытали не меньший ужас, чем дьяки и приказные. Служившие в уделе царевича Дмитрия дети боярские, не надеясь на покровительство Нагих, бежали из восстав-

шего города. Социальные тенденции восстания особенно четко сказались в отношении его участников к богатым городским верхам. Верхи остались в стороне от движения, а в некоторых случаях пытались противодействовать «меньшим» людям. «Добрый» посадский человек И. Батусов пытался призвать народ к порядку, но толпа во главе с сапожником Титом изловила его и поволокла в тюрьму. Другие посадские богатеи — «добрые люди» И. Пашин, В. Семухин — также «с посадскими людьми не думали (не совещались.— Р. С.), те разбежались». И. Пашин и В. Буторин поспешили как можно дальше уехать от города, так как «заслышали в городе шум великий, в город и не пошли». Человек 20 посадских «меньших» людей пытались преследовать беглецов, но те укрылись в лесу, потому что «хотели их побить посадские люди»⁴. 30 лет спустя после восстания угличане смутно помнили об обстоятельствах гибели царевича, но по-прежнему обвиняли «добрых» людей в пособничестве государеву дьяку и прочим «изменникам»⁵.

Социальные движения в городах оказали влияние на формирование политики, получившей наименование «посадского строения». В законодательном материале «посадское строение» не отразилось, как и многие другие годуновские нововведения. Это затрудняет его оценку. Отрывочные данные о разных городах помогают обнаружить лишь общее направление годуновской политики, отвечавшей требованиям посада, и в особенности его влиятельной купеческой верхушки. В Болхове, Кореле и Ростове власти предпринимали попытки вернуть на посад старых тяглецов,

ушедших на помещичьи земли либо переселившихся в городские дворы феодалов, или, как тогда говорили, «заложившихся» за дворян. В Казани и Зарайске администрация конфисковала и приписала к тяглу несколько монастырских слобод, во Владимире пополнила посад крестьянами патриаршей слободы, в Калуге «збирала» на посад оброчных крестьян из монастырских и дворцовых владений⁶. Возрождение платежеспособной тяглоу общины в городах отвечало и интересам казны, и интересам посада. Власти не забыли о московских волнениях первых лет правления Федора и с помощью уступок старались предотвратить их повторение.

Мерам Годунова недоставало последовательности. Они не были санкционированы законом и проводились лишь в отдельных местностях. В целом они носили противоречивый характер. Власти пытались возродить города ценой прикрепления членов посадской общины к тяглу. Покровительствуя городам, монархия направляла их развитие в феодальное русло. Проводя «посадское строение», власти строго разграничили дворян (их называли служилыми людьми «по отечеству», или происхождению) и прочих воинских людей (их называли служилыми людьми «по прибору» и набирали из числа горожан). Тех, кто не принадлежал к феодальному сословию, облагали податями наряду с посадскими людьми. Известно, что в Переяславле и Зарайске «стройщики» Бориса приписали к тяглу городских пушкарей и других служилых людей «по прибору»⁷. Сословные различия все глубже раскалывали городское общество. Включенная в состав податного сословия служилая

мелкота в полной мере испытала на себе гнет крепостнического государства. «Посадское строение» в конечном счете обострило социальные противоречия в тех городах, где оно было проведено, и оказало существенное влияние на ход первой Крестьянской войны.

Городские движения, пережив подъем в середине 80-х годов XVI в., пошли затем на убыль. В сельской местности протест масс против феодального гнета неуклонно нарастал начиная с 90-х годов. Отмена Юрьева дня и проведение в жизнь Указа о сыске беглых крестьян безмерно расширили власть феодальных землевладельцев над сельским населением. Дворяне вводили в своих поместьях барщину, повышали оброки. Крестьяне с трудом приспосабливались к новому порядку вещей. Они мирились с утратой права «выхода», пока им сулили близкие «государевы выход-ные лета». Но шли годы, и они все больше убеждались в том, что их жестоко обманули. Крестьяне протестовали против усиления крепостного гнета, как могли. Чаще всего они бежали от своих землевладельцев. Появились и более грозные симптомы.

В начале 90-х годов правительство провело обширный розыск о крамоле в южных уездах государства. Розыск начался с того, что в Москву явился некий дворянин из Алексина и донес на своего крестьянина, будто тот возводит многие вины на правителя Бориса Годунова. В ходе следствия выяснилось, что у крестьянина были единомышленники — «многие простые люди украинские». Власти перехватывали крамольников «не токмо в одном граде (Алексине.— Р. С.), но

и во всей украине». Многих «простых людей» замучили на пытках, «а иных казняху и языки резаху, а инии по темницам умираху»⁸. Расправа с «простыми людьми» показала, что верхи со страхом встретили симптомы брожения в народных массах.

Начиная с 90-х годов XVI в. в русских источниках все чаще стали появляться сообщения об убийствах помещиков «разбойниками», о разгроме поместий и т. п.⁹ В отдельных случаях крестьяне оказывали массовое неповиновение феодалам. Подобного рода выступление произошло в вотчинах Иосифо-Волоколамского монастыря в 1594—1595 гг. Крестьяне отказались платить монастырю оброки и исполнять барщину. Прошло несколько месяцев, прежде чем старцам удалось «крестьян острастити и смирити»¹⁰.

В начале XVII в. борьба угнетенных масс вылилась в открытые вооруженные выступления в масштабах отдельных районов, а затем и всей страны. Начальным рубежом Крестьянской войны стало восстание Хлопка в 1603 г. Этому восстанию предшествовала полоса вооруженных выступлений, охвативших обширную территорию. Отряды повстанцев, или «разбоев» (так именовали их официальные источники), формировались преимущественно из беглых крестьян и холопов. Когда умножилось «разбойство в земле Рустей,— повествовал летописец,— царь Борис посылал на них многжды своих воевод»¹¹. Как показал В. И. Корецкий, в 1602—1603 гг. власти посылали дворян «за разбойники» из Москвы, Можайска, Вязьмы, Тулы, Коломны, Суздаля и других городов¹².

Правительство вынуждено было

посылать воевод против «разбоев» уже при царе Федоре, в середине 90-х годов. Подтверждением может служить документальная запись Разрядного приказа 1595—1596 гг.: «То-го же году (7104) посланы в Лух для сыску разбойнова князь Борис Петрович Татев, да Борис Васильев, сын Собакин, да дьяк Григорей Чириков. И князь Борис Татев взят к Москве, а на его место послан Василей Андреевич Замыцкой»¹³. Территория бывшего Луховского удельного княжества, сравнительно удаленная от Москвы, стала первым очагом вооруженного выступления «разбоев». Движение приобрело такие масштабы, что местные власти не смогли с ним справиться и обратились за помощью к Москве. Оттуда для подавления «разбоев» были направлены несколько видных дворян с военным отрядом.

Таким образом, уже в середине 90-х годов в замосковских уездах можно было наблюдать всполохи по-

жара, охватившего спустя десятилетие всю страну.

Податный гнет и неволя гнали крестьян из старых феодальных центров на окраины. В глубинах «дикого поля», далеко за пределами оборонительной черты, образовались казацкие общины, постоянно пополнявшиеся крестьянами. Успехи казацкой вольницы вызывали глубокую тревогу в московских верхах. Пока тихий Дон служил надежным прибежищем для беглых крестьян, крепостной режим в Центре не мог восторжествовать окончательно. Власти сознавали, какую опасность таит в себе бурлящая окраина. Предпринятые ими меры для ограничения казачьей вольности обернулись, однако, против них самих. Открытое восстание казаков ускорило Крестьянскую войну.

Грандиозная Крестьянская война начала XVII в., явившаяся прямым ответом на установление в стране крепостного режима, потрясла феодальное государство до самого основания.

ВВЕДЕНИЕ

(с. 6—8)

¹ Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. СПб., 1910, с. 184—186.

² Смирнов П. П. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в., т. I. М.—Л., 1947; Бахрушин С. В. Классовая борьба в русских городах XVI—начала XVII в.—Научные труды, т. I. М., 1952.

³ Корецкий В. И. Закрепощение крестьян и классовая борьба в России во второй половине XVI в. М., 1970; его же. Формирование крепостного права и первая Крестьянская война в России. М., 1975; Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV—начало XVI (далее — Аграрная история). Л., 1971; Аграрная история Северо-Запада России XVI в. Новгородские пятины (далее — Новгородские пятины). Л., 1974, и др.

Глава 1

НАСЛЕДИЕ ГРОЗНОГО

(с. 9—29)

¹ АИ, т. I. СПб., 1841, № 154, с. 271.

² Письмо Л. Сапеги от 26 мая 1584 г.—*Scriptores rerum polonicarum*, t. VIII. Cracoviae, 1885, p. 174.

³ Из донесения Болоньетти 24 августа 1584 г.—*Historia Russiae monumenta*, t. II. СПб., 1841, с. 7.

⁴ Латухинская степенная книга.—ГПБ, ОР, Ф. IV. 597, л. 402.

⁵ Горсей Д. Путешествия сэра Еремея Горсея. Пер. Ю. Толстого.—*ЧОИДР*, 1907, кн. 2 (221), отд. IV (далее — Горсей Д. Путешествия (II)), с. 41, прим. 1; с. 47.

⁶ Буганов В. И., Корецкий В. И., Станиславский А. Л. «Повесть како отомсти» — памятник русской публицистики Смутного времени.—Исследования по истории русской литературы.—ТОДРЛ, л. XXVIII. Л., 1974, с. 241.

⁷ Текст донесения Н. Варкоча цитируется по фотокопии, полученной из Венского архива (Haus-, Hof- und Staatsarchiv. Wien, Russland I, Fasz. 3, 1589 (далее — Реляция Н. Варкоча), fol. 62—64); Псковские летописи. Под ред. А. Н. Насонова, вып. 2. М.—Л., 1955, с. 264.

си. Под ред. А. Н. Насонова, вып. 2. М.—Л., 1955, с. 264.

⁸ Масса И. Краткое известие о Московии начала XVI в. М., 1937, с. 34; Петрей П. История о Великом княжестве Московском. М., 1867, с. 158.

⁹ Годовикова Л. Н. Исторические сочинения А. Поссевино о России XVI в. Канд. дисс. МГУ, 1970, прил., с. 127.

¹⁰ ДАИ, т. I. СПб., 1846, № 129, с. 185.

¹¹ Горсей Д. Путешествия (II), с. 40—41.

¹² Там же, с. 47.

¹³ *Kognowicki. Zycia Sapichow*, t. 1. Wilna, 1790, p. 32.

¹⁴ ПСРЛ, т. XV. М., 1965, с. 35.

¹⁵ ЦГАДА, ф. 79, кн. 15, л. 33.

¹⁶ Посетивший в тот день Кремль литовский посол Л. Сапега писал, что между боярами произошло какое-то несогласие о местах и до его приезда они основательно между собой поспорили (*Scriptores rerum polonicarum*, t. VIII, p. 174).

¹⁷ Пискаревский летописец.—Материалы по истории СССР (XV—XVII вв.), вып. 2. М., 1955, с. 87.

¹⁸ Отчет о посольстве Е. Боуса.—*ЧОИДР*, 1884, кн. 4, с. 103.

¹⁹ *Scriptores rerum polonicarum*, t. VIII, p. 174.

²⁰ ЦГАДА, ф. 79, кн. 15, л. 33.

²¹ Пискаревский летописец, с. 87; Летописец XVI в.—ГИМ, собр. Е. Барсова, № 1811, л. 12; Масса И. Краткое известие..., с. 32.

²² ГИМ, Летописец, № 2524/42797, л. 75 об.

²³ Масса И. Краткое известие..., с. 32.

²⁴ *Scriptores rerum polonicarum*, t. VIII, p. 175.

²⁵ Пискаревский летописец, с. 87.

²⁶ Ключевский В. О. Соч., т. VIII. М., 1959, с. 51—52; Тихомиров М. Н. Российское государство в XV—XVII вв. М., 1973, с. 62—64; Черепнин Л. В. Земские соборы и утверждение абсолютизма в России.—Абсолютизм в России. М., 1964, с. 101; его же. Земские соборы Русского государства в XVI—XVII вв. М., 1978, с. 125—129; Павленко И. Н. К истории земских соборов XVI в.—Вопросы истории, 1968, № 5, с. 104.

²⁷ Горсей Д. Путешествия (II), с. 47 — 48. Согласно менее точному переводу текста Горсея Н. А. Белозеровой, в Москве был собран парламент (совет) «из высших духовных лиц и всего дворянского сословия без разбора» (Горсей Д. Записки о Московии XVI в. СПб., 1909 (далее — Горсей Д. Записки), с. 110).

²⁸ ПСРЛ, т. XIV. М., 1965, с. 35; Буганов В. И., Корецкий В. И. Неизвестный московский летописец XVII в. — Зап. ОР ГБЛ, вып. 3. М., 1971 (далее — Летописец XVII в.), ст. 256 об.

²⁹ Разрядная книга 1577 — 1606 гг. — ГБЛ, собр. Горского, № 16, л. 192; Разрядная книга 1375 — 1605 гг. — ГПБ., собр. Эрмитажное, № 390 (далее — Разряды), л. 666 об.; ГИМ, Щукинское собр., № 496, л. 787 об. В некоторых разрядах значится другая дата — 6 мая (ЦГАДА, ф. 201, собр. Оболенского, № 85, л. 782 об.).

³⁰ ГИМ, Летописец, № 2524/42797, л. 74 об.

³¹ Разряды, л. 666 об.

³² ПСРЛ, т. IV. Л., 1925, с. 320; Сб. РИО, т. 129. СПб., 1910, с. 361.

³³ Горсей Д. Путешествия (II), с. 52 — 53.

³⁴ Там же, с. 52.

³⁵ Вселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV — XVII вв. М., 1975, с. 578.

³⁶ Акты XIII — XVII вв., представленные в Разрядный приказ. Собр. А. Юшкова (далее — Акты Юшкова), т. I. М., 1898, № 220, с. 211.

³⁷ Горсей Д. Записки, с. 52.

³⁸ Подробнее см.: Скрынников Р. Г. Россия после опричнины. Л., 1975, с. 78 — 81.

³⁹ Разрядная книга 1577 — 1606 гг. — ГБЛ, собр. Горского, № 16, л. 199 об., 200 об., 204; Разряды, л. 669 об., 671 об., 672 об., 675, 676, 679 об., 681, 702; Разрядная книга 1559 — 1605 гг. М., 1974, с. 202, 204, 207; Разрядная книга 1475 — 1598 гг. М., 1966, с. 343, 360, 363, 379; Савва В. И. О посольском приказе в XVI в., вып. 1. Харьков, 1917, с. 226, 228, 278; Акты Юшкова, т. I, с. 211, 216; Лихачев Н. П. Разрядные дьяки XVI в. СПб., 1888, прил., с. 56. Князь Д. И. Шуйский помечен кравчим в списке думных чинов за февраль 1585 г. (Разрядная книга 1475 — 1598 гг., с. 360) и боярином в апреле 1586 г. (ЦГАДА, ф. 79, кн. 16, л. 98).

⁴⁰ Разрядная книга 1559 — 1605 гг., с. 205.

⁴¹ ЦГАДА, ф. Разрядного приказа (ф. 210), столбцы Московского стола, № 1144, ч. 1, л. 1. Источник впервые введен в научный оборот А. Л. Станиславским.

⁴² Кожевников М. Я. Земельные владения дома Романовых в XVI — XVII вв. СПб., 1913; Смирнов П. П. Города Московского государства в первой половине XVII в. Киев, 1917 — 1919; ЧОИДР, 1895, кн. 1, отд. 1, с. 1.

⁴³ ЦГАДА, ф. 79, кн. 17, л. 142 об. Помимо этого И. П. Шуйский получил в неизвестное время богатейшую суздальскую вотчину князя А. Б. Горбатого, конфискованную опричниной. В бывшем дворовом городе Козельске Шуйский владел поместьем в сельце Вейно, в котором, по книгам 7094 г., числилось 1548 четвертей паханой (!) доброй пашни (АФЭХ, ч. II, № 400, с. 447 — 448).

⁴⁴ ЦГАДА, ф. 79, кн. 18, л. 123 — 123 об. По Флетчеру, Псков платил в казну около 18 тыс. руб. тяглом и податью и 12 тыс. в виде торговых пошлин (Флетчер Д. О государстве Русском. СПб., 1906, с. 57).

⁴⁵ ЦГАДА, ф. 79, кн. 18, л. 123 об.

⁴⁶ Ссылка на это пожалование содержится в грамоте царя Михаила Федоровича 1614 г. (Назаров В. Д. Из истории государственного аппарата России в конце XVI — начале XVII в. — Советские архивы, 1969, № 2, с. 102).

⁴⁷ Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного. М., 1960, с. 432 — 434; Носов Н. Е. Становление сословно-представительных учреждений в России. Л., 1969, с. 240 — 327.

⁴⁸ Шумаков С. А. Обзор грамот коллегии экономии, вып. 2. М., 1900, № 205; Флетчер Д. О государстве Русском, с. 44; Горсей Д. Путешествия (II), с. 61.

⁴⁹ Временник Ивана Тимофеева. М. — Л., 1951, с. 178.

⁵⁰ Горсей Д. Путешествия (II), с. 44.

⁵¹ Горсей Д. Путешествия в Московию. Пер. Ю. Толстого. — ЧОИДР, 1877, кн. 1 (далее — Горсей Д. Путешествия (I)), с. 2.

⁵² Толстой Ю. Первые 40 лет сношений между Россией и Англией. СПб., 1875, с. 229; ЧОИДР, 1884, кн. 4, отд. III, с. 101.

⁵³ ГБЛ, ОР, собр. Горского, № 16, л. 527 об.

⁵⁴ Письмо папского нунция от 24 июня 1584 г. отражало московские новости не ранее мая. — Monumenta Poloniae Vaticana, t. VII. Krakow, 1934 — 1948, p. 315.

⁵⁵ Деша Болоньетти от 24 августа 1584 г.— *Historia Russiae monumenta*, t. II, N VIII, p. 7.

⁵⁶ Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв., с. 188—189; Сказания Авраамия Палицына. М.—Л., 1955, с. 104; ДАИ, т. II. СПб., 1846, № 76, с. 194.

⁵⁷ ЧОИДР, 1884, кн. IV, отд. III, с. 101.

⁵⁸ Опубликованный список (вероятно, черновой) «Чина венчания царя Федора» был составлен, очевидно, до избрания конюшего, так как в нем определялись обязанности конюшего (нести скипетр), но не называлось его имя, для которого в тексте был оставлен пробел. В день коронации скипетр перед царем нес Борис (СГГД, ч. 2. М., 1819, № 51, с. 73; Горсей Д. Записки, с. 111).

⁵⁹ *Historia Russiae monumenta*, t. I. СПб., 1841, с. 293; Котошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1906, с. 81.

⁶⁰ Исключительное положение Б. Ф. Годунова как конюшего боярина подчеркивалось тем, что на официальных дипломатических приемах он занимал место возле царского трона (ЦГАДА, ф. 79, кн. 15, л. 409).

⁶¹ Письмо Л. Сапегы из Москвы 10 июля 1584 г.— *Historia Russiae monumenta*, t. II, p. 2—3; ГИМ, Щукинское собр., № 496, с. 79.

⁶² *Historia Russiae monumenta*, t. II, N VIII, p. 7.

⁶³ Письмо Каллигари от 6 сентября 1579 г.— *Historia Russiae monumenta*, t. I, p. 286; Пирлинг П. Россия и папский престол. М., 1912, с. 443.

⁶⁴ *Acta historica res gestas poloniae illustrantia*. Cracoviae, 1887, p. 371. Впервые этот факт установил Б. Н. Флоря.

⁶⁵ Пискаревский летописец, с. 87.

⁶⁶ ГИМ, Летописец, № 2524/42797, л. 75 об.

⁶⁷ *Historia Russiae monumenta*, t. II, p. 2—3.

⁶⁸ СГГД, ч. 1. М., 1813, с. 594, 584.

⁶⁹ Там же, с. 584, 593.

⁷⁰ Там же, с. 595.

⁷¹ Там же.

⁷² Там же, с. 594, 595.

⁷³ СГГД, ч. 2, с. 592.

⁷⁴ Петров В. А. Соборное уложение 1584 г. об отмене тарханов.— Сб. статей по русской истории, посвященный С. Ф. Платонову. Пг., 1922, с. 192.

⁷⁵ Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве в начале XVII в. СПб., 1899, с. 593; его же. Борис Годунов. Пг., 1922, с. 82.

⁷⁶ Каштанов С. М. Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в., ч. 1.— АЕ за 1957 г. М., 1958, с. 359 и др.; ч. 2.— АЕ за 1960 г. М., 1962, с. 150, 154, 159, 162, 163, 164, 170, 175, 178, 182, 184, 185, 187, 188, 189, 195, 199 и др.; Каштанов С. М., Назаров В. Д., Флоря Б. Н. Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в.— АЕ за 1966 г. М., 1968, с. 217, 218, 227, 243, 245, 247, 248, 250, 252 и др.; Тебекин Д. А. Жалованные грамоты как источник по истории феодального иммунитета. Дип. раб. МГИАИ, 1955.

⁷⁷ Каштанов С. М. Хронологический перечень...— АЕ за 1960 г., с. 187, 159, 160, 161, 178, 180, 189.

⁷⁸ *Historia Russiae monumenta*, t. II, p. 7; ЦГАДА, ф. 210, столбцы Московского стола, № 1144, л. 1; Горсей Д. Путешествия (II), с. 62.

⁷⁹ Горсей Д. Путешествия (II), с. 62.

⁸⁰ ЦГАДА, ф. 79, кн. 15, л. 631 об.— 632.

⁸¹ Описание Посольского архива 1626 г.— ЦГАДА, ф. 138, оп. 3, д. 2, л. 429.

⁸² Горсей Д. Путешествия (II), с. 62; Флетчер Д. О государстве Русском, с. 42; Пискаревский летописец, с. 88.

⁸³ ДАИ, т. I, № 131, с. 189, 195; ЦГАДА, ф. 79, кн. 15, л. 629 об.

⁸⁴ Разрядная книга 1475—1598 гг., с. 364, 379.

⁸⁵ Новый летописец.— ПСРЛ, т. XIV, с. 36.

⁸⁶ ГПБ, ОР, F IV, 597, л. 414.

⁸⁷ Петрей П. Реляция Петра Петрея о России начала XVII в. М., 1976, с. 78—79; ЦГАДА, ф. 79, кн. 19, л. 28.

⁸⁸ *Historia Russiae monumenta*, t. II, p. 7.

⁸⁹ Сказание о Гришке Отрепьеве.— РИБ, т. XIII. СПб., 1909, стлб. 715.

⁹⁰ Скрынников Р. Г. Россия после опричнины, с. 83.

⁹¹ ЦГАДА, ф. 79, кн. 16, л. 6 об.

⁹² ЦГАДА, ф. Соловецкого монастыря, № 211, оп. 1, д. 3, л. 8 об.

⁹³ В монастыре регент прожил еще семь лет и умер 7 мая 1593 г. (ГПБ, ОР, F IV, № 345, л. 67—68).

⁹⁴ Разрядная книга 1475—1598 гг., с. 363; ЦГАДА, ф. 79, кн. 16, л. 134.

Глава 2

КРИЗИС ВЛАСТИ

(с. 30—39)

¹ Письмо капитана Белявского (1585).— *Scriptores rerum polonicarum*, t. XVIII, p. 422.

² ЦГАДА, ф. 79, кн. 15, л. 629 об.

³ М. А. Безнин разбил крымцев за Окой; боярин князь Ф. М. Трубецкой, а позже окольничий князь Ф. И. Хворостинин и И. П. Татищев возглавляли полки, собранные на Оке; боярин князь Д. И. Хворостинин повел войска на ногайцев (Разрядная книга 1475—1598 гг., с. 342—343, 344; ГБЛ, собр. Горского, № 16, л. 197 об.).

⁴ *Scriptores rerum polonicarum*, t. XVIII, p. 422.

⁵ ЦГАДА, ф. 79, кн. 16, л. 141.

⁶ Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря.— Архив АН СССР, ф. С. Б. Веселовского (ф. 620), оп. 1, д. 18, л. 56.

⁷ РИБ, т. XXII, стлб. 154—155, 228; Толстой Ю. Первые 40 лет сношений между Россией и Англией, с. 250, 71, 78.

⁸ ЦГАДА, собр. Мазурина, № 273, л. 191 об. Впервые на значение этого факта указал С. В. Бахрушин (Бахрушин С. В. Классовая борьба в русских городах XVI—начала XVII в., с. 214).

⁹ ЦГАДА, ф. 79, кн. 17, л. 143, 260, 260 об.

¹⁰ Повесть како отомсти.— ТОДРЛ, т. XXVIII, с. 242.

¹¹ ПСРЛ, т. XIV, с. 36.

¹² Повесть како отомсти.— ТОДРЛ, т. XXVIII, с. 242; ср. Иное сказание.— РИБ, т. XIII, с. 4; ПСРЛ, т. XIV, с. 36.

¹³ Толстой Ю. Первые 40 лет сношений между Россией и Англией, с. 250; Горсей Д. Путешествия (II), с. 59; Обвинительные пункты Московской комиссии против Д. Горсея (1589 г.).— Горсей Д. Записки, с. 152.

¹⁴ Жалоба Английской компании.— Горсей Д. Записки, с. 144; Толстой Ю. Первые 40 лет сношений между Россией и Англией, с. 285; Сб. РИО, т. 38. СПб., 1883, с. 175, 168.

¹⁵ Попов А. Н. Обзор хронографов русской редакции, вып. 2. М., 1869, с. 70—71; Платонов С. Ф. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVI в. как исторический источник. СПб., 1888, с. 64—65; Творогов О. В. О Хронографе редакции 1617 г.— ТОДРЛ, т. XXV. М.— Л., 1970.

¹⁶ ГПБ, ОР, F IV, № 600, л. 631. См. также: Попов А. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869, с. 186; ср. Латухинская степенная книга, л. 414 об.— 415.

¹⁷ Петрей П. Реляция Петра Петрея о России начала XVII в., с. 78—79.

¹⁸ Временник Ивана Тимофеева, с. 62.

¹⁹ Разрядная книга 1475—1598 гг., с. 362—363.

²⁰ Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877, с. 6; ПСРЛ, т. XIV, с. 37; Новгородские летописи. СПб., 1879, с. 449; Летописец XVII в., л. 257.

²¹ ПСРЛ, т. XIV, с. 37.

²² Деша Болоньетти от 24 августа 1584 г.— *Historia Russia monumenta*, t. II, p. 7.

²³ *Scriptores rerum polonicarum*, t. XVIII, p. 424.

²⁴ *Zaleski St. Wojenne plany St. Batoryego w latach 1583—1586.*— *Przegląd powszechny*, t. III. Krakow, 1884, p. 38—42.

²⁵ *Scriptores rerum polonicarum*, t. XVIII, p. 422.

²⁶ Письмо помечено 1 января 1586 г. Но эту дату следует признать опиской, так как в письме упомянуто о недавней смерти Батория в декабре 1586 г. (Краков. Архив Радзивиллов, V, № 11223). Текст письма разыскан в архиве Б. Н. Флорей.

²⁷ Реляция Н. Варкоча (1589 г.), fol. 63—63 об.

²⁸ Горсей Д. Путешествия (II), с. 68.

²⁹ *Archiwum glowny Akt Dawnych w Warszawie. Archiwum Radziwillow. dz. V, N 11223.* Приношу глубокую благодарность Б. Н. Флоре за сообщение текста писем С. Паца, Л. Сапеги и А. Бараковского.

³⁰ Наказ послам был составлен в декабре 1586 г.— ЦГАДА, ф. 79, кн. 17, л. 142—142 об.

³¹ Там же, л. 142 об.

³² Пискаревский летописец, с. 88; Псковские летописи, вып. 2, с. 264.

³³ ПСРЛ, т. XIV, с. 37.

³⁴ Веселовский С. Б. К вопросу о пересмотре и подтверждении жалованных грамот в 1620—1630 гг. М., 1907.

³⁵ Корецкий В. И. Из истории заселения Сибири накануне и во время Смуты (конец XVI—начало XVII в.).— Русское население Поморья и Сибири. М., 1973, с. 38.

Глава 3

РЕФОРМА «ДВОРА»

(с. 40—47)

¹ ГБЛ, собр. Горского, № 16, л. 197 об.

² Список думных чинов на приеме М. Габурды 26 апреля 1586 г.— ЦГАДА, ф. 79, кн. 16, л. 98.

³ Вкладные книги Иосифо-Волоколамского монастыря.— ЦГАДА, ф. 181, № 141, л. 50; Родословная книга.— ЦГАДА, ф. 181, № 176, л. 647. См. также: Кобрин В. Б. Состав опричного двора Ивана Грозного.— АЕ за 1959 г. М., 1960, с. 52.

⁴ Разрядная книга 1559—1605 гг., с. 210—211, 216; ЦГАДА, ф. 210, столбцы Московского стола, № 751, столп. 3, л. 1.

⁵ Временник Ивана Тимофеева, с. 46.

⁶ ТКДТ. М.—Л., 1950, с. 83—103. См. также: Смирнов И. И. Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI в. М.—Л., 1958, с. 407—423; Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного, с. 366—371.

⁷ ПРП, вып. V. М., 1959, с. 434.

⁸ В начале 50-х годов в Москве служили 67 больших и дворовых дьяков, но лишь четверо из них — И. Т. Клобуков, Я. Захаров и, возможно, В. Неелов и В. Степанов — попали в число лучших слуг. При этом они были записаны не отдельным списком, а попали в разряд детей боярских III статьи.

⁹ Таблица составлена на основе данных А. Л. Станиславского о численности различных групп «двора». Приведенные в таблице данные являются не совсем полными, поскольку неизвестны оклады некоторых думных чинов, жильцов и т. д.

¹⁰ Сухотин Л. М. Земельные пожалования в Московском государстве при царе Владиславе.— ЧОИДР, 1911, кн. 4, с. 70—71.

¹¹ Впервые на значение этого факта указал Б. Н. Флоря. Он с полным основанием отверг гипотезу о дефектности дворовой тетради и пришел к заключению, что тетрадь представляла собой список лишь части «государева двора» (Флоря Б. Н. Несколько замечаний о «дворовой тетради» как историческом источнике.— АЕ за 1973 г. М., 1974, с. 52—53).

¹² Из записки о московском приказном управлении следует, что в состав Боярской думы входили два разрядных дьяка — «Разряду Московского Большого» и «Разряду Ноугороцкого» (АИ, т. II, № 355, с. 422).

¹³ ТКДТ, с. 6.

¹⁴ АЕ за 1973 г., с. 49—50.

¹⁵ Это количество вычислил А. Л. Станиславский на основании списка двора царя Федора 1588—1589 гг. (ЦГАДА, ф. 210, столбцы Московского стола, № 751, столпик 3). Список двора Федора впервые введен в научный оборот А. Л. Станиславским и С. П. Мордовиной. О датировке списка см.: Мордовина С. П. и Станиславский А. Л. Боярские списки конца XVI—начала XVII в. как исторический источник.— Советские архивы, 1973, № 2, с. 90—94; Станиславский А. Л. Источники для изучения состава и структуры государева двора последней четверти XVI—начала XVII в. АКД. М., 1973, с. 19.

¹⁶ Скрынников Р. Г. Россия после опричнины, с. 46.

¹⁷ Список служилых людей 20 марта 1573 г.— Исторический архив, т. IV. М.—Л., 1949, с. 24.

¹⁸ Назаров В. Д. О структуре «государева двора» в середине XVI в. Общество и государство феодальной России. М., 1975, с. 40—54.

¹⁹ Станиславский А. Л. Источники для изучения..., с. 19.

²⁰ ТКДТ, с. 111—112.

²¹ По наблюдениям А. Л. Станиславского, княжеские списки исчезли из боярских списков в годы опричнины и «удела», а затем появились вновь в дворовом списке царя Федора (Станиславский А. Л. Опыт изучения боярских списков конца XVI—начала XVII в.— История СССР, 1971, № 4).

²² ТКДТ, с. 117.

Глава 4

ВОЕННАЯ УГРОЗА

(с. 48—54)

¹ Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.—Л., 1948, с. 432—433.

² Разряды, л. 668—668 об.

³ ГБЛ, собр. Горского, № 16, л. 197 об. В официальной редакции государева Разряда 1598 г. сведения о татарском набеге подверглись фальсификации в связи с опалой на победителя татар М. А. Безнина (Разрядная книга 1475—1598 гг., с. 443—444).

⁴ Разрядная книга 1475—1598 гг., с. 352; ГБЛ, собр. Горского, № 16, л. 216 об.; Разряды, л. 691 об.

- ⁵ Новосельский А. А. Указ. соч., с. 433.
⁶ Корецкий В. И. Летописец с новыми известиями о восстании Болотникова.— История СССР, 1968, № 4, с. 128; Разряды, л. 697 об.
⁷ ГБЛ, собр. Горского, № 16, л. 231 — 232 об.
⁸ ПСРЛ, т. XIV, с. 37; Разрядная книга 1475 — 1598 гг., с. 390, 399.
⁹ Разряды, л. 700.
¹⁰ ГБЛ, собр. Горского, № 16, л. 245 об.; Разряды, л. 706 об.
¹¹ Zaleski St. Wojenne plany St. Batoryego w latach 1583 — 1586.— Przegląd powszechny, t. IV. Krakow, 1884.
¹² Стороженко А. В. Стефан Баторий и днепровские казаки. Киев, 1904, с. 98.
¹³ Флоря Б. Н. Русско-польские отношения и балтийский вопрос в конце XVI — начале XVII в. М., 1973, с. 17 — 18.
¹⁴ Разрядная книга 1475 — 1598 гг., с. 378 — 379.
¹⁵ Флоря Б. Н. Русско-польские отношения и балтийский вопрос..., с. 18 — 22.
¹⁶ Там же, с. 12 — 14.
¹⁷ Винтер Э. Натиск контрреформации на Россию и польские королевские выборы 1575 и 1587 гг.—Международные связи России до XVII в. М., 1961, с. 410.
¹⁸ Смирнов Н. А. Россия и Турция в XVI — XVII вв., т. 1.— Уч. зап. МГУ, вып. 94. М., 1946, с. 138.
¹⁹ Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI — XVII вв. М., 1963, с. 267.
²⁰ Разряды, л. 711, 711 об., 714 об.; Пискаревский летописец, с. 91; Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией..., с. 269, 270.
²¹ Разряды, л. 714 об., 725 об.
²² Флоря Б. Н. Русско-польские отношения и балтийский вопрос..., с. 34 — 35.
²³ Разрядная книга 1475—1598 гг., с. 409—411; Разряды, л. 731, 734.

Глава 5

ГОНЕНИЯ НА БОЯР (с. 55—64)

- ¹ Флетчер Д. О государстве Русском, с. 159; Корецкий В. И. Формирование крепостного права и первая Крестьянская война в России, с. 201.
² Разряды, л. 733; Флетчер Д. О государстве Русском, с. 126.

- ³ Biblioteka Polskiej akademii nauk w Krakowie. Teki Rzymskie, t. 42, fol. 178.
⁴ Biblioteka Polskiej akademii nauk w Korniku, N 1539/13. Цитируемые здесь польские депеши были разысканы в польских архивах Б. Н. Флорей.
⁵ Biblioteka Polskiej akademii nauk w Krakowie. Rkp. Jag. bibl., N 1136.
⁶ Реляция Н. Варкоча (1589 г.), fol. 64.
⁷ «Правым и честнейшим нашим прелюбительным, приятельным приятелем государю Борису Федоровичу Годунову да Ондрею Щелкалову, боярину думному большому и дияку ближнему...» (Сб. РИО, т. 38, с. 187).
⁸ Письмо 1587 г.—Толстой Ю. Первые 40 лет сношений между Россией и Англией, с. 286; ср. Горсей Д. Записки, с. 125.
⁹ Статейный список посольства Д. Флетчера. 1588 — 1589 гг.—Временник ОИДР, кн. 8. М., 1850, с. 26 — 27.
¹⁰ Реляция Н. Варкоча (1589 г.), fol. 63.
¹¹ Временник ОИДР, кн. 8, с. 77.
¹² Ключевский В. О. Курс русской истории, ч. III. М.—Пг., 1923, с. 29.
¹³ ПСРЛ, т. XIV, с. 36 — 37.
¹⁴ Разряды, л. 701 об.; ЦГАДА, ф. 210, столбцы Московского стола, № 751, столпик 3, л. 55, 26.
¹⁵ РИБ, т. XIII, столб. 716; ЦГАДА, ф. 210, столбцы Московского стола, № 751, столпик 3, л. 26.
¹⁶ ЦГАДА, ф. 79, кн. 17, л. 259 об.—260; ПСРЛ, т. XIV, с. 37.
¹⁷ Пискаревский летописец, с. 90; Псковские летописи, вып. 2, с. 264; Морозовский летописец.—ГПБ, ОР, Ф IV, № 238, л. 78. Год смерти И. П. Шуйского правильно называет Д. Флетчер, а также авторы «Сказания о Гришке Отрепьеве» (Флетчер Д. О государстве Русском, с. 42; РИБ, т. XIII, столб. 716).
¹⁸ ГПБ, ОР, собр. Кирилло-Белозерского монастыря, № 78/1317, л. 69 — 69 об.
¹⁹ Горсей Д. Путешествия (II), с. 62; Псковские летописи, вып. 2, с. 264; РИБ, т. XIII, столб. 716; ПСРЛ, т. XIV, с. 37.
²⁰ ПСРЛ, т. XIV, с. 37; Пискаревский летописец, с. 88.
²¹ РИБ, т. XIII, столб. 716.
²² ПСРЛ, т. XIV, с. 36 — 37.
²³ Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря, 1673 г.—Архив АН СССР, ф. С. Б. Веселовского (ф. 620), оп. 1, № 19, л. 266.
²⁴ ПСРЛ, т. XIV, с. 37. Военная карье-

ра Колычева оборвалась в конце 1586 г. (Разрядная книга 1475—1598 гг., с. 358, 377).

²⁵ РИБ, т. XIII, стлб. 716.

²⁶ ПСРЛ, т. XIV, с. 376. В дворовом списке 1588—1589 гг. против имени В. М. Урусова имеется помета: «Нет. У пристава». Следовательно, он находился в то время в тюрьме (ЦГАДА, ф. 210, столбцы Московского стола, № 751, столпик 3, л. 33).

²⁷ ПСРЛ, т. XIV, с. 37.

²⁸ Бывший воевода г. Колы А. И. Палицын подвергся опале в 1588 г. и вскоре был пострижен в Соловецком монастыре под именем Авраамия (Державина О. А. «Сказание» Авраамия Палицына и его автор. Сказание Авраамия Палицына. М., 1955, с. 22—23).

²⁹ Второй мемориал Л. Паули (примерно 1589 г.).— Haus-, Hof- und Staatsarchiv. Wien, Russland I, Fasz. 3, 1589, fol. 185; Первый мемориал Л. Паули (апрель 1588 г.).— Ibid., Fasz. 2, 1588, fol. 56, 59.

³⁰ Письмо Л. Паули (апрель 1588 г.).— Haus-, Hof- und Staatsarchiv. Wien, Russland I, Fasz. 2, 1588, fol. 56, 59.

³¹ Там же.

³² Инструкция Н. Варкоча (1588 г.).— Оригинал опубликован на немецком языке в статье Г. Ф. Штендмана «Отзыв об историческом исследовании проф. А. Трачевского» (Отчет о XXI присуждении наград гр. Уварова. СПб., 1880, с. 101).

³³ Реляция Н. Варкоча (1598 г.), fol. 64.

³⁴ Мемориал Л. Паули (1598—1600 гг.).— Haus-, Hof- und Staatsarchiv. Wien, Russland I, Kart. 4, 1598, fol. 97.

³⁵ Ближний дьяк Фролов исполнял самые секретные поручения Грозного в последние годы его жизни (Горсей Д. Путешествия (II), с. 31). При Федоре Фролов был отослан в Новгород, где служил главным дьяком до 1588 г., после чего его имя исчезло из Разрядов (Самоковасов Д. Я. Архивный материал, т. II, ч. 2. М., 1909, с. 446—448, 452 и др.).

³⁶ Горсей Д. Путешествия (II), с. 61.

³⁷ Список двора царя Федора 1588—1589 гг., л. 50.

³⁸ Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря 1673 г.— Архив АН СССР, ф. С. Б. Веселовского (ф. 620), оп. 1, № 19, л. 234.

³⁹ ДАИ, т. I, № 226, с. 428.

⁴⁰ Царь Федор просил литовцев отпус-

тить королеву в Москву в феврале 1586 г. (ЦГАДА, ф. 159, № 601, 1586 г., л. 1).

⁴¹ Пискаревский летописец, с. 78; Горсей Д. Путешествия (II), с. 55.

⁴² Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII вв., т. 2. М., 1869, с. 745; ДАИ, т. I, № 340, с. 412; Горский А. В. Историческое описание Троице-Сергиевой лавры. М., 1890, с. 97.

⁴³ Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. 1673 г.— Архив АН СССР, ф. С. Б. Веселовского (ф. 620), оп. 1, № 19, л. 57 об.

⁴⁴ Флетчер Д. О государстве Русском, с. 27.

⁴⁵ Разрядная книга 1475—1598 г., с. 378, 390.

⁴⁶ Разряды, л. 745, 725 об.; Список двора царя Федора, 1588—1589 гг., л. 1.

⁴⁷ ДДГ, с. 444; Разрядная книга 1475—1598 гг., с. 334—336, 378, 391.

⁴⁸ ГБЛ, собр. Горского, № 16, л. 250; Список двора царя Федора 1588—1589 гг., л. 19.

⁴⁹ Симеон значился главным воеводой в предполагаемом походе против Батория (Разряд, 25 февраля 1585 г.), против шведов (Разряд, 2 ноября 1586 г.) и в Можайском походе (Разряд, 25 декабря 1586 г.) (ГБЛ, собр. Горского, № 16, л. 206 об., 225 об.; Разрядная книга 1598 г., с. 379).

⁵⁰ ПСРЛ, т. XIV, с. 47.

⁵¹ Акты Московского государства, т. I. СПб., 1890, с. 53.

⁵² Список двора царя Федора 1588—1589 гг., л. 27.

⁵³ Село Кушалино принадлежало боярину И. Ф. Мстиславскому. Симеон получил его, видимо, благодаря браку с его дочерью (ГИМ, ф. Симонова монастыря, кн. 58 (по Ярославлю), № 3, л. 398—400).

⁵⁴ ПСРЛ, т. XIV, с. 47.

⁵⁵ Маржарет Я. Записки. — Устрялов Н. Г. Сказания иностранцев о Дмитрие Самозванце, изд. 3, ч. 1. СПб., 1859, с. 287.

⁵⁶ Разряд 25 декабря 1586 г.— Разрядная книга 1598 г., с. 379.

⁵⁷ Разрядная книга 1475—1598 гг., с. 415.

⁵⁸ Флетчер Д. О государстве Русском, с. 42.

⁵⁹ Разряды, л. 904 об.; Разрядная книга 1475—1598 гг., с. 378, 390.

⁶⁰ Разрядная книга 1475—1598 гг., с. 343.

⁶¹ ГБЛ, собр. Горского, № 16, л. 254 об.

Князь А. И. Голицын угодил в тюрьму в Деделове «за то, что... писал к государю так, как холопы к государем не пишут» (Разряды, л. 717 — 717 об.).

⁶² Список двора царя Федора 1588 — 1589 гг., л. 65, 66.

⁶³ Разряды, л. 711; Разрядная книга 1493 — 1609 гг. — ЦГАДА, ф. 181, № 99/131, л. 715.

⁶⁴ АФЗХ, ч. II, № 387 — 388, с. 434 — 435; Сметанина С. И. Записи XVI — XVII вв. на рукописях собрания Е. Е. Егорова. — АЕ за 1963 г. М., 1964, с. 365.

⁶⁵ Барсуков А. П. Род Шереметьевых, т. II. СПб., 1882, с. 8 — 9.

⁶⁶ Окольников в 1585 — 1588/89 гг., без думного чина в Ливнах в 1589 — 1593/94 гг. (ГБЛ, собр. Горского, № 16, л. 282; Разрядная книга 1598 г., с. 360, 374, 392, 482; Разряды, л. 681; Список двора царя Федора 1588 — 1589 гг., л. 27.

⁶⁷ Список двора царя Федора 1588 — 1589 гг., л. 64 об.

⁶⁸ Там же, л. 62, 30.

⁶⁹ Флетчер Д. О государстве Русском, с. 70; Псковские летописи, вып. 2, с. 264. Опала на Строгановых была непродолжительной. В 1591 г. царь Федор пожаловал им городок Орел и велел владеть всей вотчиной «по-прежнему» (Устрялов Н. Г. Именные люди Строгановы. СПб., 1842, прил., с. 42 — 43).

⁷⁰ Псковские летописи, вып. 2, с. 264; Флетчер Д. О государстве Русском, с. 42.

Глава 6

УСТУПКИ ДВОРЯНСТВУ

(с. 65—73)

¹ Скрынников Р. Г. Экономическое развитие новгородского поместья в конце XV и первой половине XVI в. — Учен. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена, т. 150, вып. 1. Л., 1957, с. 7 — 10.

² Самоквасов Д. Я. Архивный материал, т. I. М., 1905, с. 7.

³ Аграрная история, с. 193, 195; Абрамович Г. В. Новгородские писцовые книги как источник по истории барщины в поместном хозяйстве XVI в. — Тезисы докладов и сообщений XII сессии межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. М., 1970, № 2, с. 59.

⁴ Новгородские пятины, с. 280 — 281.

⁵ Там же, с. 280.

⁶ Там же, с. 224, 230, 239.

⁷ Там же, с. 267, 283.

⁸ Там же, с. 283.

⁹ Флетчер Д. О государстве Русском, с. 14.

¹⁰ Псковские летописи, вып. 2, с. 264.

¹¹ Флетчер Д. О государстве Русском, с. 14.

¹² Маньков А. Г. Цены и их движение в Московском государстве в XVI в. М. — Л., 1951, с. 109.

¹³ ПСРЛ, т. XXXII. М., 1975, с. 177; Лашков Ф. Ф. Статейный список И. Судаква 1587 — 1588 гг. — Известия Таврической ученой архивной комиссии, № 14. Симферополь, 1891, с. 57.

¹⁴ ЦГАДА, ф. 137, д. 11. Книги ямских и приметных денег, л. 575 об., 574 об. — 575, 587 об., 566 об. — 567; Самоквасов Д. Я. Архивный материал, т. II, ч. 2, с. 536 — 537.

¹⁵ ЦГАДА, ф. 1209, кн. 972, л. 159.

¹⁶ Там же, л. 574 — 574 об., 573, 567 об. — 572 об.

¹⁷ ЦГАДА, ф. 137, д. 11, л. 668 об. — 669, 667 об., 670 об. — 672.

¹⁸ Там же, л. 567 об. — 573, 587 об.

¹⁹ Опись документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции, кн. 8. М., 1891, с. 316, 317.

²⁰ ЦГАДА, ф. 1209, кн. 961, л. 379 об.

²¹ ЦГАДА, ф. 1209, кн. 972, л. 243 об., 236 — 236 об.

²² Там же, л. 228 — 228 об., л. 232.

²³ Смирнов П. П. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в. М. — Л., 1947, с. 331 — 333; Бахрушин С. В. Классовая борьба в русских городах XVI — начала XVII в., с. 213 — 214.

²⁴ Пискаревский летописец, с. 87; ГИМ, Летописец, № 2524/42797, л. 75 об.

²⁵ Новый летописец. — ПСРЛ, т. XIV, с. 35.

²⁶ Рожков Н. А. Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в. М., 1899, с. 266 — 267.

²⁷ ЦГАДА, ф. 1209, кн. 972, л. 210 — 211, 205 — 205 об., 110.

²⁸ Рожков Н. А. Указ. соч., с. 269.

²⁹ ЦГАДА, ф. 1209, кн. 972, л. 197 — 198, 292, 269.

³⁰ В. И. Корецкий. Из истории закрепощения крестьян в России в конце XVI — начале XVII в. — История СССР, 1957, № 1, с. 183.

Глава 7

ДЕЛО НАГИХ

(с. 74—85)

¹ ДДГ. М., 1950, с. 440 — 441; ПСРЛ, т. XIV, с. 34 — 35.

² Когда царь Иван выделил глухонемому брату Юрию Углич в удел, он образовал при нем думу во главе со знатным боярином князем И. А. Куракиным.

³ Морозовский летописец, л. 75; Горсей Д. Путешествия (II), с. 48.

⁴ Лихачев Н. П. Разрядные дьяки в XVI в. СПб., 1888, прил., с. 12, 68.

⁵ Клейн В. К. Угличское следственное дело о смерти царевича Дмитрия 15 мая 1591 г., ч. 2. М., 1913 (далее — Клейн В. К. Угличское следственное дело...), л. 17, 37, 45, 10, 45 — 46, 49 — 50.

⁶ ПСРЛ, т. XIV, с. 40; Флетчер Д. О государстве Русском, с. 27 — 28.

⁷ О поставлении благочестивых царей и великих князей на царство. — Шпаков А. Я. Государство и церковь в их взаимных отношениях в Московском государстве. Одесса, 1912, прил. II, с. 114. Цитируемая рукопись Синодальной библиотеки, по-видимому, была составлена в митрополичьей канцелярии накануне коронации Федора и представляла собой черновой набросок.

⁸ Флетчер Д. О государстве Русском, с. 138.

⁹ Зимин А. А. Смерть царевича Дмитрия и Борис Годунов. — Вопросы истории, 1978, № 9, с. 94 — 95.

¹⁰ Клейн В. К. Угличское следственное дело о смерти царевича Дмитрия, ч. 1. Дипломатическое исследование подлинника. М., 1913. И. И. Полосин указал на наличие в «обыске» нескольких различных версий о причинах и обстоятельствах смерти царевича и на этом основании категорически отверг мнение «о якобы произведенной по указанию Бориса Годунова подделке (подтасовке) материалов следствия» (Полосин И. И. Угличское следственное дело 1591 г. — Полосин И. И. Социально-политическая история России XVI — начала XVII в. М., 1963, с. 226 — 227).

¹¹ Клейн В. К. Угличское следственное дело..., л. 21, 46, 7, 40, 6, 8, 48 — 49, 12 — 13, 14, 26, 28.

¹² Там же, л. 11, 15, 40, 46.

¹³ Там же, л. 15, 22, 26.

¹⁴ Письмо Л. Паули (1595 г.). — Haus-

Hof- und Staatsarchiv. Wien, Russland I, Fasz. 3, 1595, fol. 74.

¹⁵ Лурье Я. С. Письма Джерома Горсея. — Уч. зап. ЛГУ. Серия истор. наук, 1940, № 73, с. 200.

¹⁶ Горсей Д. Путешествия (II), с. 99.

¹⁷ Зимин А. А. Смерть царевича Дмитрия и Борис Годунов, с. 100.

¹⁸ Башмаковская разрядная книга датирует первое распоряжение Разрядного приказа 2 мая (Архив ЛОИИ, колл. рукописных книг, № 93, л. 734 об. — 735). Майская запись воспроизведена также в самых ранних и лучших списках Разрядных книг подробной редакции (Разрядная книга 1577 — 1606 гг. — ГБЛ, собр. Горского, № 16, л. 314; Разрядная книга 1577 — 1616 гг. — ГИМ, собр. Уварова, № 594, л. 383 об.). Судя по Эрмитажной книге, Разряд повторил свое распоряжение 7 мая, пересмотрев при этом некоторые предыдущие назначения. Указ не остался на бумаге. Получив назначение в Китай-город, князь И. Д. Шестунов пытался местничать со ставленником Бориса В. П. Турениным, но был отстранен от службы и заменен А. Годуновым (Архив ЛОИИ, ф. 115, № 93, л. 734 об. — 735). Положение в столице оставалось тревожным, и правитель старался насадить повсюду своих родственников.

¹⁹ Разряды, л. 753 об. — 754, 759, 760 об.

²⁰ Масса И. Краткое известие о Московии, с. 40 — 41. По словам Маржарета, весть о смерти Дмитрия породила в Москве разные толки, народ роптал (Маржарет Я. Состояние Российской державы. — Устрялов Н. Сказания современников о Дмитрии Самозванце, изд. 3, ч. 1. СПб., 1859, с. 256). Как раз в 1591 г. Борис Годунов сделал второе (после 1589 г.) крупное пожертвование церкви. Он прислал большую сумму в Соловецкий монастырь (Архив ЛОИИ, колл. актовых книг, ф. 2, № 125, л. 22).

²¹ Разрядная книга 1577 — 1606 гг. — ГБЛ, собр. Горского, № 16 л. 320; Разряды, л. 761 об.; Сказание Авраамия Палицына, с. 102; Новый летописец. — ПСРЛ, т. XIV, с. 42; письмо Л. Паули (1595 г.). — Haus-, Hof- und Staatsarchiv. Wien, Russland I, Fasz. 3, 1595, fol. 74; Масса И. Краткое известие о Московии, с. 41; Голубцов И. А. «Измена» Нагих. — Уч. зап. Института истории РАНИОН, т. IV. М., 1929, с. 70.

²² Наказ Д. Исленьеву (ранее 17 июля

1591 г.).—ЦГАДА, ф. 79, дела Польского двора, № 21, л. 206 — 206 об.

²³ Голубцов И. А. «Измена» Нагих, с. 70; Масса И. Краткое известие о Московии, с. 41.

²⁴ Клейн В. К. Угличское следственное дело..., л. 51 — 52.

²⁵ Наказ Д. Исленьеву (ранее 17 июля 1591 г.).—ЦГАДА, ф. 79, дела Польского двора, № 21, л. 206 — 206 об.; наказ Р. Дурову (1592 г.).—Выписки из статейного списка посольства Павла Волка и Мартина Сушского.—Анпилов Н. Г. Новые документы о России конца XVI — начала XVII в. М., 1967, с. 43.

²⁶ Сказание Авраамия Палицына, с. 102; ПСРЛ, т. XIV, с. 42; Пискаревский летописец, с. 92; Временник Ивана Тимофеева, с. 44 — 45; РИБ, т. 13, столб. 717.

Глава 8

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ УСПЕХИ (с. 86—100)

¹ Флоря Б. Н. Русско-польские отношения и балтийский вопрос..., с. 34.

² Разрядная книга 1475 — 1598 гг., с. 417.

³ *Tawaststjerna W.* Pohjoismaiden viisi-kolmat-tavuotinen sota. Helsinki, 1918 — 1920, p. 11 — 18, 10.

⁴ Разряды, л. 740 об.—741.

⁵ Был убит князь И. Ю. Токмаков, руководивший штурмом у Русских ворот, ранены М. Г. Салтыков и Ромодановский, посланные в проломы (Пискаревский летописец, с. 90 — 91; Разрядная книга 1475 — 1598 гг., с. 422).

⁶ *Tawaststjerna W.* Op. cit., p. 17 — 19.

⁷ Псковские летописи, вып. 2, с. 264.

⁸ Разрядная книга 1475 — 1598 гг., с. 426.

⁹ Разряды, л. 746—747 об., 751; Чумиков А. О походе шведов к Белому морю в 1590 — 1591 гг.—ЧОИДР, 1894, кн. 3, с. 12 — 15; Соловецкий летописец второй половины XVI в.—Исторический архив, т. VII. М., 1951, с. 230 — 232.

¹⁰ Флоря Б. Н. О текстах русско-польского перемирия 1591 г.—Славяне и Россия. М., 1972, с. 71 — 80.

¹¹ *Tawaststjerna W.* Op. cit., p. 146.

¹² Разряды, л. 761 об.—763; Тихомиров М. Н. Краткие заметки о летописных

произведениях в рукописных собраниях Москвы. М., 1962, с. 72; Разрядная книга 1475 — 1598 гг., с. 440 — 441; Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа..., с. 278; ПСРЛ, т. XIV, с. 42.

¹³ Разряды, л. 762 об., 759 — 759 об., 760 об.—761, 766 об.

¹⁴ Разрядная книга 1475 — 1598 гг., с. 443.

¹⁵ ПСРЛ, т. XIV, с. 42; ГБЛ, Муз. собр., № 6033, л. 264.

¹⁶ Разряды, л. 768.

¹⁷ Там же, л. 772.

¹⁸ Разрядная книга 1475 — 1598 гг., с. 444.

¹⁹ Временник Ивана Тимофеева, с. 38; ПСРЛ, т. XIV, с. 43; Пискаревский летописец, с. 93.

²⁰ Очевидец татарского нападения патриарх Иов спустя семь лет описал события тех дней в «Житии царя Федора» (ПСРЛ, т. XIV, с. 13).

²¹ ГБЛ, Муз. собр., № 6033, л. 264.

²² По слухам, записанным русскими летописцами и иностранцами, ночью к хану привели пленников, которые показали, будто в Москву прибыли крупные военные подкрепления (ПСРЛ, т. XIV, с. 43; Масса И. Краткое известие о Московии, с. 38; Временник Ивана Тимофеева, с. 157).

²³ Согласно официальной версии, «легкие воеводы» будто бы настигли татар за Тулой, в «диком поле», и гнали их до ханской ставки (ПДС, т. I. СПб., 1851, столб. 1264; см. также: Буганов В. И., Корецкий В. И. Неизвестный московский летописец XVII в. из Музейного собрания ГБЛ.—Зап. ОР ГБЛ, вып. 32. М., 1971, с. 157 — 158).

²⁴ ЦГАДА, ф. 123, Крымские дела, кн. 18, л. 189 — 190 об.; ПСРЛ, т. XIV, с. 42 — 43; Тихомиров М. Н. Малоизвестные летописные памятники. Исторический архив, кн. VII. М., 1951, с. 232.

²⁵ Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа..., с. 279.

²⁶ ДРВ, ч. VII. М., 1788, с. 58; ААЭ, т. II, с. 26.

²⁷ Разряды, л. 777, 787 — 787 об.; *Tawaststjerna W.* Op. cit., p. 147, 192 — 193.

²⁸ ПСРЛ, т. XIV, с. 45; Корецкий В. И. Летописец с новыми известиями о восстании Болотникова.—История СССР, 1968, № 4, с. 130.

²⁹ Лашков Ф. Ф. Памятники дипломатических сношений Крымского ханства с Мос-

КАБАЛА И БАРЩИНА

(с. 101—107)

ковским государством в XVI—XVII вв. Симферополь, 1891, с. 35—36.

³⁰ Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.—Л., 1948, с. 42.

³¹ Флоря Б. Н. Русско-польские отношения и балтийский вопрос..., с. 56—62.

³² ПСРЛ, т. XIV, с. 47; Пискаревский летописец, с. 94—95; Сперанский А. Н. Очерки по истории Приказа каменных дел Московского государства. М., 1930, с. 40—42.

³³ Пронштейн А. П. К истории возникновения казачьих поселений и образования сословия казаков на Дону.—Новое о прошлом нашей страны. М., 1967, с. 172.

³⁴ Багалей Д. И. Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства. М., 1887, с. 38—39.

³⁵ Перетяткевич Г. Поволжье в XV—XVI вв. М., 1877, с. 317—318, прим. 2; Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. Л., 1937, с. 265.

³⁶ Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией, т. I. СПб., 1890, с. 36; Гераклитов А. А. История Саратовского края в XVI—XVII вв. Саратов, 1923, с. 140.

³⁷ ЦГАДА, ф. 89, д. 3, л. 239 об.

³⁸ Там же, л. 96 об.; см. также: Материалы для истории Войска Донского. Сост. И. Прянишников. Новочеркасск, 1864, с. 6, 8, 9; Воронежский край с древнейших времен до конца XVII в. Документы и материалы. Воронеж, 1976, с. 56.

³⁹ Багалей Д. И. Очерки из истории колонизации..., с. 43.

⁴⁰ Багалей Д. И. Материалы для истории колонизации и быта степной окраины Московского государства XVI—XVII столетий. Харьков, 1886, с. 10.

⁴¹ У московского правительства были свои виды на вновь присоединенный плодородный край. В период избирательной кампании в Польше царские дипломаты обещали шляхте, что царь Федор в случае его избрания на польский трон «в своих государствах в новых городех на поле хочет и польских и литовских людей землями жаловать» (ЦГАДА, ф. 79, кн. 17, л. 328 об.).

⁴² Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI—начале XVIII в. М., 1972, с. 44—54.

⁴³ Книга записная. Томск, 1973, с. 3.

⁴⁴ ЦГАДА, ф. 98. Шведские дела, 1598 г., оп. 1, д. 1, л. 215.

¹ РИБ, т. XVII, № 345, столб. 125—126; № 359, 350, 351, 346, 353, 352, 349, 357, 355, 358, 347; Новгородские писцовые книги, т. III. СПб., 1868, с. 180.

² РИБ, т. XVII, № 356, 501, 369, 368, 367, 370, 371, 366, 365, 360—364.

³ Там же.

⁴ Скрынников Р. Г. Экономическое развитие новгородского поместья в конце XV и первой половине XVI в.—Учен. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена, т. 150, вып. 1. Л., 1958, с. 10—15.

⁵ Зимин А. А. И. С. Пересветов и его современники. М., 1958, с. 389—391; ЧОИДР, 1908, кн. 2, отд. II, с. 66—67; Колычева Е. И. Холопство и крепостничество. М., 1971, с. 188—189.

⁶ Панях В. М. Кабальное холопство в XVI в. Л., 1967, с. 92—97; Корецкий В. И. Закрепощение крестьян и классовая борьба в России во второй половине XVI в., с. 200—201.

⁷ ГБЛ, собр. Горского, № 16, л. 236 об.

⁸ Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв. М., 1960, с. 259; Колычева Е. И. Холопство и крепостничество, с. 21—23, 158 и др.

⁹ Тезис о широком развитии барщины в XVI в. обосновывали Б. Д. Греков, Л. В. Черепнин и многие другие исследователи (Греков Б. Д. Крестьяне на Руси, кн. 2. М., 1954, с. 267; Л. В. Черепнин. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв., с. 230; Тихомиров М. Н. Монастырь-вотчинник в XVI в.—Исторические записки, т. 3. М., 1938; Корецкий В. И. Очерки по истории закрепощения крестьян в России в конце XVI—начале XVII в. АКД. М., 1957; Маньков А. Г. О положении крестьян в феодальной вотчине России во второй половине XVI в.—История СССР, 1959, № 4, с. 98; Горский А. Д. Очерки экономического положения крестьян Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. М., 1960; Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного. с. 90). Точка зрения Б. Д. Грекова встретила возражение со стороны ряда авторов. Наиболее полно их аргументы изложены в «Аграрной истории Северо-Запада России» (с. 353; Новгородские пятины, с. 284).

¹⁰ Подробнее см.: *Скрынников Р. Г.* Крепостничество и становление барщинной системы в России в XVI в.— *Вопросы истории*, 1976, № 1, с. 40 — 43.

¹¹ *Смирнов И. И.* Судебник 1550 г.— *Исторические записки*, т. 24. М., 1947, с. 330.

¹² Судебники XV—XVI вв. М., 1950, с. 173.

¹³ ДАИ, т. I, № 51, с. 76, 82.

¹⁴ *Самоковасов Д. Я.* Архивный материал, т. II, ч. 2. М., 1909, с. 6 — 7.

¹⁵ Там же, с. 54, 55 и др.; 13, 15 и др.; 12, 31 и др.

¹⁶ *Абрамович Г. В.* Новгородские писцовые книги как источник по истории барщины, с. 60.

Глава 10

ПРАВЯЩИЙ КРУГ

(с. 108—119)

¹ Разрядная книга 1475 — 1598 гг., с. 359 — 360; Родословная книга.— БАН, ОР, 4.7.28, л. 192 об.; Акты Юшкова, т. I, с. 216.

² Разряды, л. 755 об., 758, 812 об.; Разрядная книга 1475 — 1598 гг., с. 300, 340, 348, 358.

³ *Флетчер Д.* О государстве Русском, с. 44; *Шумаков С. А.* Обзор грамот Коллегии экономии, вып. 2. М., 1900, № 205; РИБ, т. 32. СПб., 1915, столб. 132 — 133; *Горсей Д.* Записки, с. 112 — 113.

⁴ Письма от 15 августа 1585 г., 6 июня 1588 г. и 15 января 1589 г.— *Толстой Ю.* Первые 40 лет сношений между Англией и Россией, с. 249, 294, 327.

⁵ Грамота 1589 г.— ПДС, т. I, столб. 1228, 1229, 1168 — 1174.

⁶ ЦГАДА, ф. 123, дела Крымские, кн. 18, л. 13 об.

⁷ ПДС, т. I, столб. 1174 — 1175.

⁸ Там же, столб. 1240.

⁹ Там же, столб. 1242.

¹⁰ Там же, столб. 1279.

¹¹ Там же, столб. 1098, 1123, 1168, 1180, 1191, 1244; т. X. СПб., 1871, столб. 461; Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией, т. I, с. 63, 117, 156.

¹² Наказ А. Д. Рязанову (10 июля 1592 г.).— *Анпилов Г. Н.* Новые документы..., с. 77 — 78.

¹³ Разрядная книга 1475 — 1598 гг., с. 446 — 447.

¹⁴ ПСРЛ, т. XIV, с. 44 — 45.

¹⁵ Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией, с. 296.

¹⁶ *Ключевский В. О.* Курс русской истории, ч. II. Пг., 1918, с. 21.

¹⁷ РИБ, т. XIII, столб. 632.

¹⁸ Временник Ивана Тимофеева, с. 22.

¹⁹ *Флетчер Д.* О государстве Русском, с. 152 — 153. Ср. письма Л. Сапеги из Москвы (1584 г.).— *Historia Russiae monumenta*, t. II, p. 2.

²⁰ *Pierling P.* Le saint Siege, la Pologne et Moscou. Paris, 1885, p. 19; Новгородские летописи, с. 4; *Маржарет Я.* Записки.— *Устрялов Н.* Сказания современников о Дмитрие Самозванце, ч. I. СПб., 1859, с. 255.

²¹ *Горсей Д.* Путешествия (II), с. 77; *Толстой Ю.* Указ. соч., с. 44.

²² В литературном пересказе Д. И. Годунова царский титул звучал так: «Превысочайшие царские степени... великаго монарха божьей милостию великаго государя царя и великаго князя Федора Ивановича, всея Россия самодержца и иных многих господарств, восточных, и северных, и западных, отчича и дедича и наследника...» (ГПБ, ОР, Соловецк. собр., № 858/748, л. 3 — 4).

²³ «И той убо не радя о земном царствии мимоходящем, но всегда ища непремеяемаго» (Сказание Авраамия Палицына, с. 101; см. также: *Флетчер Д.* О государстве Русском, с. 153).

²⁴ Житие Федора Ивановича.— ПСРЛ, т. XIV, с. 3.

²⁵ ДАИ, т. I, № 131, с. 196, 198 — 199, 205, 207, 208, 210.

²⁶ Дневник Акселя Гюльденстерна. В пер. Ю. Н. Щербачева.— ЧОИДР, 1911, кн. 3, отд. IV, с. 36, 78; *Горсей Д.* Путешествия (II), с. 102; Временник Ивана Тимофеева, с. 56.

²⁷ Автографы Бориса Годунова обнаружил и опубликовал Д. С. Шереметев (ЧОИДР, 1897, кн. I, с. 6 — 7).

²⁸ Повесть князя Ивана Андреевича Хворостинина.— РИБ, т. 13, столб. 531; Сказания Авраамия Палицына, с. 101.

²⁹ *Ключевский В. О.* Курс русской истории, ч. III. Пг., 1918, с. 29.

³⁰ Доклад посла Н. Варкоча (1593 г.).— Haus-, Hof- und Staatsarchiv. Wien, Russland I, Fasz. 3, 1594, fol. 35, 36. Содержание секретной части беседы посла Варкоча со Щелкаловым изложено в анонимной записке на имя гофмейстера имп. двора в Вене.

³¹ По кормовым книгам Федосью поми-
нали 25 января (Платонов С. Ф. Очерки по
истории Смуты, с. 558).

³² Платонов С. Ф. Очерки по истории
Смуты, с. 212.

³³ Масса И. Краткое известие о Моско-
вии, с. 45.

³⁴ Временник Ивана Тимофеева, с. 73.

³⁵ ЦГАДА, ф. 123, Крымские дела, кн.
21, л. 157 об., 325 об.

³⁶ Горсей Д. Путешествия (II), с. 100.

³⁷ Временник Ивана Тимофеева, с. 73.

³⁸ ГБЛ, собр. Горского, № 16, л. 474.

³⁹ После опалы и насильственного пост-
рижения князя И. Ф. Мстиславского место
первого боярина занял его сын Федор.

⁴⁰ Федотов-Чеховской А. Акты, относя-
щиеся до гражданской расправы древней
России, т. I. Киев, 1860, с. 291. Проанализи-
ровав приведенную запись, Д. Ф. Кобеко
пришел к выводу, что А. Я. Щелкалов до
кончины жил в приходе Введенской церкви
в Китай-городе, но в 1596—1597 гг. из-за
тяжелой болезни не мог приложить руку к
отписи (Кобеко Д. Ф. Дьяки Щелкаловы.
СПб., 1908, с. 5—6).

⁴¹ Масса И. Краткое известие о Моско-
вии, с. 42.

⁴² Горсей Д. Путешествия (II), с. 68,
107.

⁴³ Список двора царя Федора 1588—
1589 гг., л. 1.

⁴⁴ Разрядная книга 1598 г., с. 414.

⁴⁵ Савва В. И. О Посольском приказе
XVI в., вып. 1. Харьков, 1917, с. 235.

⁴⁶ ГБЛ, собр. Горского, № 16, л. 433—
434; Разрядная книга 1598 г., с. 498; Раз-
рядная книга 1475—1598 гг., с. 498.

⁴⁷ ЦГАДА, ф. 210, столбцы Московско-
го стола, № 751, столпик 3, л. 1; Разряды,
л. 766.

⁴⁸ ГБЛ, собр. Горского, № 16, л. 436.

⁴⁹ ГПБ, ОР, F IV, 597, л. 428 об.; ср.:
ПСРЛ, т. XIV, с. 45.

⁵⁰ Разряды, л. 767, 884 об.; Разрядная
книга 1475—1598 гг., с. 521; ПДС, т. II.
СПб., 1852, столб. 486.

⁵¹ Разряды, л. 705 об.; Разрядная книга
1475—1598 гг., с. 515.

⁵² Разряды, л. 804 об.; Синбирский
сборник, т. 1. М., 1846, с. 127. Старший брат
боярин Д. И. Хворостинин умер в августе
1590 г. (Список надгробий Троицкого мо-
настыря.—Горский А. В. Историческое опи-
сание Троице-Сергиевой лавры, ч. 2. М.,
1890, с. 103).

⁵³ Разряды, л. 705 об. В последний раз
упомянут на службе в 1592 г.

⁵⁴ ГБЛ, собр. Горского, № 16, л. 471;
Разряды, л. 804, 865 об.; ПДС, т. II, с. 486;
ААЭ, т. II, с. 50.

⁵⁵ Разрядная книга 1475—1598 гг.,
с. 486.

⁵⁶ Разряды, л. 737 об., 758 об.

⁵⁷ РИБ, т. 38. Л., 1926, столб. 22—23;
Разряды, л. 860.

Глава 11

ЗЕМСКИЙ СОБОР 1598 г.

(с. 120—150)

¹ Тихомиров М. Н. Российское государ-
ство XV—XVII вв. М., 1973, с. 42—70;
Шмидт С. О. Становление российского са-
модержавства. М., 1973, с. 120—261; Корец-
кий В. И. Земский собор 1575 г. и частич-
ное возрождение опричнины.—Вопросы ис-
тории, 1967, № 5.

² Павленко Н. И. К истории Земских
соборов XVI в.—Вопросы истории, 1968,
№ 5, с. 83—103.

³ Тихомиров М. Н. Сословно-представи-
тельные учреждения (Земские соборы) в
России в XVI в.—Вопросы истории, 1958,
№ 5, с. 16; ср.: Ключевский В. О. Сослов-
ное представительство на Земских соборах.
Соч., т. 8. М., 1958, с. 54—55.

⁴ Мордовина С. П. Характер дворянско-
го представительства на Земском соборе
1598 г.—Вопросы истории, 1971, № 2,
с. 62—63; см. также: Зимин А. А. Оприч-
нина Ивана Грозного. М., 1964, с. 175;
Скрынников Р. Г. Начало опричнины. Л.,
1966, с. 314.

⁵ Мордовина С. П. К истории утверж-
денной грамоты 1598 г.—АЕ за 1968 г. М.,
1970, с. 138; ее же. Земский собор 1598 г.
Источники. Характер представительства.
АКД. М., 1971, с. 5.

⁶ Список И. А. Навроцкого опубликован
дважды (ДРВ, ч. VII. М., 1788, с. 36—127;
Опыт трудов вольного Российского собра-
ния, т. III. М., 1774, с. 74—191). Имеется
еще список Малиновского первой четверти
XIX в. (ЦГАДА, ф. А. Ф. Малиновского
(ф. 197), портф. 4, № 27). Как показала
С. П. Мордовина, этот список не имеет са-
мостоятельного значения, будучи поздней
копией списка Навроцкого (Мордовина С. П.
К истории утвержденной грамоты, с. 129).

⁷ ДРВ, ч. VII, с. 118, 127.

⁸ Там же, с. 111, 118, 116.

⁹ Там же, с. 94, 103, 118.

¹⁰ *Скрынников Р. Г.* Переписка Грозного и Курбского. Л., 1973, с. 26 — 27.

¹¹ Список опубликован в ААЭ, т. II. СПб., 1836, № 7, с. 16 — 54. О составе Строгановского сборника см.: *Кушева Е. Н.* Из истории публицистики Смутного времени XVI в. — Учен. зап. Саратовского гос. ун-та, 1926, т. 5, с. 33.

¹² ГПБ, ОР, собр. Соловецкого монастыря, № 852/962, л. 211, 201 об., 215 об.; О.IV.17, л. 177 об., 196 об.

¹³ ГПБ, ОР, собр. Соловецкого монастыря, № 852/962, л. 216 — 218, 200, 222, 225; сб. О.IV.17, л. 189 об., 196 об., 197, 200, 203, 206 об. По Соловецкому списку, грамоту подписал Борис Годунов. В Строгановском списке текст осложнен вставкой о подписании грамоты также и сыном Бориса «государем Федором Борисовичем всея Руси» (ГПБ, собр. Соловецкого монастыря, № 852/862, л. 210; ААЭ, т. II, с. 46).

¹⁴ *Мордовина С. П.* К истории утвержденной грамоты 1598 г., с. 137 — 138.

¹⁵ В сентябре боярство получили князья М. П. Катыв-Ростовский, А. Н. Романов, А. В. Трубецкой, В. К. Черкасский и Ф. А. Ноготков; окольниковство — М. Н. Романов, Б. Я. Бельский, князь В. Д. Хилков, М. М. Салтыков и другие лица. 25 декабря 1598 г. С. В. Годунов получил чин дворецкого, с которым он и фигурирует в утвержденной грамоте (Разряды, л. 894 — 894 об., 898 об.).

¹⁶ Сб. РИО, т. 137. СПб., 1912, с. 37 — 38.

¹⁷ П. В. Годунов фигурировал как дворянин в Разрядах за 1598 г. и в боярском списке 1598 — 1599 гг., пополнявшемся сведениями о служебных перемещениях до лета 1599 г. (Разрядная книга 1598 — 1638 гг., с. 24, 41; *Мордовина С. П.*, *Станиславский А. Л.* Боярские списки конца XVI — начала XVII в. как исторический источник. — Советские архивы, 1973, № 2, с. 94). В думу П. В. Годунов вошел во второй половине 1599 г., но вскоре умер. 12 января 1600 г. Кириллов монастырь получил вклад «по окольников Петре Васильевиче Годунове» (ГПБ, собр. Кирилло-Белозерского монастыря, № 78/1317, л. 293 об.). В думном списке и среди подписей отсутствует имя думного дворянина Е. Л. Ржевского. Он умер 17 января 1599 г., но его смерти, вероятно, предшествовала болезнь (*Горский А. В.* Ис-

торическое описание Троице-Сергиевой лавры, с. 150; *Мордовина С. П.* Характер дворянского представительства..., с. 59).

¹⁸ Разрядная книга 1475 — 1598 гг., с. 536; Разрядная книга 1598 — 1638 гг., с. 81 — 82; *Флоря Б. Н.* Прибалтийские города и внешняя политика русского правительства в конце XVI — начале XVII в. — Международные отношения в Центральной и Восточной Европе и их историография. М., 1966, с. 11 — 12.

¹⁹ *Мордовина С. П.*, *Станиславский А. Л.* Боярские списки..., с. 93 — 94.

²⁰ При копировании «Лествицы» переписчик начала XVII в., по-видимому, обновил несколько имен, вписав казанского архиепископа Ефрема (с 1606 г.), игумена Иосифова монастыря Нила (с 1602 г.), рождественского игумена во Владимире Исаяю (с 1601 г.), хутынского игумена Трифона (с 1601 г.), угрешского игумена Варлаама (время поставления неизвестно) (ЧОИДР, 1912, кн. II, отд. III, с. 39 — 41).

²¹ С. П. Мордовина отметила, что в «июльской» грамоте фигурируют старые игумены, в «августовской» — новые и что исключение составлял лишь Болдинский монастырь. По списку первой редакции, болдинским игуменом был Феоктист (по Строеву, игуменствовал в 1602 — 1603 гг.), по списку поздней редакции — Феогност (по Строеву, игумен в 1598 г.) (*Мордовина С. П.* К истории утвержденной грамоты 1598 г., с. 131). Проверка позволяет выявить ошибку П. М. Строева. В майской грамоте и в «Лестнице» 7107 г. болдинский игумен назван Октистом. В подписях к грамоте 1599 г. читаем: «Вместо болдинского игумена Феоктиста». Таким образом, упоминание о Феогносте в списках грамоты 1599 г. можно объяснить опиской копииста: в то время в Болдинском монастыре бессменно правил Феоктист (Октист).

²² Рукопись работы П. М. Строева. — Архив ЛОИИ, ф. 115, № 1198, л. 540 об.; ПСРЛ, т. XIV, с. 45; *Грот К. Я.* Грамота герцога Карла. — Журнал Министерства народного просвещения, 1857, № 3, с. 9. Русские хронографы датировали возврат Корелы 1596 — 1597 (7105) г. (ГПБ, Ф IV, № 600, л. 632). Ранние сохранившиеся грамоты епископа Сильвестра с распоряжениями об устройстве церквей в Кореле относятся к маю 1599 г. (АЮ. СПб., 1838, № 385, с. 405).

²³ Чин венчания Бориса Годунова на

царство (черновик).— ГПБ, ОР, собр. Соловецкого монастыря, № 1184/1294, л. 4 — 4 об. Патриарх и царица Ирина тщетно пытались принудить умирающего Федора назначить своим преемником Годунова (*Буганов В. И., Корецкий В. И.* Неизвестный московский летописец XVII в.— Зап. ОР ГБЛ, вып. 32. М., 1971, с. 159; *Буссов К.* Московская хроника. 1584 — 1613. М.— Л., 1961, с. 80 — 81).

²⁴ ДРВ, ч. VII, с. 38. Официальное «Житие царя Федора», составленное в патриаршей канцелярии, повторяет легенду, будто перед смертью царь вручил скипетр Ирине (ПСРЛ, т. XIV, с. 19).

²⁵ ПСРЛ, т. XIV, с. 49; *Буганов В. И.* Сказание о смерти царя Федора Ивановича и воцарении Бориса Годунова.— Зап. ОР ГБЛ, вып. 19. М., 1957, с. 174; *Корецкий В. И.* Бельский летописец.— Вопросы истории, 1971, № 5, с. 139; ААЭ, т. II, с. 1; РИБ, т. XVI. СПб., 1897, стлб. 312—313.

²⁶ Пискаревский летописец, с. 101; ПСРЛ, т. XIV, с. 20; *Масса И.* Краткое известие о Московии, с. 49.

²⁷ Пискаревский летописец, с. 101; *Шербачев Ю. Н.* Датский архив.— ЧОИДР, 1893, кн. I, с. 299.

²⁸ Русский архив, 1910, № 11, с. 343.

²⁹ Сказания современников о Дмитрии Самозванце, ч. III. СПб., 1832, с. 21 — 22; *Фонкич Б. Л.* Греческо-русские связи в XV — XVII вв. М., 1977, с. 215.

³⁰ ЧОИДР, 1893, кн. 1, с. 299 — 300; *Фонкич Б. Л.* Указ. соч., с. 215.

³¹ *Горсей Д.* Записки, с. 112.

³² Пискаревский летописец, с. 108; Временник Ивана Тимофеева, с. 240.

³³ ДРВ, ч. VII, с. 39; Русский архив, 1910, № 11, с. 344; ЧОИДР, 1893, кн. I, с. 299; *Буссов К.* Московская хроника, с. 81; *Масса И.* Краткое известие о Московии, с. 47; Донесение М. Шия о поездке в Москву 1598 г.— Изд. ОИДР. М., 1875, с. 12.

³⁴ ГБЛ, ОР, собр. Горского, № 16, л. 489 об.; ПСРЛ, т. XIV, с. 50.

³⁵ ААЭ, т. II, с. 14.

³⁶ *Margaret J.* Etat d'l Empire de Russe. Paris, 1663, р. 21; ЧОИДР, 1893, кн. I, с. 298 — 299.

³⁷ *Мордовина С. П.* К истории утвержденной грамоты 1598 г., с. 131; *Скрынников Р. Г.* Земский собор 1598 г. и избрание Бориса Годунова на трон.— История СССР, 1977, № 3, с. 149.

³⁸ ААЭ, т. II, с. 15.

³⁹ ПСРЛ, т. XIV, с. 50.

⁴⁰ Русский архив, 1910, № 11, с. 339.

⁴¹ ААЭ, т. II, с. 14.

⁴² Русский архив, 1910, № 11, с. 340, 339, 341, 343. См. также: *Буганов В. И., Корецкий В. И.* Неизвестный московский летописец XVII в., с. 153; *Буссов К.* Московская хроника, с. 80 — 81.

⁴³ Русский архив, 1910, № 11, с. 341, 344.

⁴⁴ Временник Ивана Тимофеева, с. 218.

⁴⁵ ДРВ, ч. VII, с. 49.

⁴⁶ *Мордовина С. П.* Указ об амнистии 1598 г.— Советские архивы, 1970, № 4, с. 86.

⁴⁷ ДРВ, ч. VII, с. 41, 43.

⁴⁸ ААЭ, т. II, с. 21; Разряды, л. 865, 867; Разрядная книга 1598 — 1638 гг., с. 54, 59 — 61.

⁴⁹ СГГД, ч. II. М., 1819, с. 181.

⁵⁰ ДРВ, ч. VII, с. 50.

⁵¹ ААЭ, ч. II, с. 24.

⁵² Временник Ивана Тимофеева, с. 52 — 53.

⁵³ ААЭ, т. II, с. 15.

⁵⁴ ДРВ, ч. VII, с. 56.

⁵⁵ Там же, с. 54.

⁵⁶ ААЭ, т. II, с. 14.

⁵⁷ ДРВ, ч. VII, с. 55.

⁵⁸ Донесение М. Шия о поездке в Москву 1598 г., с. 12 — 13.

⁵⁹ *Elementa ad fontium editiones*, t. IV. Romae, 1961, р. 217. Автор письма принадлежал к кругам, близким к Ватикану, и ссылался на сведения, полученные «господином нунцием» от короля Сигизмунда III, письма виленского палатина королю и т. д.

⁶⁰ Русский архив, 1910, № 11, с. 341 — 342.

⁶¹ ДРВ, ч. VII, с. 66 — 68.

⁶² РИБ, т. XIII, стлб. 14 — 15.

⁶³ Ничего не говорят об этом и такие осведомленные современники, как троцкий келарь Авраамий Палицын и автор «Нового летописца» (Сказание Авраамия Палицына, с. 103; ПСРЛ, т. XIV, с. 50). По словам князя С. И. Шаховского, население «купно и единомышленно» подало голос в пользу избрания Бориса: «...народи же наипаче кричаху, ови от препростого ума своего, ови же научени бывше от самого, ови же боязни ради, да и вси единогласно вопияху, да царствует над нами» (РИБ, т. XIII, стлб. 565 — 566, 854). Шаховской не был непосредственным очевидцем манифестации.

⁶⁴ Временник Ивана Тимофеева, с. 53.

- ⁶⁵ РИБ, т. XVI. СПб., 1897, стлб. 314; ААЭ, т. II, с. 2.
- ⁶⁶ Буганов В. И., Корещкий В. И. Неизвестный московский летописец XVIII в., с. 160, 136; Буганов В. И. Сказание о смерти царя Федора Ивановича..., с. 178.
- ⁶⁷ ДРВ, ч. VII, с. 82, 86.
- ⁶⁸ Там же, с. 81—86; ААЭ, т. II, с. 37.
- ⁶⁹ ДРВ, ч. VII, с. 87, 89, 90; ААЭ, т. II, с. 38.
- ⁷⁰ ААЭ, т. II, с. 1—2; Разряды, л. 876 об., 892 об.; ГБЛ, собр. Горского, № 16, л. 520 об.—521.
- ⁷¹ ДРВ, ч. VII, с. 95; Разряды, л. 873; ГБЛ, собр. Горского, № 16, л. 479; Сборник грамот коллегии экономии, т. II. Пг., 1922, № 364, стлб. 356.
- ⁷² Русский архив, 1910, № 11, с. 345.
- ⁷³ ДРВ, ч. VII, с. 98.
- ⁷⁴ А. П. Павлов отметил противоречие в известии утвержденной грамоты о том, что Борис переехал в Москву «апреля в 1 день в третью неделю по пасце». В 1598 г. пасху праздновали 16 апреля (Павлов А. П. Соборная утвержденная грамота об избрании Бориса Годунова на престол.—Вспомогательные исторические дисциплины, т. X. Л., 1978, с. 215).
- ⁷⁵ Фонкич Б. Л. Указ. соч., с. 214.
- ⁷⁶ Разрядная книга 1598—1638 гг., с. 19—21.
- ⁷⁷ ДРВ, ч. VII, с. 101, 102.
- ⁷⁸ ААЭ, т. II, с. 16; ДРВ, ч. VII, с. 48.
- ⁷⁹ ААЭ, т. II, с. 14.
- ⁸⁰ ДРВ, ч. VII, с. 52.
- ⁸¹ Там же, с. 75, 39; ААЭ, т. II, с. 2; РИБ, т. XVI, стлб. 312—313.
- ⁸² ДРВ, ч. VII, с. 107—108.
- ⁸³ Каштанов С. М. Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI века, ч. 2.—АЕ за 1960 г. М., 1962, с. 137; Акты, относящиеся до гражданской расправы древней Руси, т. I. Киев, 1860, № 101; Сб. РИО, т. 38, с. 260; ЦГАДА, ф. 64. Сношения России с Лифляндией, № 8.
- ⁸⁴ Elementa ad fontium editiones, t. IV, p. 217.
- ⁸⁵ Разрядные книги 1598—1638 гг. М., 1974, с. 44.
- ⁸⁶ Один провинциальный летописец XVII в. сообщает, что на Ильин день 29 (?) июля 1598 г. по благословению патриарха «ино по избранью и по прошенью всея земли» Борис сел на царство и велел дать жалованье всей земле «для своего царьского венца» (Бельский летописец. Публикация

В. И. Корещкого.—Вопросы истории, 1971, № 5, с. 140). В XVI в. выражение «сесть на царство» имело определенный смысл: оно означало царскую коронацию. Описанная летописцем раздача жалованья «для венца» имела место при коронации в сентябре, а не в июле. В чем же причина хронологической ошибки летописца? Как видно, в памяти позднего летописца коронация совместилась с летней присягой Борису. Сбивчивая летописная заметка едва ли может служить надежным основанием для более широких выводов.

⁸⁷ ДРВ, ч. VII, с. 116.

⁸⁸ Там же, с. 116, 117.

⁸⁹ Временник Ивана Тимофеева, с. 66—71. Издатели текста присяги неверно датировали ее 15 сентября 1598 г., опустив подлинный заголовок рукописи (ААЭ, т. II, с. 57). Присяга сохранилась в составе Строгановского сборника и имела следующий заголовок: «Список с подкрестные записи (слово в слово) у Соли Вычегоцкие Федора Чередова лета 7107 сентября в 15» (ГПБ, ОР, сб. 0.IV.17, л. 67). Если Чередов в середине сентября имел возможность скопировать текст, будучи в Сольвычегодске, значит, этот текст был послан из Москвы несколькими неделями раньше. Речь шла, таким образом, об июльско-августовской присяге. После коронации московские власти 13 сентября направили сольвычегодскому воеводе особое объявление о том, что Борис сел на царство (там же, л. 82—85).

⁹⁰ ААЭ, т. II, с. 58—59.

⁹¹ Буганов В. И. Сказание о смерти царя Федора Ивановича..., с. 182—183.

⁹² ДРВ, ч. XII. М., 1789, с. 237; ДАИ, т. II, с. 249, 253; ЦГАДА, ф. 199, оп. 2, Портфели Миллера, № 478, ч. 1, № 14.

⁹³ Письмо Сигизмунда III А. Сапеге от 12 января 1599 г.—Архив ЛОИИ, колл. 114, № III/127, л. 13.

⁹⁴ Грамота Б. Годунова от января 1599 г. Проф. Ж. Бланков обнаружил оригинал грамоты в Брюссельском архиве и любезно предоставил ее фотокопию в ЦГАДА в Москве. Ср. наказ послу В. Сукину (ЦГАДА, Шведские дела, ф. 98, 1598, оп. 1, д. 1, л. 201—205).

⁹⁵ ДРВ, ч. VII, с. 38—39, 55; ААЭ, т. II, с. 19, 25.

⁹⁶ Каштанов С. М. Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в.—АЕ за 1957 г. М., 1958; его же. Хронологический перечень иммунитетных грамот, ч. 2.—

АЕ за 1960 г. М., 1962; Каштанов С. М., Назаров В. Д., Флоря Б. Н. Хронологический перечень иммунитетных грамот, ч. 3.— АЕ за 1966 г. М., 1968. По данным Д. А. Тебекина, вновь выданные иммунитетные грамоты распределялись по времени следующим образом: август 1598 г.— 2, сентябрь — 1, октябрь — 3, декабрь — 1; январь 1599 г.— 3, февраль — 6, март — 2, апрель — 3, май — 1.

⁹⁷ ДРВ, ч. VII, с. 116 — 117.

⁹⁸ Исключение составили лишь И. В. Сицкий и Ф. Д. Шестунов, близкие родственники Романовых. Они не поставили подписей на грамоте. В перечень собора не были включены ни князь И. И. Голицын, находившийся в Москве, ни его брат А. И. Голицын, отосланный на воеводство в Псков в январе 1598 г. и остававшийся там в 1599 — 1600 гг. В конце концов А. И. Голицын скрепил грамоту подписью за себя «и в брата место» (Разрядные книги 1598 — 1638 гг., с. 53 — 56, 81).

⁹⁹ Мордовина С. П. Характер дворянского представительства..., с. 60 — 63.

¹⁰⁰ ГПБ, собр. Соловецкого монастыря, № 852/962, л. 226; сб. О. IV. 17, л. 208 об. Сын боярский Дивов назван в Строгановском списке Дартушей, а в Соловецком списке — Даршутой. Однако родословие Дивовых более точно передает прозвище Варфоломея-Варшуты (Российская родословная книга, ч. 4. СПб., 1857, с. 388).

¹⁰¹ Самоквасов Д. Я. Архивный материал, т. II, ч. 2, с. 522; Разрядная книга 1599 — 1605 гг., с. 155.

Глава 12

ЗАКРЕПОЩЕНИЕ КРЕСТЬЯН

(с. 151—180)

¹ Татищев В. Н. История Российская, т. IV. М.— Л., 1966, с. 320.

² Соловьев С. М. История России с древнейших времен, кн. IV, т. 2 — 3. М., 1960, с. 296 — 298.

³ Ключевский В. О. Соч., т. 7. М., 1959.

⁴ Дьяконов М. А. Очерки из истории сельского населения в Московском государстве XIV — XVII вв. М., 1898.

⁵ Милюков П. М. Крестьяне в России.— Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, 1890 — 1907, т. 32.

⁶ Самый подробный историографический обзор приведен в работе Л. В. Волкова «Проблема закрепощения крестьян в России

в советской исторической науке» (Труды МГИАИ, 1967, вып. 23). См. также исследование американского историка Р. Хелли: *Hellie R. Enserfment and military change in Moscow*. Chicago, 1971, p. 1 — 18.

⁷ Адрианов С. А. К вопросу о крестьянском прикреплении.— Журнал Министерства народного просвещения, 1895, № 1, с. 239 — 251; Одынец Д. М. К истории прикрепления владельческих крестьян.— Журнал министерства юстиции, 1908, № 1, с. 136 — 138; Самоквасов Д. Я. Архивный материал, т. II, ч. 2, с. 14 — 15, 43 — 47.

⁸ Дьяконов М. А. Заповедные и выходные лета. Пг., 1915, с. 10 — 11, 19.

⁹ Греков Б. Д. Юрьев день и заповедные годы.— Известия АН СССР, т. XX. Л., 1926; его же. Главнейшие этапы в истории крепостного права в России. М.— Л., 1940; его же. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII в., кн. 2. М., 1954.

¹⁰ Веселовский С. Б. Из истории закрепощения крестьян (отмена Юрьева дня). Учен. зап. института истории РАНИОН, т. V. М., 1928, с. 207.

¹¹ Корецкий В. И. Из истории закрепощения крестьян в России в конце XVI — начале XVII в.— История СССР, 1957, № 1, с. 169.

¹² Самоквасов Д. Я. Архивный материал, т. II, ч. 1. М., 1909, с. 46 — 47.

¹³ Корецкий В. И. Из истории закрепощения крестьян..., с. 169.

¹⁴ Д. А. Замыцкий приступил к описанию Деревской пятины весной — летом 7090 (1582) г. Его книги насчитывают 1279 листов. Составить их за оставшиеся месяцы 7090 г. (до 1 сентября) было невозможно. Работа продолжалась в 7091 г., однако с перерывом на зимние месяцы, поскольку пашню под снегом не мерили (Веселовский С. Б. Сошное письмо. Исследование по истории кадастра и пососного обложения Московского государства, т. II. М., 1916, с. 183 — 184). Д. А. Замыцкий не завершил описания пятины, так как весной 7091 (1583) г. он участвовал в походе на казанцев (Разрядная книга 1475 — 1598 гг., с. 336). Оставшиеся неописанными деревские погосты посетили писцы Карцев и Ф. Шишмарев. Они составили две небольшие книги (226 и 121 лист), датированные 1582 — 1583 (7091) гг. (Зап. РГО, кн. VIII. СПб., 1853, прил. IX). Составленные в 7090 — 7091 гг. деревские книги приобрели юридическую силу лишь после того, как их проверили и исправили в

Поместном приказе в Москве. (В писцовой книге Деревской пятины имеются следы исправлений, связанных с утверждением книги в приказе.) Обычно на эту процедуру уходило много времени, иногда несколько лет (Веселовский С. Б. Сошное письмо, т. II, гл. IX—XI).

¹⁵ Самоквасов Д. Я. Архивный материал. т. II, ч. 2, с. 450; Разряды, л. 363.

¹⁶ ЦГАДА, Поместный приказ, ф. 1209, № 959, л. 199.

¹⁷ Самоквасов Д. Я. Архивный материал, т. II, ч. 2, с. 451; Анпилогов Г. Н. Новые документы, с. 415—418; ЦГАДА, Поместный приказ, ф. 1209, № 959, л. 155—156.

¹⁸ Тимофеев Н. Крестьянские выходы конца XVI в.—Исторический архив, т. 2. М.—Л., 1939, с. 67.

¹⁹ Греков Б. Д. Крестьяне на Руси, т. II, с. 291—297.

²⁰ Корецкий В. И. Из истории закрепощения крестьян..., с. 165, 169.

²¹ Тимофеев Н. Указ. соч., с. 84.

²² Таблица составлена на основании данных Н. Тимофеева (Указ. соч., с. 67). Его подсчеты проверены нами по источнику (Архив ЛОИИ, ф. 284. Приходно-расходные книги Иосифо-Волоколамского монастыря).

²³ Щепетов К. Н. Сельское хозяйство в вотчинах Иосифо-Волоколамского монастыря.—Исторические записки, т. 18. М., 1946, с. 93, 97.

²⁴ Тимофеев Н. Указ. соч., с. 83—84.

²⁵ В свое время И. И. Лаппо статистически обработал сведения тверских писцовых книг о крестьянских переходах, но полученные им результаты не могут удовлетворить исследователя. Так, И. И. Лаппо необоснованно рассматривал данные о крестьянских выходах в отрыве от хронологической канвы и за основу их классификации принял терминологию писцов (крестьяне «вышли», «сбежали», «свезены»), не замечая того, что сама эта терминология многозначна и нуждается в критике (Лаппо И. И. Тверской уезд в XVI в. М., 1894, с. 45—47).

²⁶ Еще в одном случае крестьянин «вышел по сроке об Юрьеве дни» из села в село в пределах дворцовых владений (ПКМГ, т. 1, отд. 2. М., 1877, с. 311).

²⁷ Таблицы 6, 7 и 8 составлены на основании писцовой книги дворцовых волостей Симеона Бекбулатовича 1580 г. (ПКМГ, т. 1, отд. 2, с. 298—308).

²⁸ ПКМГ, т. 1, отд. 2, с. 322, 345, 298—300.

²⁹ Сошлемся хотя бы на предписание дворцовому приказчику Юрьевского уезда от 24 февраля 1580 г.: «...а вперед бы есте из-за монастырской вотчины крестьян не возили не по сроку, и без отказу, и безпошлинна, и не по их хотенью» (Дьяконов М. А. Заповедные и выходные лета, с. 9).

³⁰ Приведенные данные о переходах крестьян в вотчинах Иосифо-Волоколамского монастыря, боярина Н. Р. Юрьева и отчасти князя Симеона свидетельствуют, что крупные привилегированные землевладельцы придерживались норм Юрьева дня несколько дольше, чем прочие феодальные землевладельцы.

³¹ Корецкий В. И. Новое о крестьянском закрепощении и восстании Болотникова.—Вопросы истории, 1971, № 5. Опубликованная В. И. Корецким летопись из Уваровского собрания (ГИМ, ОР, Уваровское собр., № 569) была впервые выявлена А. Н. Насоновым (Насонов А. Н. Летописные памятники хранилищ Москвы.—Проблемы источниковедения, т. IV. М., 1955, с. 264).

³² Список Уложения о крестьянах царя Василия Шуйского 1607 г., изданный И. И. Смирновым (Смирнов И. И. Новый список Уложения 9 марта 1607 г.—Исторический архив, 1949, т. IV), является, как доказал С. Н. Валк, текстом отрывка четвертой редакции «Собрания законов», подготовленного В. Н. Татищевым (Валк С. Н. О составе рукописей седьмого тома В. Н. Татищева.—История Российская, т. VII. Л., 1968, с. 45). Несмотря на то что Уложение 1607 г. сохранилось в пересказе В. Н. Татищева, его достоверность в целом не вызывает сомнений (Веселовский С. Б. Из истории закрепощения крестьян...; Греков Б. Д. Крестьяне на Руси, кн. 2; Чаев Н. С. К вопросу о сыске и прикреплении крестьян в Московском государстве в конце XVI в.—Исторические записки, 1904, т. 6).

³³ Указы Судебнику в дополнение (редакция начала 1750 г.), ст. 172.—Татищев В. Н. История Российская. Л., 1968, т. VII, с. 373.

³⁴ Корецкий В. И. Новое о крестьянском закрепощении..., с. 142.

³⁵ Там же, с. 138. Составитель Бельского летописца снабдил повествование об указе Годунова 1601 г. странным заголовком — «О апришнине». Эта деталь показывает,

сколь смутно представлял себе автор летописца события полувековой давности.

³⁶ *Корецкий В. И.* Новгородские дела 90-х годов XVI в. со ссылками на неизвестные указы царя Федора Ивановича о крестьянах.— АЕ за 1966 г. М., 1968 (далее — Новгородские дела 90-х годов), с. 325.

³⁷ *Самоковасов Д. Я.* Архивный материал, т. II, ч. 2, с. 500.

³⁸ Там же, с. 449, 450, 451, 453; *Анпилов Г. Н.* Новые документы, с. 415, 417.

³⁹ *Самоковасов Д. Я.* Архивные материалы, т. II, ч. 2, с. 452, 453; *Анпилов Г. Н.* Новые документы, с. 418 — 420.

⁴⁰ Обыск от 30 марта 1588 г. (*Анпилов Г. Н.* Новые документы, с. 417). В двух последующих обыскных грамотах вопросник повторен дословно, но с сокращениями.

⁴¹ *Самоковасов Д. Я.* Архивный материал, т. II, ч. 2, с. 48; *Анпилов Г. Н.* Новые документы, с. 417.

⁴² Названные судные документы были разысканы и опубликованы В. И. Корецким (*Корецкий В. И.* Закрепощение крестьян и классовая борьба в России, прил. 2, с. 321 — 336).

⁴³ *Анпилов Г. Н.* Новые документы, с. 433.

⁴⁴ О датировке грамоты см.: *Побойнин И.* Торопецкая уставная грамота 7099 г.— ЧОИДР, 1902, кн. 2, с. 355, прим. 2, с. 359.

⁴⁵ *Веселовский С. Б.* Из истории закрепощения крестьян, с. 208, прим. 3; *Греков Б. Д.* Крестьяне на Руси, т. II, с. 302 — 303; *Корецкий В. И.* Из истории закрепощения крестьян..., с. 165.

⁴⁶ *Корецкий В. И.* Из истории закрепощения крестьян..., с. 165.

⁴⁷ *Анпилов Г. Н.* Новые документы, с. 418. Достоверность приведенного показания подтверждается дозорами в поместьях Н. Матушкина и Р. Обольянинова (22 июля 1587 г.), куда вышли тяглые крестьяне Б. И. Кропоткина. Выходцы были укрыты от дозорщиков и в тяглецах не числились (*Самоковасов Д. Я.* Архивный материал, т. II, ч. 2, с. 476, 478—479).

⁴⁸ *Самоковасов Д. Я.* Архивный материал, т. II, ч. 2, с. 452; ЧОИДР, 1902, кн. 2, с. 359; *Побойнин И.* Торопецкая уставная грамота 7099 г., с. 355, прим. 2.

⁴⁹ *Корецкий В. И.* Закрепощение крестьян и классовая борьба в России, прим. 2, с. 334.

⁵⁰ *Чаев Н. С.* К вопросу о сыске и при-

креплении крестьян в Московском государстве в конце XVI в.— Исторические записки, 1904, т. 6, с. 152, 155; Архив ЛОИИ, ф. Антониево-Сийского монастыря, № 701 (данные сообщены А. И. Копаневым).

⁵¹ Сборник старинных бумаг, хранящихся в музее П. И. Щукина, ч. 2. М., 1897, с. 228 — 229; *Корецкий В. И.* Закрепощение крестьян и классовая борьба в России, с. 110.

⁵² *Самоковасов Д. Я.* Архивный материал, т. II, ч. 2, с. 483. До разорения в Березовском ряду насчитывалось не менее 70 тяглых дворов.

⁵³ *Смирнов П. П.* Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в., т. I. М.— Л., 1947, с. 166 — 167.

⁵⁴ СГГД, ч. 1, с. 595.

⁵⁵ Указы Судебнику в дополнение (редакция начала 1750 г.), с. 172.

⁵⁶ В. И. Корецкий, систематизируя данные источников о переписи земель в 80-х годах, первым установил тот факт, что после 1585 г. общее описание охватило большинство основных районов страны, а в начале 90-х годов деятельность писцов затухает (*Корецкий В. И.* Закрепощение крестьян и классовая борьба в России, с. 120 — 123, 306 — 310).

⁵⁷ *Яницкий Н. А.* Экономический кризис в Новгородской области XVI в., табл. 6 — 8, 10; *Абрамович Г. В.* Государственные повинности владельческих крестьян Северо-Западной Руси в XVI — первой четверти XVII в.— История СССР, 1972, № 3, с. 77.

⁵⁸ Перевод сверен по фототипическому изданию "Of the Russe Common welth" by G. Fletcher. Cambr.— Mass., 1966, p. 49; ср.: *Д. Флетчер.* О государстве Русском, с. 71.

⁵⁹ Впрочем, такая интерпретация сведений английского ученого-юриста достаточно гипотетична, поскольку распоряжения по поводу упорядочения тягла первоначально ограничивали переход только владельцев тяглых участков и не распространялись на их сыновей и племянников.

⁶⁰ ЦГАДА, ф. 1209, кн. 379, л. 324, 329. Факт установлен О. Шватченко.

⁶¹ ЦГАДА, ф. 1209, кн. 972, л. 57, 119 об.

⁶² *Анпилов Г. Н.* Новые документы, с. 25, 324, 364 — 365.

⁶³ Там же, с. 369, 371.

⁶⁴ Там же, с. 331, 332, 336 — 337, 338, 347, 349.

⁶⁵ ПСРЛ, т. XIV. СПб., 1910, с. 44.

⁶⁶ РИБ, т. 14. СПб., 1894, столб. 125 —

137. В исковой челобитной говорилось, что крестьяне выбежали из-за монастыря, а живут на Двине. Один крестьянин ушел в черные волости (как можно догадаться на основании дополнительной статьи); второй женился на дочери никольского крестьянина и ушел к нему во двор, т. е. покинул надел, но оставался в пределах монастырской вотчины.

⁶⁷ Там же, стлб. 135 — 137. Старцы не упомянули о том, что беглецы покинули вотчину «бессрочно», хотя оба крестьянина нарушили сроки выхода в Юрьев день.

⁶⁸ Вставка статьи о свозе крестьян в текст решения о беглых крестьянах свидетельствует об отсутствии четких юридических определений самих терминов «своз» и «бегство», что имеет немаловажное значение для понимания московской юриспруденции XVI в.

⁶⁹ РИБ, т. 14, стлб. 137.

⁷⁰ Новгородские дела 90-х годов, с. 318.

⁷¹ Там же, с. 313.

⁷² Подробный разбор реконструкции В. И. Корецкого см.: Скрынников Р. Г. Россия после опричнины, с. 206 — 212.

⁷³ Корецкий В. И. Из истории закрепощения крестьян..., с. 182.

⁷⁴ Греков Б. Д. Очерки по истории феодализма в России.— Известия Государственной академии истории материальной культуры, вып. 72. М.— Л., 1934, с. 156.

⁷⁵ Помимо наказа Мисаила можно сослаться также на записи, взятые в 1599 г. с крестьян, переселенных в Сибирь. Крестьян обязывали не покидать («не сойти», «не збежати») тяглые пашенные наделы «до государева указу» (Корецкий В. И. Из истории закрепощения крестьян..., с. 173). Крестьяне, поряжавшиеся на земли феодала, еще в первой четверти XVII в. обязывались «до

государевых до выходных лет ни за кого не выдти и не сбежать» (Дьяконов А. М. Акты, относящиеся к истории тяглого населения в Московском государстве, вып. 1. Юрьев, 1895, с. 25, 28).

⁷⁶ Указы Судебнику в дополнение (редакция начала 1750 г.), ст. 172.

⁷⁷ ПРП, вып. IV. М., 1956, с. 539.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

(с. 181—184)

¹ Бахрушин С. В. Классовая борьба в русских городах..., с. 213 — 214.

² Пискаревский летописец, с. 87; Письмо Болоньетти от 16 мая 1584 г.— *Historia Russiae monumenta*, t. II, p. 1.

³ Введенский А. А. Дом Строгановых в XVI—XVII вв. М., 1962, с. 50 — 51.

⁴ Клейн В. К. Угличское следственное дело..., л. 3, 27, 37, 44.

⁵ ААЭ, т. III. СПб., 1836, с. 150; Шереметев Г. С. От Углича к морю студеному.— *Старина и новизна*, кн. 7. СПб., 1904.

⁶ Смирнов П. П. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в., т. I. М.— Л., 1947, с. 165 — 167, 173, 175.

⁷ Там же, с. 171, 173.

⁸ ПСРЛ, т. XIV, с. 44.

⁹ Корецкий В. И. Закрепощение крестьян и классовая борьба в России, с. 264 — 267.

¹⁰ Смирнов И. И. Классовые противоречия в феодальной деревне в России в конце XVI в.— *Проблемы истории материальной культуры*, 1933, № 5 — 6.

¹¹ ПСРЛ, т. XIV, с. 58.

¹² Корецкий В. И. Формирование крепостного права и первая Крестьянская война в России, с. 210—212.

¹³ ГБЛ, собр. Горского, № 16, л. 437 об.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ААЭ	— Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Академии наук
АЕ	— Археографический ежегодник
АИ	— Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией
АФЭХ	— Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI вв.
АЮ	— Акты юридические
БАН	— Библиотека Академии наук СССР
Временник ОИДР	— Временник Общества истории и древностей российских при Московском университете
ГБЛ	— Государственная библиотека имени В. И. Ленина
ГИМ	— Государственный Исторический музей
ГПБ	— Государственная Публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина
ДАИ	— Дополнения к Актам историческим
ДДГ	— Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.
ДРВ	— Древняя Российская Вивлиофика
ЛОИИ	— Ленинградское отделение Института истории АН СССР
ОР	— Отдел рукописей
ПДС	— Памятники дипломатических сношений
ПКМГ	— Писцовые книги Московского государства
ПРП	— Памятники русского права
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей
РАНИОН	— Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
РГО	— Русское географическое общество
РИБ	— Русская историческая библиотека
РИО	— Русское историческое общество
СГГД	— Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел
ТКДТ	— Тысячная книга 1550 г. Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в.
ТОДРЛ	— Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР
ЦГАДА	— Центральный государственный архив древних актов
ЧОИДР	— Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете

Скрынников Р. Г.

С 45 **Россия накануне «смутного времени».— М.: Мысль, 1981.— 205 с., ил., 12 л. ил.**

В пер.: 2 р. 70 к.

Монография доктора исторических наук Р. Г. Скрынникова посвящена переломному периоду русской истории, подготовившему «смуту». Тщательная критика источников позволяет автору раскрыть механизм закрепощения крестьян и воссоздать политические коллизии, сопутствовавшие рождению крепостнического режима. В центре повествования — противоречивая фигура Бориса Годунова, с именем которого тесно связаны социальные нововведения тех лет. Особое внимание уделено земским соборам и становлению элементов сословного представительства в России.

**С 10604-125
004(01)-81 63-80**

**63.3(2)45
9(С)13**

Скрынников
Руслан
Григорьевич

РОССИЯ
НАКАНУНЕ
«СМУТНОГО ВРЕМЕНИ»

Заведующий редакцией

В. С. АНТОНОВ

Редактор

С. С. ИГНАТОВА

Младший редактор

Т. В. МАЛЬЧИКОВА

Оформление художника

В. И. ТЕРЕЩЕНКО

Художественный редактор

И. А. ДУТОВ

Технический редактор

Е. А. ДАНИЛОВА

Корректор

Т. М. ШПИЛЕНКО

ИБ № 1207

Подписано в печать с готовых диапозитивов 15.01.81.

А 02509. Формат 70\90¹/₁₆. Бумага мелованная.

Офсетная печать. Академич. гарн. Усл. печатных листов 16,97 с вкл. Учетно-издательских листов 17,13 с вкл.

Доп тираж 80 000 экз.

Заказ № 1989. Цена 2 р 70 к.

Издательство «Мысль» 117071. Москва. В-71,
Ленинский проспект, 15.

Московская типография № 5 Союзполиграфпрома
при Государственном комитете СССР по делам
издательств, полиграфии и книжной торговли.
Москва, Мало-Московская, 21

[illegible]